

**ЩОРСКИЕ
СКАЗКИ
ЛЕГЕНДЫ**

ББК - 84 (2 ш)

Ш – 78

Составитель
А. И. Чудояков

Редакционная коллегия:

А. И. Чудояков, А. А. Сербегешева, Ю. С. Тотыш,
Г. В. Косточаков, Н. М. Печенина, Е.А. Бекренев

«Шорские сказки, легенды» — это плод длительной работы кандидата филологических наук, профессора Новокузнецкого педагогического института А. И. Чудоякова. Сборник представляет интерес для учащихся национальных школ, студентов, изучающих историю, культуру шорского народа, а так же для широкого круга читателей.

**Книга напечатана по заказу Ассоциации шорского народа при
финансовой поддержке ОАО «Запсибметкомбинат».**

ISBN 5-94306-116-9

© ООО «Редакционно-
издательская фирма «Весть»

Сборник «Шорских сказок и легенд» был подготовлен моим отцом, Андреем Ильичом Чудояковым, ещё в 1985-1986 годах. Основу сборника составляют сказки, которые он сам записал на магнитную ленту, перевел на шорский и русский языки. С течением разных обстоятельств книга не вышла в свет при его жизни.

И вот сборник издан. Мы благодарны всем, кто способствовал появлению этой книги. Особая благодарность депутату Законодательного собрания Кемеровской области Надежде Михайловне Печениной.

**А.А. Сербегешева (Чудоякова)
от семьи А. И. Чудоякова.**

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	6
ШОРСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПРОЗА	13
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ	20
ПОДУР ПАКЕН	21
АБЫШКА - СТАРЫЙ ОХОТНИК	25
НАСТОЯЩАЯ ЖЕНА	34
НЕСЧАСТЛИВЕЦ НЕККЕР	37
ЧАГЫС - ОДИНОКИЙ ПАРЕНЬ	43
ВОЛШЕБНАЯ КНИГА	51
АЛЫГ АНЧИ	63
УШ-КАРАК	71
ПТИЦА СЧАСТЬЯ	77
БЫТОВЫЕ СКАЗКИ	86
ОЙЛА И МУКАЛАЙ	87
ЧАШТАН И КОПЧЕТ	89
НАУЧИ МЕНЯ ПЕТЬ	90
БЕГЛАЯ ДЕВУШКА	91
ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ	96
ОБИДЧИВЫЙ ВОР	97
АРГАЧИ И КУЙУРЧИ	99
ХИТРЫЙ АРГЫНАК	104
АЙ-ТАМАШ	108
СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ	111
КОВАРНЫЕ БАРСУКИ	112
НЕНАСЫТНЫЙ БАРАН	113
ЖАДНОСТЬ ЛИСЫ	114
В МУТНОЙ ВОДЕ САМ ПОПАДЕШЬ	116
ЧТО БЫЛО, ТО ПРОШЛО	116

ЛЕГЕНДЫ	117
ОТЧЕГО БАРСУК ЖИРНЫЙ	118
КУКУШКА	120
МРАС-СУ И КАРА-ТОМ	121
ПУС-ТАГ	123
ЖЕЛЕЗНЫЙ СТОЛЬ ПОСРЕДИ ЗЕМЛИ	126
КАК ЧЕЛОВЕК СТАЛ ХОЗЯИНОМ ЗЕМЛИ	127
ТЕМИР-ТАШ - ЖЕЛЕЗНЫЙ КАМЕНЬ	128
СМЕРТЬ И КУЗНЕЦ	130
ИЗ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ	132
КЕСТЭЙ	133
ЗОЛОТАЯ БЕРЁЗА	136
ПРИМЕЧАНИЯ	143
СЛОВНИК ШОРСКИХ СЛОВ И ИМЕН, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ТЕКСТАХ СКАЗОК, ЛЕГЕНД	152

В В Е Д Е Н И Е

Горная Шория является частью южной Сибири - родиной шорцев, издавна отнесённых к «лесным народам», каковыми были и тюрко-язычные алтайцы, телеуты, теленгиты, телесы, челканцы, тубалары, кумандинцы, тувинцы и другие народы, населявшие Восточные и Западные Саяны, Хангайское нагорье, русский Горный Алтай и монгольский Алтай, занимавшие территорию от бассейна Селенги до верховьев Иртыша на севере, а на юге - до северных окраин пустыни Гоби.

В климатическом и природном отношении Горная Шория резко отличается от природы и климата южных районов, надёжно защищённых от северных ветров высокими горами и менее страдающих от избытка атмосферных осадков, особенно в зимние периоды времени. Если на Южном Алтае, в Саянах и Минусинской котловине природные условия были благоприятны для круглогодичного пастбищного скотоводства, то северный Алтай и Горная Шория из-за глубоких снегов такими условиями не располагали.

В прошлом образ жизни аборигенного населения Горной Шории и Саяно-Алтая определялся географическими, климатическими и природными условиями. Как и у других «лесных народов», у шорцев издавна было многоотраслевое хозяйство: охота, скотоводство, мотыжное земледелие, кузнечное ремесло, гончарное производство, ручное ткачество и т.п.

В связи с тем, что в Горной Шории в изобилии водились различные животные, лесные птицы, а в горных речках - речная рыба, в их хозяйстве охота и рыболовство занимали значительное место, однако не в такой степени, как сообщают нам путешественники. В XVIII - XIX веках, когда всё население Сибири, в том числе шорцы, платили дань русскому царю мягкой рухлядью - пушниной. «Иностранческое» население промыслом занималось поневоле. Вся добыча охотников уходила в казну в виде уплаты дани. Самим охотникам от промысла почти ничего не оставалось.

В Горной Шории из-за глубоких снегов практиковалось стойловое содержание скота. В количественном отношении оно не шло ни в какое сравнение со скотоводством в южных районах региона.

Если в хозяйстве у алтайских, хакасских, тувинских скотоводов насчитывались десятки, сотни, у особо богатых даже тысячи голов скота в лучшем случае, то в шорских хозяйствах счёт скоту вёлся на единицы и десятки, лишь у немногих хозяев скот исчислялся десятками голов.

Однако у некоторых «кузнецких татар», то есть у шорцев, было достаточно много скота. Об этом свидетельствуют русские письменные источники начала XVII века. Вот один из них: «... и для де государевы службы и для киргизских вышских людей у кузнецких татар и юртовских татар покупают они лошадей дорогою ценою. А кузнецкие де таможенные целовальники емлют с них государевы пошлины со всякой лошади с рубля по гриве». В качественном отношении стойловое содержание скота было прогрессивным способом хозяйствования.

Одной из основных отраслей натурального хозяйства шорцев было мотыжное земледелие, дошедшее в своём развитии до плужной обработки земли. Развитию земледелия способствовали две причины: плодородные земли и

опыт земледельческого производства в южной Сибири с глубокой древности. Там, где жили шорцы, земли, в основной своей массе, черноземные и плодородные. Это бассейны рек Аба, Сары Чумыша, полустепная часть бассейна реки Кондомы и долина реки Томи, начиная от устья реки Мрас-Су. Именно об этих местах с восхищением пишет А.Н. Державин в конце прошлого века: *«При своих многократных экскурсиях по Кузнецкому округу я видел весёлую долину Ини, жизнерадостную - Кондомы, величественную - Томи, неприветливые и безлюдные долины Усы, Терсей, Тайдона. оголенные и печальные предгорья Салаирского кряжа - холмы, идущие от села Бачатского к вершинам реки Абы; с высоты Каракана смотрел в сторону села Бачатского на обширное приволье черноземной равнины; проезжая из села Баннова в село Борисово по возвышенности с прекрасными лугами, между Иней и Томью, я любовался на отдельные очертания Алатау, с вершины которого спускается сплошная тайга к Томи, и мне всюду думалось: вот счастливый край, где даны блага человеку - черноземная почва, обилие воды, а в недрах земли каменноугольное богатство; какое счастливое сочетание условий для благосостояния будущего населения».*

В южной Сибири земледелие возникло рано и было развито не только в районе Горной Шории, но и в других районах Саяно-Алтая. Известный историк С.В. Киселев отмечает, что в южной Сибири земледелие занимает важное место уже в андроновском хозяйстве (1700-1200 лет до н.э.), а в тагарскую эпоху (1700-100 лет до н.э.) оно достигает уже уровня поливного земледелия. *«Вода для оросительных каналов иногда проводилась за 15-20 км».* Земледелие получает дальнейшее развитие и в последующие эпохи. В период образования древнетюркского каганата на Алтае существует поливное земледелие, возникшее в середине I тысячелетия н.э.

На древность шорского земледелия указывают многие данные, например, шорская легенда о двух братьях Темир-Кириш и Кола-Кириш, записанная Л.П. Потаповым у старика Тулбаева из рода Кобый. *«Братья были замечательны тем, что у них на пупах росла пшеница, и они занимались земледелием. От них произошёл род Кобый»;* показателен аграрный шорский календарь: по-шорски август называется «аш кесчен айы» («месяц срезывания хлеба») а сентябрь - «ортон айы или уртун айы» («месяц обжигания»), то есть молотбы хлеба способом обжигания: шорское название поля - «кра» или «тарвалыг», «тарвалы». В районе г. Междуреченска Кемеровской области, напротив шорского посёлка Карай, подножье горы называется «тарвалыг пук» («пашня»); в пятнадцати километрах от г. Новокузнецка, выше посёлка Абашево, было шорское селение Тарваган («пашни»). Все эти слова, имеющие общий корень с «тара-» («боронить»), или «таар абылом» «мотыгой копать землю для посева», восходят к общетюркскому корню «таранчи» - «земледелец», или «тарлаг». *«В надгробных надписях IX - X вв. встречаются слова «ангыз» - поле, пашня и «тарлаг», которое в древности и в современном хакасском языке означает пашня»,* - пишет Кызласов. О древности шорского земледелия говорят и шорские фамилии, например, Арбачаков. Эта фамилия происходит от слова «арба» («ячмень»), Арбачаковы - это люди, которые сеяли ячмень, или мастера по выращиванию ячменя. На древность шорского земледелия указывают и обряды. Многие обряды шорцев никак не вяжутся с нашей охотой. Например: обряд «задабривания» хозяев гор по прибытии на место промысла. Л.П. Потапов отмечает, что все народы Северного Алтая (кумандинцы, тубалары, челканцы и

шорцы) по прибытии на место охоты, остановившись у подножья той или иной горы, совершали обряд «задабривания» «хозяев» горы путём брызгания «абырткой» - изделием из ячменной муки, продуктом земледельческого труда. У шорских охотников на промысле основными продуктами питания были опять же ячменная мука и мясо «согума» — лошади, специально предназначенной для забоя на месте охоты.

Едва ли не самой основной отраслью натурального хозяйства шорского населения юга индустриального Кузбасса являлась чёрная металлургия. Железо, открытое в Минусинской котловине ещё в середине тагарской эпохи (V - IV вв. до н.э.), впоследствии получившее повсеместное распространение, сыграло решающую роль в жизни всех народов региона, главным образом в земледелии и военном деле. Оно добывалось в разных местах Алтая. *«Памятниками этого являются многочисленные железные рудники, «чудские ямы». Они расположены не только в горах, окружающих Минусинскую котловину, - на острогах Саян и Алтая в Кузнецком Алатау, но и в центре Минусинских степей. Например за рекой Тубою».*

Выплавка стали, что уже свидетельствует о высоком уровне достижения материальной культуры, и дальнейшая обработка изделий из неё с древнейших времён находилась в руках «лесных народов» Саяно-Алтая. Ещё до создания первого тюркского каганата различные железные изделия алтайских мастеров шли в уплату дани многим завоевателям, в том числе жуань-жуаням. Известны слова жуань-жуаньского Анахуаня, сказанные в адрес вождя туг-ю: *«Ты - мой плавильщик, как осмелился сделать такое предложение?»*

Плавильщиками были «лесные народы», но кузнецами назывались шорцы. Сталь, выплавленная шорскими мастерами, в начале XVII века получила высокую оценку русских казаков. О качестве стали, выплавленной шорскими металлургами, сохранилась немало сведений, мы ограничимся одним из наиболее ранних, относящихся к 1660 году. *«Пленный поляк, возвращённый из Кузнецка, рассказал мне чудеса об обилии хорошего железа у тех людей, которые действительно не даром и исконно получали это имя и зовутся «кузнецами». Он сказал, что там живут какие-то дикие, боязливые люди татарского племени из Кондабской (Кондома. - А.И.) и из неких других орд. Они копают железо, куют железные горшки, котлы, тазы, малые и большие, как кто попросит, (размером) хотя бы и с самую большую кладь. А куют они за небольшую цену: дай ему мешок ячменя, а он тебе даст железный горшок или таз. А железо это наилучшее».*

Кустарный способ выплавки стали шорскими кузнецами был описан ещё в начале XVII века. Об этом свидетельствует наказ царя Михаила Фёдоровича 1622 года воеводе Баскакову. Примерно сто лет спустя, в 1739 году, академик И. Гмелин, посетивший шорскую деревню Гадеву на р. Мундыбаше подробно описал производство железа кондомскими шорцами. Ещё через 300 лет, в 1940 году, писателю А.И. Смердову довелось увидеть в колхозе «Кызыл Шор» выплавку металла колхозными мастерами древнейшим сыродутным способом.

«Шорские железоплавильные аппараты не являются изобретением XVII - XVIII столетий, - пишет Я.И. Сунчугашев, - а, надо полагать, бытуют, бесспорно, с древнейших времен, по крайней мере - с эпохи бронзы».

«Широкое распространение чёрной металлургии у шорцев так поразило русских, что они стали звать местное население кузнецами, Кузнецким звали и острог, поставленный в этой земле», - пишут авторы «Истории Кузбасса».

Эти основные отрасли натурального хозяйства определяли социальную жизнь аборигенного населения южной Сибири, начиная с середины VI века, то есть с периода образования первого тюркского каганата - государственного устройства как «лесных народов», так и степных скотоводов. (Многоотраслевое хозяйство существовало до VI века).

На базе указанных отраслей натурального хозяйства и зарождавшейся ранней феодальной государственной структуры развивались духовная культура и образ жизни «лесных народов», в том числе далёких предков современных шорцев.

Издавна шорцы вели осёдлый образ жизни, ибо ведение натурального хозяйства и кузнечное ремесло - привязывали население к определённой местности.

Переходу к осёдлости содействовали также географическая среда, климатические и природные условия. В горах и предгорьях Горной Шории снег в несколько метров глубиной, становится естественной преградой для круглогодичного пастбищного скотоводства, исключает тебеневку и передвижение с одного места на другое, приводит к стойловому его содержанию.

Об осёдлости шорского населения бассейнов Кондомы, Мрас-Су и верховьев Томи пишут русские казаки: *«Следующим народом, который в Томске решили присоединять к русскому государству, были кузнецкие татары. Это решение легче было привести в исполнение, что оседлый образ жизни кузнецких татар, благодаря которому они оставались постоянно в одной и той же местности, весьма благоприятствовал намеченной цели. Эти татары жили по реке Кондоме и Мразе, впадающим в реку Томь».*

Оседлыми называет Н.М. Ядринцев *«инородцев бийского и кузнецкого округов, также и сибирских татар, которые сохраняют древние постройки, избы с народами, чувалами, но уже не кочуют».*

«К осёдлому, но сибирскому уложению принадлежат все те, которые ведут оседлый образ жизни, то есть живут в городах... во-вторых, как например, бухтарминские татары и некоторые бийские и кузнецкие инородцы», - пишет С.С. Шашков.

Оседлый образ жизни определил тип шорских строений. На территории Западной Сибири было много городов, укрепленных пунктов, даже дворцов! В бревенчатых домах жили уже тагарцы. Общеизвестен древний тагарский посёлок, нарисованный на скале вблизи села Бояры (Минусинская котловина). Об этом посёлке С.В. Киселёв пишет: *«На одной из скал имеется рисунок целого татарского поселения. В ряд стоят четыре дома и одна юрта. Три дома бревенчатые, рубленные в обло. Брёвна переданы параллельными горизонтальными бороздами, покрывающими стены. Четвёртый дом, по-видимому, глинобитный... Можно предположить, что заштрихованные четырёхугольники изображают обработанные участки земли, которые объясняют бревенчатые дома оседлого населения так же, как стада объясняют юрту... По способу обработки земли татарское земледелие было ручным, мотыжным».*

На территории Хакасии археологами произведены раскопки развалин древних дворцов. Об одном из таких дворцов Л.А. Евтюхова сообщает следующее: *«В общем здание состояло из 20 комнат и одного большого зала. Комнаты были приблизительно одного размера площадью 28-30 кв. м. Все они сообщались между собою дверями».*

В своих многочисленных работах историк Л.С. Кызласов указывает на даты строительства древних крепостей, замков и укреплений Хакасии. В одной из его работ мы находим дату функционирования древней крепости, а в другой - древнего городка.

В статье «Раскопки средневекового замка в Хакасии» А.Г. и И.Л. Кызласовы пишут об открытии в древнем городке, стоявшем в дельте р. Уйбат, уникального замка IX - XII веков. *«Скорее всего, это замок верховного правителя древних хакасов Ажо, который в середине IX века объявил себя каганом».*

С.А. Плетнёва отмечает, что кочевники третьей стадии кочевания *«по существу уже не являются «кочевым» в полном смысле этого слова. Основная масса населения перешла на этой стадии к стадии осёдлости, занялась земледелием и освоила многочисленные ремёсла... стали строить «кочевые феодальные замки... степные города».*

Известно, что в Западной Сибири степных городов было немало. Одним из них в предгорьях Горной Шории был городок абинцев (северных шорцев). Об этом сообщают русские казаки в донесении царю: *«... Абинский улус повоевали, городок у них взяли и князьков (и) лучших людей взяли на драке живых».* На месте нынешнего старого города Кузнецка в XVI веке и в начале XVII века жили предки шорцев, которые называли себя абинцами. Здесь у них было небольшое укрепление. О былом существовании городка Аба-Тура шорцы пожилого возраста помнят до сих пор.

Стойкая привязанность шорцев к своим родным местам связана и с их внутренней спаянностью. К приходу в южную Сибирь русских казаков шорцы представляли собой единый народ, и потому уже к 1639 году завершился процесс присоединения к России всех шорских племён.

С начала XVII века, со времён присоединения Горной Шории, прошло около четырёх веков. Всё это время шорцы прожили рядом с кумандинцами, тубаларами, лебединцами, сагайцами и телеутами в близком соседстве, но ни с одним из этих народов они не смешались. Все народы проявили удивительную стойкость. А жили они почти в одинаковых условиях: в полном политическом беспорядке, платили дань русскому царю. К концу XIX века они уравнились и по роду занятий. Однако границы территорий, охотничьи угодья того или иного народа другими народами не нарушались.

Сложна была внутренняя социальная организация у каждого народа. В Горной Шории родовой принцип владения землёй в значительной степени был нарушен. Но охотничьи угодья были распределены по родам.

Сохранялось внутреннее единство рода, хотя кровного родства внутри рода давно уже не было. Представители того или иного рода, где бы ни жили, входили в состав данного чона - особой социальной организации. Русскому царю они платили дань вместе со своим чоном. Чоны просуществовали до 1912 года.

Однако чон нельзя отождествлять с родом. В то же время их трудно разграничить, так как термин «чон» употребляется вместе с названием конкретного рода, например: карга-чоны (народ рода карга), или тайаш-чоны (народ рода тайаш) и т.д. Род перерастал в более сложную социальную структуру - в чон, потому что чоны, в свою очередь, состояли из множества толев - частей чонов, фамилий. В то же время под чоном шорцы понимают народ. В народном представлении нет чётких границ между понятиями народ, племя и род.

В шорском языке, в терминах, в отдельных понятиях до сих пор сохранились следы былых сложных социальных структур, которые по целому ряду причин давно распались. Распались все государственные образования, а понятия остались. Например, наряду с термином «чон» (народ) до сих пор шорцы употребляют термин «калык» (мир) или их употребляют вместе; «калык-чон», «что можно перевести как» мир-народ. Существует понятие «Эль» - союз племён, страна.

Эти и многие другие понятия шорцев восходят к домонгольскому периоду истории Южной Сибири. Многие шорские роды встречаются в среде древних тюрков, входят в состав древнетюркских государственных образований. Например: род Аба, четтибер, теле (челей) и др.

Древние тюрки на вопрос, кто они, отвечали: «йыш-кизи» - люди горной тайги (черни)». Точно также себя называют южные шорцы «чыш-кижи», «лесной человек», «человек черни», или «чыштар» «лесные народы», или «чыштанаштар» (лесные ашы). А. Борнштам пишет: *«древнетюркские тексты вспоминают в качестве родины Алтун Йиш (т.е. Алтай) в широком смысле этого понятия (включая Хангай) и ни единым словом не вспоминают о районах, в какой-либо степени могущих быть связанными со степями Монголии»*. «Алтун Йиш» в дословном переводе обозначает: «золотые черновые горные леса».

Многие шорские роды имели тесную связь и с древними кыргызами. Возможно, что род «шор» (исконно сор) входил в состав древних кыргызов. В Киргизии в ущелье Куру-Байайыр (Таласский Ала-Тоо) руническим письмом написано: «Так же называются подразделения шорского рода шор (кара-шор. узут-шор, сары-шор)». В далёком прошлом «лесные народы» южной Сибири, а к «лесным народам» относились и шорцы, были киштымы (данники). Платили дань древним тюркам и древним кыргызам. Нередко киштымы восставали против уплаты непосильной дани. Эти восстания данников против захватчиков выходили за рамки межплеменных войн. Они приобретали народно-освободительный классовый характер, потому что многие киштымы становились потомственными данниками, политически бесправными.

Древняя история народов Южной Сибири характеризуется не только межплеменными войнами и войнами между союзами племён, но и войнами между захватчиками и киштымами. т.е. зависимыми народами и их «хозяевами», восстаниями народов, а также битвами за создание единого государства в Южной Сибири и Центральной Азии; попытками создания государства древними тюрками, древними уйгурами, древними кыргызами Енисея; созданием государства кимаков; вторжением войск Чингисхана и разгромом всех государственных образований на всей обширной территории региона; неоднократным перемещением разных племён и народов внутри региона и частичным оттоком населения за пределы Южной Сибири. Поэтому названия

шорских родов встречаются в Казахстане, Киргизии, Башкирии, а сэры – в Узбекистане.

В событиях исторической жизни тюрко-язычных народов Южной Сибири принимали участие все народы, разница заключалась лишь в том, что одни оказывались в центре исторических событий, а другие – на периферии. Однако те народы, которые занимали окраины («лесные люди») играли важную роль в жизни всего населения региона. Они были основными поставщиками железа и изделий из него. В раннем средневековье, да и позже, роль железа в жизни всего населения региона трудно переоценить. «Лесные народы» были поставщиками не только железа, но и многих других продуктов труда.

Борьба за создание единого государства, длившаяся не одно столетие, результатом не завершилась: единовластие не было установлено, не сложилось и единого народного самосознания. Все народы сохранили за собой свою внутреннюю самостоятельность, культуру, чаще всего оставаясь в полном политическом бесправии. У всех народов региона много общего и сходного.

Общность в духовной жизни народов региона объясняется не только теми событиями, которые происходили в социальной и политической жизни населения Южной Сибири, начиная с VI-го века и в последующие столетия, но и достижениями в сфере материальной жизни: прежде всего развитием скотоводства (коневодства, крупного рогатого скота, овцеводства, верблюдоводства), развитием земледелия (плугового и поливного), развитием чёрной металлургии и гончарного производства и т.д.

Духовная жизнь формируется и развивается под непосредственным влиянием новых орудий производства, потому что в конечном счёте от него зависит и социальная структура и её логика, общественная жизнь в целом, иными словами, все формы идеологии. Социальная структура уточняет формы идеологии, поскольку она влияет на самые разные отношения: правовые, нравственные, эстетические, религиозные и другие.

В регионе не все народы в равной мере были скотоводами, земледельцами, металлургами, ремесленниками, гончарами, охотниками. Одни были по преимуществу скотоводами, другие по преимуществу – земледельцами, третьи – металлургами и т.д. Но продукты их труда находились в обращении во всём регионе в целом, хотя и в неравной мере и неодинаково повсеместно. Они-то и оказывали влияние на духовную жизнь населения, формы идеологии, на фольклор.

Несмотря на наличие древнетюркской письменности, получившей повсеместное распространение, в регионе средоточием всей духовной культуры оставалось устное народное творчество. В древности были развиты живопись, музыка, хореография, скульптура. Устное творчество стояло на своём месте. Самым богатым видом фольклора был и оставался народный эпос, в том числе сказочная проза.

Андрей Чудояков,
кандидат филологических наук,
профессор.
г. Новокузнецк

ШОРСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Состав данного сборника

Основу сборника, лежащего перед вами, читатель, составили материалы, собранные выдающимся российским учёным-фольклористом А.И. Чудояковым. Всю свою сознательную жизнь (1928-1994 гг.) он собирал и исследовал шорский героический эпос, который по праву считается заметным явлением среди подобных эпосов народов мира. Но данная его специализация не закрывала ему, а наоборот, шире открывала ценность, значимость и других жанров шорского фольклора, в частности, сказок, легенд и преданий. Поэтому А.И. Чудояков вместе с героическими сказаниями записывал, переводил и другие фольклорные эпические произведения, поскольку все жанры фольклора суть проявления одной культурной традиции, и они взаимно освещают и взаимно дополняют друг друга.

В данном сборнике наряду со сказками и легендами, лично записанными и переведёнными на русский язык А.И. Чудояковым, представлены и фольклорные эпические произведения, записанные и переведённые известными шорскими писателями и поэтами Ф.С. Чиспияковым, С.С. Торбоковым и С.С. Тотышем. Одна сказка («Чагыс - Одинокый парень») записана и переведена выдающимся российским тюркологом Н.П. Дыренковой в 30-е гг. XX века. Таким образом, время фиксации публикуемых здесь произведений, - 30-80-е гг. прошлого века.

В предлагаемом вашему вниманию сборнике представлены все разновидности шорских сказок (сказки о животных, социально-бытовые и волшебные), а также некоторые виды шорских легенд и фрагменты двух шорских героических сказаний. Мы решили под одной обложкой собрать имеющиеся у нас неопубликованные материалы А.И. Чудоякова, - они, несомненно, представляют историческую (этнографическую), научную и художественную ценность, - дополнив их для цельности картины иными сказками и легендами, теми, что когда-то увидели свет, но остались недоступными для широкого читателя.

Шорская сказка в сопоставлении с героическим сказанием

Жанр сказки в шорском языке обозначается термином «ныба» (по диалектам и говорам - «шорчек», «нартпа»).

Слово «ныба • » является также частью другого фольклорного термина - «алыпты ныба», который на русский язык переводят по-разному: то как «богатырская сказка», то как «героическое сказание», «героический эпос», «эпическое сказание», а то как просто «эпос»².

Если попытаться как можно более точно перевести с шорского языка слово «ныба • » (к сожалению, нет ещё полноценных шорско-русских словарей), а затем уже и данный термин («алыпты ныба»), то получится: «сказание,

повествование, история» или - «сказание, повествование, история о богатырях», или просто - «сказание о богатырях» (ср. с русским термином «былина» от слова «быль»).

Во всяком случае шорские «ныба • » и «алыпты ныба • » предполагают связь с действительностью, а не просто выдумку, фантазию, занимательность, развлечение, они сообщают о том, что действительно было в старину, ибо мир тогда был другой, люди были другие, возможности у людей были иные, тогда была (утраченная ныне) связь людей с Богами, как это предполагают некоторые информанты.

Таким образом, шорская сказка это, в сущности, - сказание, повествование, но не о богатырях (о богатырях - «алыпты ныба • »), а о простых людях или животных.

Иначе говоря, шорская сказка от богатырского сказания отличается прежде всего типом героя. Если учесть, что тип героя несёт в себе жанрообразующую функцию, то различие между этими эпическими жанрами весьма существенное.

Но остановимся пока на том, что объединяет эти два больших жанра.

Художественный мир как сказки, так и сказания о богатырях базируется на традиционном шаманском мировоззрении, т.е. мир в них триедин³. Вот составляющие того триединого мира (сферы):

1. Верхний мир (Небесный мир, мир Ульгена, т.е. Чаячи, т.е. Кудая, мир светлый, мир Солнца и Луны, мир девятислойный, в каждом слое которого есть свой каан⁴, выше всех сидит Ульген);

2. Нижний мир (Подземный мир, мир Эрлика, т.е. Узют-каана, мир тёмный, без солнца и луны, мир мёртвых) и

3. Средний мир (наш мир, мир человека, мир живых, арена борьбы Верхнего и Нижнего миров).

Герои как сказки (прежде всего волшебной), так и богатырского сказания суть носители идеологий Верхнего или Нижнего миров, поэтому соответствующие Боги непосредственно или через посредников (своих слуг, посланников, которые выполняют функцию помощников героев) им покровительствуют, помогают достигать цели и спасают в трудную минуту.

Естественно, главные герои (их имена часто выносятся в названия волшебных сказок и героических сказаний) поддерживаются исключительно только Верхним миром.

Важнейшими (но не единственными) показателями идеологий того или иного миров являются внутренние морально-этические качества героев (этико-эстетическая доминанта образов), среди которых особо выделяются богатырская честь, гордость, неподкупность, бескорыстие, доброта, любовь к родителям, дружба, сострадание к обездоленным, униженным, простота, бесхитрость, обострённое чувство справедливости, соблюдение традиций, соблюдение нравственных принципов. Носители этих качеств (положительные герои) борются с носителями идеологии Нижнего мира (отрицательные герои), а именно со злым началом во всех его проявлениях: с жестокостью, продажностью, угодливостью, корыстолюбием, хитростью, коварством, притворством, чванством, жадностью, нарушением традиций и т.п. Исходом этой борьбы подчёркивается этико-эстетический идеал создателя этих произведений, т.е. народа.

Но здесь есть один существенный нюанс, который ставит под сомнение (но не отменяет полностью) выше предложенную схему. Вышеозначенная схема нравственного противостояния Верхнего и Нижнего миров через образы героев целиком и полностью относится к миру героических сказаний. Относительно волшебных сказок необходима поправка.

Дело в том, что в волшебных сказках активной фигурой (т.е. действительно утверждающей свою нравственную позицию, соотносимую с идеологией Верхнего мира) является не столько герой, сколько его помощник, обладающий волшебными предметами и изредка сам являющийся представителем Верхнего мира. Это не столько мальчик Оолак, сколько таинственная девушка Талым-Арыг («Настоящая жена Талым-Арыг»), не паренёк-герой, а младшая дочь Кара-каана, оказавшаяся вовсе не его дочерью, а таинственной девушкой, когда-то также как паренёк похищенной Кара-кааном, но потом за мудрость наречённой его дочерью («Волшебная книга»), не охотник Абышка, а таинственный медвежонок, впоследствии оказавшийся Кара-Молатом, сыном Кара-каана, отец проклял его и превратил в медвежонка («Охотник Абышка»), не Подур Пакен, а безмянный мальчик, оказавшийся духом-покровителем Подур Пакена («Подур Пакен») и др.

Сами же герои волшебных сказок довольно пассивны по сравнению с алыпам-богатырями. Если бы не чудесные помощники, не волшебные предметы: волшебная шапка для Астама, которую тот увидел во сне и которая помогала ему потом выполнять сложнейшие задания премудрой девушки («Волшебная шапка») и др., если бы не обстоятельства: необходимость найти суженую («Настоящая жена Талым-Арыг»), обида («Несчастливый Неккер»), нужда пойти на охоту («Уш-Карак», «Алыг-Анчи - Глупый охотник», «Волшебная книга»), нужда пойти сторожить посев и священную берёзу («Алтын-Тарак или Птица счастья»), повеление достать и привезти золотой стол, за которым Бог Ульген обедает («Несчастливый Неккер», «Чагыс - Одинокий парень») и т.п., то герои волшебных сказок не вышли бы на фольклорно-эпический сюжетобразующий хронотоп дороги, остались бы у себя дома, занимались бы привычными своими делами (занимались бы своей охотой, лежали бы у очага в золе и др.) и - сказка бы не состоялась. Но даже и в пути они, подобно алыпам-богатырям, не могут похвастаться своей силой, более того, теряются в трудной обстановке (как Подур Пакен в сказке «Подур Пакен»), беспомощны и ведомы своими помощниками (как паренёк-герой в «Волшебной книге»), полностью зависят от данных им волшебных предметов.

Не случайно герои волшебных сказок зачастую не имеют имён, их называют просто мальчик, паренёк, одинокий паренёк, глупый охотник и т.п., т.е. словами нарицательными. Имя собственное в сказке не играет той роли, что в героических сказаниях. Там богатырь не богатырь, если от Ульгена (через образ старика или старухи) не удостоился получить имени, так как вместе с именем алып получает богатырскую силу, мифического коня, достойное вооружение. В волшебной сказке, поскольку герой там - фигура не активная, имя становится чем-то избыточным.

Таким образом, реализация народного этико-эстетического идеала в волшебных сказках возможна только с помощью волшебства, с помощью сверхъестественного, тогда как в героических сказаниях это осуществляется

посредством образов деятельных алып-богатырей (хотя помощь волшебства там тоже есть).

В социально-бытовых сказках пред нами предстаёт уже другая картина: уже почти нет связи героев ни с каким из миров, остаётся только личностная этико-эстетическая доминанта, которая покоится единственно на внутренних качествах героев, на их уме, смекалке, активном чувстве социальной справедливости и др., которые противостоят корыстолюбию, коварству, несправедливости, глупости и т.п. Например, ум, рассудительность, мудрость Пчёлки противопоставляется жадности и глупости его богатого дяди Овода («Пчёлка»), ум, сметливость, справедливая месть Аргачи противопоставляется коварству, жадности и глупости богатого Куюрчи, Каратты-каана и его сына («Аргачи и Куюрчи»), хитрость и сметливость Аргынака противопоставляется жадности и глупости его свояков и проезжавшего мимо одноглазого купца («Хитрый Аргынак»). Внутренний мир героев этого вида сказки, правда, только очерчен, не разработан, а значит, - несложен, непротиворечив (как это видим в литературе), внутренний мир даётся через поступки героев. В целом же этот вид сказки более реалистичен по сравнению со сказаниями и волшебными сказками.

В сказках о животных антропоморфизм, т.е. наделение животного способностями и чертами человека, позволяет тоже актуализировать этико-эстетическую доминанту положительных качеств. Однако отождествление образов животного с человеком не может быть полным, так как эти сказки несут в себе и атавистические черты наблюдения над животными человека первобытного общества, когда смысл этих сказок состоял прежде всего в передаче молодым знаний о животном мире. Антропоморфизм, причём нравственно и социально заострённый - явление более позднее.

В волшебных и социально-бытовых сказках актуализируется социальная проблематика. Волшебные сказки в этом смысле резко отличаются от героических сказаний: в последних изображается почти всегда скотоводческо-степной уклад жизни, события, в которых главными участниками выступают кааны, владельцы обширных земель, бесчисленного скота и разноязыкого народа; в волшебных сказках описывается таёжно-охотничий уклад жизни (т.е. жизнь части того народа, которым владеют кааны), а сами кааны (шире - все богатые люди, купцы) выступают в роли противников и антагонистов героев сказок (это Кара-каан в «Волшебной книге», хан тайги в «Охотнике Абышке», купец в «Охотнике Панюгеше»). Иначе говоря, волшебные сказки создавались в ином социальном кругу нежели героические сказания, их объединяет только общность этико-эстетической доминанты образов главных героев (общечеловеческие ценности с небольшим (в сказаниях) и значительным (в волшебных сказках) акцентом на сочувствии к неимущим, униженным и обделённым).

Социальная проблематика особенно заострена в социально-бытовых сказках, в которых социально-классовое деление на богатых и бедных есть одновременно и деление соответственно на злых, жадных и добрых, справедливых, на глупых и умных. Строится такой ряд внутренних качеств героев: если богатый, то значит - злой, жадный, даже алчный, несусветно глупый при этом; если бедный, то значит - добрый, справедливый, даже в своей мести, необыкновенно умный, сметливый, находчивый, хитроумный при этом.

Необходимо отметить важнейший приём создания образов в фольклоре - гипербола, т.е. художественно значимое преувеличение качеств и действий. Этот приём проистекает из мифа, ведь мифические персонажи должны всё делать не как люди, не так как в реальности может быть. Затем гипербола перешла по наследству к образу алып-богатыря, превратившись в художественный приём, подчёркивающий его богатырство. Она обошла героя волшебной сказки, так как в них гипербола заменяется волшебством, исходящим либо от помощников, либо от волшебных предметов. В социально-бытовой сказке гипербола снова возобновляется. Здесь преувеличение касается не внешних качеств, как в образах алып-богатырей, а внутренних, при этом особенно преувеличивается, почти абсолютизируется глупость отрицательных персонажей: например, Кююрчи, который, поверив Аргачи, сжигает свой дом, а пепел от дома несёт Каратты-каану, чтобы тот поменял пепел и угли на золото и серебро, потом, убив своего быка, несёт тушу, чтобы каан поменял его на живого быка из его собственного стада, потом позволил себя сжечь, поверив Аргачи, что таким образом он может на небесах встретиться со своим отцом, который его щедро одарит, как одарил Аргачи его собственный отец («Аргачи и Кююрчи»). А положительные герои наделяются гиперболически преувеличенным умом, сметливостью, мудростью, некорыстной хитростью (например, Пчёлка в сказке «Пчёлка», Аргачи в «Аргачи и Кююрчи», Аргынак в сказке «Хитрый Аргынак»).

В сказаниях и сказках также запечатлелись и исторические этапы становления фольклорного эпического слова, стадии преодоления мифического сознания, что схематично можно представить так:

1. миф повествовал лишь о Богах и других мифических существах, человек же был второстепенным и страдательным существом, или вовсе не упоминался;

2. героическое сказание стало повествовать уже о человеке, который *приравнялся* к Богам тем, что обладал исключительными качествами (сила, обострённое чувство справедливости и др.), или был Богами в буквальном смысле сотворен (богатыри иногда - первые люди на земле, и часто рождаются не естественным способом, а чудесно) и прямо, непосредственно поддерживался ими (имянаречение от Бога, посылка чудесного коня с необходимым вооружением воина, и др.), чаще - опосредованно (через помощников, которые обладают мифической силой, и через волшебные предметы)⁵;

3. а. сказка (волшебная) стала повествовать о человеке без исключительных качеств, о простом человеке, хотя поддержка Богов продолжает оставаться, поддержка уже не прямая, а опосредованная (через того или иного помощника, которые уже не обладают мифической силой, и вся их чудесная сила заключена часто только в волшебных предметах).

б. А в социально-бытовых сказках поддержка Богов почти вовсе отсутствует, человек уже сам распоряжается своей судьбой, что даёт ему стимул для собственной активности.

Таким образом фольклорное повествование постепенно, поэтапно (миф - героическое сказание - волшебная сказка - социально-бытовая сказка) приближается к той действительности (т.е. к собственно реальному человеку, его внутреннему и внешнему миру), которую, как словесное искусство, оно призвано отображать сквозь призму этико-эстетической оценки.

Важнейшим мотивом, отправляющим героя сказания и волшебной сказки в путь, является поиск суженой. В том, где герой находит свою жену, волшебная сказка существенно отличается от героического сказания. Брак в сказке не является ни экзогамным, ни эндогамным. Герой сказки добывает жену в каком-то ином мире («Алтын-Тарак или Птица счастья», «Волшебная книга», «Чагыс - Одинокый парень», «Несчастливец Неккер», «Охотник Панюгеш»), а не в другом племени, как это делают алыпы-богатыри по предсказанию Творца, или матери, или сестры, или - по книге судьбы. Этот иной мир суженой героя волшебной сказки можно соотнести с Верхним миром, поскольку будущая жена часто является помощницей героя и имеет отношение к волшебным предметам. Следовательно, речь здесь идёт о принципиально новом взгляде на то, какая должна быть семья, закладываются новые основы семьи. Семья здесь - брак Среднего (герой) и Верхнего (суженая) миров. А брак только между представителями Среднего мира оборачивается острыми противоречиями внутри семьи, о чём говорится в сказках: конфликты, когда появляется гонимый брат - младший («Алыг Анчи - Глупый охотник»), старший («Уш-Карак») или вообще нет семьи («Чагыс - Одинокый парень», «Подур Пакен»). Сказка выступает против неравенства между членами семьи, за восстановление поправленных прав гонимого, утверждая, что униженный является точно таким же, как его «умные» братья.

Ещё хотелось бы сказать о роли женщины в сказках. Женщина в героических сказаниях обязательно связана либо с Верхним, либо с Нижним мирами, она помощница или противница богатыря. Отсюда и её способность предвидения, умение предсказать события, дар перевоплощаться в другого (в богатыря, в птицу) и т.п. В волшебных же сказках женщина сохраняет связь только с Верхним миром, способности её теперь исходят только от волшебного предмета, а поскольку она является помощницей героя, то мужчина (герой) полностью в её власти, она им руководит, утешает, приходит к нему на помощь. В социально-бытовой сказке женщина, наоборот, полностью во власти мужчины, редким исключением служит сказка «Ойла и Мукалай» - сказка, насыщенная комизмом, основанная на алогизме. Но всегда с женщиной связан мотив любви и верности суженому, почитания и возвеличивания мужчины, ради любимого, отца или брата она идёт на всё, использует все свои большие способности, тогда как для мужчины в сказаниях любовь - не главное, важнее - долг перед Ульгеном, родом и народом (продолжение рода, защита народа, месть за отца и возвращение ограбленного имущества и др.). Есть сказания, в которых у героя несколько жён, каждая из которых считает себя суженой богатыря и жёны взаимоуважают чувства друг друга (например, сказание «Алтын Сом»). Особенной чувственной активности (конечно, в пределах возможности жанра) женщина достигает в волшебных сказках.

Хотелось бы сказать несколько слов о легендах. Легенды, в отличие от сказок и сказаний, призваны что-то объяснить (в сущности, - объяснить мир, его основы, происхождение тех или иных животных, объектов природы и т.п.). Легенды о животных объясняют, например, почему у ласточки хвост вилочкой, а шмель теперь гудит "о-о-о" («Шмель и ласточка»), почему кукушка поёт "ка-кук" («Кукушка»), почему барсук такой жирный («Отчего барсук жирный»). Легенды о животных синкретичны со сказками о животных, поэтому их лучше назвать сказками-легендами о животных, так как они все построены по законам

сказки, лишь концовка этих сказок-легенд собственно легендарная, т.е. объясняет происхождение той или иной черты, особенности реального животного, птицы или насекомого. Топографические легенды тоже объясняют: почему Мрас-Су впадает именно в Томь, а не в какую другую реку («Мрас-Су и Кара-Том»), почему раздвоена вершина Поднебесного Зуба, тупая вершина у горы Огудун, как образовался порог на реке Мрас-Су, почему вершина Мустага белая («Пус-Таг»), почему гора называется Темир-тау («Железный камень») и т.п.

При всё при том, культурная традиция, основы структуры художественного мира, художественные средства и способы изображения у легенд, сказок и героических сказаний одни и те же. Различаются они только жанровой природой и всеми последствиями, которые влечёт за собой тот или иной жанр (тип героя, особенности сюжета, стилистика и т.п.).

Сказки, легенды и героические сказания представляют собой этико-эстетически преломлённое изображение народом той исторической действительности, того мировоззрения, при помощи которых они создавались, своих идеалов, которые при этом преследовались, своего характера, своего духа, которые были источниками и побудительными мотивами создания произведений.

Поэтому фольклорная эпическая проза имеет ценность как историческую, так и художественную, не говоря уже о научной (конечно, при наличии оригинального шорского текста и соответствии перевода ему).

Итак, дорогие читатели, в добрый путь!

Г.В. Косточаков

доцент кафедры шорского языка и литературы НГПИ,
канд. филол. наук, член Союза писателей России.

Литература. Примечания

¹ Девять бубнов шамана. Шорские легенды и предания. Кемерово. Кн. изд-во, 1989.

² см: Чудояков А.И. Этюды шорского эпоса. Кемерово. Кн. изд-во, 1995. - Стр. 5-12.

³ см.: Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? Кемерово. Кн. изд-во, 1989. - Стр. 111-112.

⁴ царь, правитель, хан

⁵ см: Чудояков А.И. Этюды шорского эпоса. Кемерово. Кн. изд-во, 1995. - Стр. 146-160.

Волшебные сказки

ПОДУР ПАКЕН

Давно это было. В верховьях текущего моря жил мальчик. Звали его Подур Пакен. Жил на открытом месте или под деревом — неизвестно...

Однажды он, голенький, сидел у ствола дерева. Думал, спрашивал самого себя:

— Зачем я здесь? Пойду-ка куда-нибудь...

Встал и пошёл на берег большого текущего моря. В это время туда же пришел другой мальчик и тоже голый.

Он сказал:

— Здравствуй, Подур Пакен!

— Здравствуй, — ответил Подур Пакен и спросил, — Как звать тебя?

— Никак. У меня нет имени.

— Пойдём со мной! — сказал Подур Пакен.

Пошли вдвоём. Мало ли они шли, много ли шли... Пришли в царство Сарыг-каана. Видят — стоят столбы, а на столбах человеческие головы. Только на двух столбах нет голов.

— Головы рубит Сарыг-каан, — сказал безымянный мальчик.

Вошли в город. В одной лавке взяли богатую одежду, нарядились под каана.

— Пойдём к Сарыг-каану, — сказал безымянный мальчик. — В споре с кааном ты, Подур Пакен, должен победить. Что бы он ни показывал, говори, что у тебя всё это есть и даже лучше. Пообещай это лучшее привезти. Когда выйдешь из дворца, скажешь мне, что надо. Я помогу тебе.

Подур Пакен вырос в лесу, он ничего не знал. Но послушался своего друга. Пошёл во дворец. Видит каан сидит на почётном месте. Подур Пакен поклонился каану, поздоровался с ним.

Сарыг-каан сказал:

— Садись сюда!

И показал место. Когда Подур Пакен сел, хозяин стал угощать его и спрашивать:

— Из какой земли ты прибыл?

— С верховьев текущего моря. Там, где я живу, растущие травы равняются с серебром, растущие деревья — с золотом, — ответил гость.

— О-о! Оказывается, твой край очень славный.

— Хороший край! — согласился Подур Пакен и спросил в свою очередь. — Что в вашем краю растёт?

— Потерпи немного. Сейчас увидишь, что растёт у нас.

Каан что-то сказал слугам, потом попросил мальчика подойти к окну:

— Смотри!

Подур Пакен взглянул. Внизу стояла телега, на ней лежал только огурец, такой большой, что занял один всю телегу. Два человека разрезали его и доставали семена.

— Вот какие огурцы растут у меня! — сказал с гордостью каан.

— О-ох, да, но на моей земле растут больше, — ответил мальчик.

— Тогда показал бы их мне, — потребовал каан.

Подур Пакен вышел из дворца. Там встретил друга и с печалью в голосе рассказал:

— Каан показал такой огурец, который один заполнил всю телегу. Два человека семена из него вынимали. Я сказал, что на моей земле растут больше...

— Сейчас я привезу огурец. Ты возвращайся во дворец, что бы каан не говорил и не показывал, ты говори, что у тебя больше, чем у него. Ни в чём не уступай! — сказал мальчик и ушёл.

Подур Пакен вернулся во дворец. Он посидел немного и взглянул в окно. На двух телегах везли один огурец. Он был свежим, даже его цветок не опал. Шесть человек выбирали семена.

— Видишь, Сарыг-каан, какие огурцы растут у нас, — сказал Подур Пакен.

— Вижу, — ответил каан. — Славный у вас край. Дай нам этот огурец?

Подур Пакен подарил свой огурец каану.

— Теперь посмотри тыкву нашей земли, — сказал Сарыг-каан.

Подур Пакен взглянул в окно и увидел телегу, на которой лежала только одна огромная тыква. Три человека выбирали семена.

— Видишь, какие тыквы растут у нас? — спросил каан.

— Вижу, — ответил Подур Пакен. — Но на нашей земле растут еще больше. Сейчас я покажу вам свою тыкву.

Вышел из дворца и говорит:

— Каан показал тыкву, одна она занимает всю телегу. Три человека выбирали её семена. Я сказал каану, что наши тыквы больше, что я покажу их.

— Иди во дворец и не уступай ни в чём, — потребовал безымянный мальчик.

Подур Пакен вернулся во дворец. Посидел. Прошло немного времени, вдруг на улице раздался скрип груженной телеги. Каан и Подур Пакен выглянули в окно. На трёх телегах везут одну тыкву, такую большую, что она заняла три телеги... Десять человек выбирают семена.

— Видишь, Сарыг-каан, какие тыквы растут на нашей земле.

— О, ваша земля прекрасно сотворённая, — воскликнул Сарыг-каан.

Тыкву увезли. Немного посидели. Каан сказал:

— У меня есть конь. Если хочешь, покажу...

— Покажи.

Привели коня. Какой это был конь! Ростом более двух сажений, длиной более трех сажений.

— Во всём светлом мире нет такого коня! — сказал Сарыг-каан.

— Есть! — отвечал Подур Пакен. — Твой конь меньше наших жеребят. Ты когда-нибудь видел таких жеребят?

— Не видел.

— Сейчас увидишь.

Подур Пакен вышел из дворца. Встретил своего друга и говорит:

— Показал каан своего коня. Ростом в две сажени будет, длиной в три сажени будет. Я сказал ему, что у моих коней жеребята больше.

— Ты иди к кану, продолжай беседу, а я скоро вернусь, — сказал безымянный мальчик. Он спустился на берег текущего моря, на середине которого возвышался остров. Безымянный мальчик перебрался туда. На острове стояла одна избушка. Мальчик зашёл и видит: лежит чёрт, положив под голову чурку.

Мальчик поздоровался и сказал:

— Я обошёл весь светлый мир в поисках тебя. Наконец нашёл. Вставай, я съем тебя. Проглочу!

— Не надо, не проглатывай меня! — умоляет чёрт.

— Тогда найди мне жеребенка более трех сажений высоты, более четырех сажений длины. Тогда я не съем тебя.

Чёрт помчался искать такого жеребёнка. Через два дня чёрт привозит жеребёнка.

— Посади меня на него, — приказал мальчик. Чёрт исполнил.

Мальчик поскакал к Сарыг-каану. Там возле окна дворца спрыгнул с жеребёнка. Подур Пакен позвал каана к окну:

— Видишь, каан, какие у нас жеребята. Они больше ваших коней.

— О-о, на вашей земле, оказывается, и прекрасные кони растут, — сказал каан. У него в душе стал разрастаться страх перед гостем. Он думал, думал, чем бы победить Подур Пакена, наконец, вымолвил:

— Вот, смотри, какие травы растут у нас. Листья только одной травинки в целую копну будут.

Подур Пакен глазом не моргнул, сразу же ответил:

— На нашей земле травы больше. Одним листом я могу закрыть весь твой город.

Каан не привык словам верить. Он покачал головой, поцокал языком и потребовал:

— Покажи твою чудо-траву.

— Скоро увидишь, — ответил Подур Пакен.

Вышел из дворца, нашёл своего приятеля и сказал ему:

— Я похвалился перед Сарыг-кааном, что на нашей земле растёт трава, один лист которой может закрыть город.

— Иди к каану и беседуй с ним.

Безымянный мальчик сотворил чудо-траву размером в целых два стога. Затем отправился к черту, чтобы тот привёз траву в город показать Сарыг-каану.

А чёрт со страху вместе с избушкой и островом убежал куда-то. Безымянный мальчик долго искал его, пока не нашел в верховьях текущего моря...

— Эй ты, черт, зачем убегаешь от меня? Сделай то, что я прошу, и живи спокойно.

С испугу чёрт чуть не рехнулся, взвалил на себя два стога и понёс туда, где живет Сарыг-каан. Листом травы он закрыл всю окрестность и воду текущего моря.

Сарыг-каан смотрит на всё это и поражается:

— На вашей земле, Подур Пакен, растёт такая большая трава. Дал бы ты мне её?

— Эзе, бери, — расщедрился мальчик и спросил. — Есть ли у тебя ещё что мне показать?

— Нет, — ответил Сарыг-каан.

В это время во дворец вошёл безымянный мальчик. Каан пригласил обоих на той.

Подур Пакен вырос в тёмном лесу. Складно он не мог говорить. Поэтому за него безымянный мальчик разговаривал с хозяином дворца.

— Эзе, Сарыг-каан, выдашь ли нам свою дочь замуж?

— Если хотите увезти ее, увезите! — отвечал каан.

— Если Подур Пакен полюбит, то увезём твою дочь. Если не полюбит, она останется. Какая она?

Сарыг-каан приводит свою дочь. Хорошая девица! Но Подур Пакен ничего не сказал.

Мальчики попрощались с Сарыг-кааном и ушли, не взяв с собой девушку. Каан опозорен. Подур Пакен отказался от его дочери. Они вышли из дворца, перед воротами города они сделали что-то, вдруг резко поднялись над землёй, взлетели до третьего неба и улетели.

Сарыг-каан, увидев это, подумал: «Видно, это не простые кааны».

За горами, далеко от Сарыг-каана, на большой поляне Подур Пакен и мальчик опустились. Здесь они стали жить.

В этом краю, где растущая трава — чистое серебро, растущие деревья — чистое золото. Все птички земли здесь поют, всякие звери здесь рождаются. В скором времени этот край ещё более совершенным стал, ещё прекраснее. Прошло времени столько, сколько оно прошло. Сарыг-каан

узнал об этом крае. Взял дочь и привёз её к Подуру Пакену и мальчику. Они обменялись с кааном приветствиями.

— Я привёз тебе свою дочь, Подур Пакен!

— Че, — сказал Подур Пакен, — Посидите.

Хозяева накрыли стол, угостили гостей всякой едой и яствами, только птичьего молока не хватало. В то время как все сидели и ели, безымянный мальчик сказал:

— Ты, Сарыг-каан, опередил. Сейчас я покажу девицу, которая предназначена в жёны Подуру Пакена.

Из глубины сорока комнат вывели девушку. О-о, батюшка-свет! Это была такая красавица, что дочь Сарыг-каана не годилась, чтобы в её ладонь воды полить.

— Вот будущая жена Подур Пакена. Но если ты, Сарыг-каан, привез свою дочь в наш край первым, то некуда деваться. Подур Пакен возьмёт её в жёны, — сказал безымянный мальчик.

Не успел он договорить, как Сарыг-каан схватил шапку, надел ее мимо головы, попрощался и поспешно уехал, оставив свою дочь. Безымянный мальчик вывел девицу, которую сотворил, и отпустил её. Подур Пакен женился на дочери Сарыг-каана. Устроили свадебный пир.

Подур Пакен спросил безымянного мальчика:

— Кто ты?

— Твой дух, — ответил мальчик. Снял с себя одежду и оказался с крыльями. Я основал тебе хорошую жизнь. Теперь мне пора возвращаться к себе.

Он открыл окно и улетел. После него Подур Пакен стал единственным кааном в этом краю, богатым жить остался.

АБЫШКА — СТАРЫЙ ОХОТНИК

Давно-давно жил в густой тайге старый охотник по имени Абышка, жильём ему был шалаш из молодых деревьев. Со старой женой своею жил охотник Абышка бездетно и одиноко. Весь век свой прожив в тайге, они ни разу других людей не видели, не знали, что, кроме них, ещё на свете много людей живёт! Абышка у подножья Кара-Кун-горы охотился: сорок капканов имел на зверей, сорок силков ставил на птиц, а в реке Ак-Талай тридцатью мордами рыбу ловил. Так они со старухой и жили.

Однажды Абышка пошёл посмотреть свои силки и видит — все они уничтожены. Охотник перепугался и подумал: «Весь век свой я охочусь в

этой тайге, но такой беды ни разу не случилось». Кое-как их поправив, Абышка к Ак-Талаю отправился на морды взглянуть. К берегу подошел и видит — все его морды кем-то из воды выброшены, переломаны.

— Экое диво! — совсем встревожился старый охотник. Снасть разрушенную починил, опять в воду поставил. Домой без добычи вернулся, старухе своей говорит:

— Весь век я в тайге прожил, такого несчастья со мной не случилось. Великое диво я видел, большая беда к нам нагрянула. Или какой-то дикий зверь появился, чтоб нас с тобой сожрать, или смерть наша приближается, нас поторапливает век доживать. Все мои снасти кто-то разрушил...

Старушка горько заплакала:

— Видно, не будет больше житья в тайге. Видно, придется от голода умереть.

Вместе старики загоревали. Три дня прошло, снова охотник Абышка пошёл силки осматривать. Опять все силки разрушены. К Ак-Талаю пошел — все морды опять кто-то переломал и на берег выбросил.

Стоя на берегу, бедный охотник заплакал, слезы ему на грудь падают. «Что я старухе скажу, в шалаш свой вернувшись? — старик думает.— Пищи у нас с ней нет, добывать зверей и птиц теперь нечем. Большое горе на голову мне свалилось».

Вышел старик на яр, сел и заплакал, думать стал о своей судьбе. Вдруг под яром он услышал голос тихий какой-то. Насторожился охотник, своим ушам не поверил. Если голос принадлежит человеку, откуда здесь человеку взяться? Если зверь какой-нибудь вблизи находится — звериных таких голосов охотник никогда не слышал...

Абышка, держа ружье наготове, стал с яра спускаться к воде. И тут он большую нору увидел, на зёв печи похожую. Из большой норы прежний голос слышится.

Старик к норе тихонько подполз, в нору заглянул, — ничего не видно. Незнакомый голос тотчас умолк. Охотник в сторону отполз, стал за норой наблюдать. Снова рёв из норы послышался.

«Наверное, этот мошенник мои силки попортил? Сейчас я с тобой разделаюсь», — охотник Абышка подумал. В нору ружье нацелив, приблизился, громко крикнул:

— Эй, человек ли ты или зверь, выходи, не то стрелять буду!

Снова в норе стало тихо.

— Выходи, ещё раз говорю, сейчас стрелять буду!

Тут из норы показалось что-то черное, мохнатое — медвежонок выполз и вдруг человеческим голосом заговорил:

— Погоди, погоди, охотник, не стреляй. Зачем ты в меня нацелился? Лучше с собой уведи, я тебе пригожусь когда-нибудь.

Старик удивлённый ружьё опустил.

— Раз ты со мной хочешь идти, впереди иди. Я дорогу тебе буду указывать, — охотник Абышка сказал.

Когда старик с медвежонок в шалаш вошли, старуха испугалась, закричала и в темный угол запряталась.

— Не бойся, старуха, — Абышка сказал. — Хотел я его застрелить, а он к нам в сыновья напрашивается, помогать нам в работе хочет. Нам, бездетным, подмогой будет.

Медвежонок повеселел, ласково говорит старухе:

— Не бойтесь, мама, меня. Хотя я медвежьё шкуру имею, но от человека родился. Мой отец проклял меня, я в медвежонок превратился. Среди зверей обречен жить. А мне с людьми веселее. Что вы прикажете, всё буду делать.

Старик со старухой согласились его взять в сыновья.

— Живи с нами, дитё! — сказал охотник Абышка.

Лишь вечер настал, медвежонок, словно щенок, заснул у порога. Утром чуть свет он поднялся, что-то сам с собой залепетал, потом говорит старику:

— Ну, отец, пойди, взгляни вокруг шалаша, чёрный туесок там найдёшь. Принеси его сюда.

Абышка из шалаша вышел, кругом пошёл и позади шалаша чёрный туесок нашёл. Никогда не было здесь этого туеска. Старик принёс туесок в шалаш. Медвежонок ему говорит:

— Теперь три раза постучи по туеску, крышкуними и скажи: «Сколько кушаний есть в тебе, всё выкладывай!»

Так и сделал старик. Посреди шалаша вдруг белая скатерть раскинулась, на ней множество кушаний появилось да все такие, каких охотник никогда не пробовал. Разве только молока куриного нет, а вина и кушаний сколько хочешь. Медвежонок старику говорит:

— Эзе, эзе, родители мои, что вы всё глядите на пищу, за еду не принимаетесь? Теперь, отец, на охоту тебе ходить не придётся, в реку снасти закидывать незачем. Ешьте сколько угодно, еды не убавится, на всю жизнь нам хватит.

Сели старик со старухой по одну сторону скатерти, их приёмный сын — по другую. Пир богатый начался в шалаше.

Сколько ни ели все трое — кушаний не убавилось. Старик со старухой совсем запьянели.

— Пусть твой век долгим будет, приёмный наш сын, — они говорят. — Богатой пищей ты нас угостил. Хотя звериную шкуру имеешь, ум, видно, у тебя человеческий, а сердце, видать, добрее человеческого.

До ночи старик со старухой радовались, веселились, так и, не окончив еды, не подымаясь с места, уснули. Утром, проснувшись, опять за еду принялись, снова до вечера пировали.

На третий день пробудились утром, видят — кушаний как ни бывало, черный туесок кружкой плотно закрыт. Старики встревожились.

— Эзе, эзе, мой отец и мать моя, — сказал медвежонок, их успокаивая. — Когда захотите есть, снова откроется туесок. Я среди зверей и птиц вырос, с друзьями мне надо повидаться.

После еды туесок закрывайте, без меня никому туесок не показывайте, едой из него не кормите никого. Три дня меня дома не будет, по земле родного отца моего похожу.

Старик со старухой проводили медвежонка. Вдруг у них на глазах он исчез, — сказать, что он убежал, — звука шагов его старики не слышали, сказать, что он улетел — хлопанья крыльев не слышали. Как в землю провалился.

Вернулись домой старики, снова принялись за еду. Вдосталь насытившись, из шалаша вышли и видят — красавец конь вороной к шалашу скачет. На коне человек незнакомый сидит, такой же сморщенный и седой, как сами охотник и старуха. Едет старик с закрытыми глазами, еле в седле сидит, качается, руками за гриву коня держится. В богатые одежды старик одет. Лицо у него суровое. Конь, словно боясь его уронить, не бежит, а плывет: спина коня не шелохнётся. К шалашу всадник подъехал, остановился, глаза открыл и сказал:

— Ну, теперь может, и живым останусь, а то совсем умирать собрался.

Вздыхнул тяжело старик и с просьбой к Абышке обратился:

— Дай мне приют в твоём шалаше, накорми скорей, от голода я умираю.

Сняв старика с коня, Абышка со старухой в шалаш его внесли, постель ему приготовили и на неё старика положили. Незнакомец тотчас уснул, немного поспал, проснувшись, еды попросил.

— Век свой кормился я охотой, — ему говорит Абышка. — Теперь удача мне изменяет, нечем, путник, тебя покормить.

Со слезами пришелец пищу выпрашивать стал. Абышку разжалобили стоны старого человека, у старухи совета он глазами спрашивает. Сердце старухи тоже не выдержало. Из тёмного уголка охотник волшебный туесок вытащил, прячась от старика, открыл. Из туеска разной пищи вынул и подал плачущему старику. Полдня ел старик — вдосталь насытился, сразу помолодел и повеселел. У охотника Абышки спрашивает:

— Кто ты такой, хозяин, что столько пищи и самой вкусной имеешь?

— Бедный охотник Абышка, в чёрной тайге живущий, — отвечает тот.

— Слышал я о тебе, Абышка, — старик говорит. — А я — Чашкан, хозяин этой тайги, в которой ты, Абышка, живешь. Три дня я охотился и

Давно-давно жил в густой тайге старый охотник по имени Абышка, жилищем ему был шалаш из молодых деревьев...

(Сказка «Абышка – старый охотник».

Рис. Л. Тупиковой.)

заблудился, шесть дней плутал, чуть от голода не погиб.

Так, говоря о себе, Чашкан не отстаёт от охотника: откуда берёт Абышка столько кушаний сладких, кто их ему приготавливает? Абышка богатому гостю не отвечает, отмалчивается. А Чашкан всё настойчивее спрашивает, сердиться начинает.

Опять не выдержал старый охотник, волшебный туесок хозяину тайги показал:

— Только руками не притрагивайся. Мой сын, туесок мне давший, настрого запретил туесок показывать, в чужие руки давать не велел.

— Зачем тебе, бедному, старому такой туесок? — Чашкан говорит. — Отдай мне его, Абышка.

— Сын не велел никому отдавать. Хоть ты и хан этой тайги, отдать туесок не могу тебе, — старый анчи отвечает.

Тут Чашкан совсем рассердился, с постели вскочил, затопал и заругался:

— Лучше добром отдай, не то силой возьму, тебя и старуху жизни лишу.

Охотник Абышка туесок из рук не выпустил. Чашкан на него бросился, туесок вырвал и вон из шалаша побежал. Старик со старухой, за полы его держась, за ним потащились. Хан, оттолкнув стариков, на коня вскочил и мигом в тайге исчез.

Старый охотник и его жена слезами горькими залились, с земли не подымаясь, весь день горевали. Сын-медвежонок из тайги возвратился, спрашивает:

— О чём вы льёте слезы, отец мой и мать моя?

— Богатому человеку мы доверились, твой туесок ему показали, а он его похитил у нас.

— У богатого полон живот да глаза не сыты. Всегда бывает так, — сын-медвежонок сказал. — С богатым поделились — вот и наказаны. Плакать и убиваться бросьте. Чашкан далеко от меня не уйдёт.

Тут сын-медвежонок что-то по-своему забормотал, глаз с тайги не сводя. И вот Чашкан из тайги показался, к шалашу покорно подъехал. Голову хан повесил, глаза от земли не в силах поднять, тихим голосом просит:

— По вашим дорогам ходить не буду, в пути никогда вам не встречусь, только жизни не лишайте.

Охотник Абышка от седла Чашкана отвязывает туесок и говорит:

— Про сына я тебе ничего не сказал, думал: сам о моём могучем сыне узнаешь. Откуда приехал, туда возвращайся. — В этих местах не показывайся! — сын-медвежонок Чашкану снова сказал. — Бедных охотников не обижай, у голодных куска не отнимай, не то тебе худо будет.

Чашкан свои сорок зубов сомкнул, слова не вымолвил, коня повернув, прочь поскакал.

Абышка со старухой обрадовались, приемыша благодарили. Спокойно и счастливо зажили. Абышка не ходил на охоту, старухе у очага делать нечего — хорошая пища всегда под руками, стоит лишь волшебный туесок открыть. Сын-медвежонок растёт, все сильнее становится. Однажды он старикам говорит:

— Отец и мать мои, жить мне так скучно, жениться надумал я.

— Пай-пай, наш сын! Если жениться время тебе пришло, за чем тогда дело стало? Нам, старикам, веселее жить со снохою будет. Невесту сам себе выбирай. Молодой ум двух наших старых умов лучше, — ответили родители.

Сын-медвежонок говорит им:

— Вдали от нас Кара-каан живет, в устье реки Кара-Талай. У него есть дочь по имени Кара-Торгу. Хочу к ней посвататься.

— Пусть по-твоему будет, сынок. Да только пойдёт ли дочь каана за тебя, сына охотника-бедняка? Если согласие каан даст, конечно, на Кара-Торгу женись.

Утром охотник и сын-приемыш, взяв волшебный туесок, отправились в путь. Много ли шли, до устья Кара-Талай добрались, на берегу увидели белый дворец с золотыми воротами. У золотых ворот их страж остановил:

— Куда и зачем идёте?

— Если Кара-каан дома, хочу с ним повидаться, — Абышка отвечает. Страж перед ними распахивает золотые ворота, указывает дорогу. Охотник с медвежоном во дворец вошли. Кара-каан за золотым столом сидит. Увидев вошедших, сердито спрашивает:

— Что тебе надо, охотник Абышка?

— До меня слух о твоей дочери Кара-Торгу долетел. Я пришёл посватать её за сына единственного моего.

Не дав Кара-каану слова вымолвить, охотник Абышка пятьсот слов уже выпустил, вокруг стола с шестьюдесятью словами обошёл. Рассердившийся было Кара-каан рта не успел раскрыть, как старый охотник по волшебному туеску постучал, говоря:

— Ну-ка, чёрный мой туесок, выкладывай кушанья такие, какие кааны не видывали и не отвеживали!

Абышка открыл туесок — на столе перед Кара-кааном появились такие яства, на которые тот, как на чудо, гладит. Столько кушаний появилось, что Кара-каан не мог сосчитать. Только куриного молока не было среди этой снеди.

Ничему не удивлявшийся Кара-каан от удивления рот раскрыл, никого не боявшийся, на этот раз испугался: откуда у бедного анчи такие богатства? Не злые ли духи с анчи Абышкой явились? А яства, расставленные на столе у Кара-каана, слюну обильную вызвали. Не утерпел Кара-каан, за кушанья принялся. От сладкой еды расслабел, от

крепкого вина захмелел. Никогда не соглашавшийся, Кара-каан дал согласие выдать дочь замуж за медвежонок. Три дня он с гостями угощался, три дня пировал.

Кто землю родную любит, тот по ней и скучает. Через три дня охотник Абышка домой засобирался. Сын-медвежонок с невестой своей Кара-Торгу за ним пошли. Когда дошли до большого перевала, сын-медвежонок Абышке сказал:

— Мой отец, старых костей своих не утомляй, иди потихоньку, а мы с Кара-Торгу бегом побежим. Старая моя мать, наверное, заждалась нас, беспокоится.

Так сказав, сын-медвежонок, за руку взяв Кара-Торгу, побежал да так быстро, что ноги его невесты-красавицы земли не касаются. Вмиг молодые исчезли.

Абышка шёл потихоньку, на третий день до дому добрался. Молодые давно уже его там дожидались.

Старик со старухой устроили пир в честь свадьбы сына, вечером для молодых общее ложе приготовили. Сын-медвежонок с Кара-Торгу на одну постель улеглись. Медвежонок невесту спрашивает:

— Что ты знаешь, Кара-Торгу?

— Что мне, девушке, надо знать, — Кара-Торгу отвечает, — за меня, девушку, мой отец Кара-каан всё знает.

Медвежонок, услышав такой ответ, повернулся к невесте спиной, обиженно сказал ей:

— Если ты сама ничего не знаешь, лучше к отцу своему возвращайся. Пусть он по-прежнему за тебя думает. Мне такая жена не нужна.

Ночью медвежонок к невесте своей не притронулся. Утром Кара-Торгу со слезами к своему отцу Кара-каану отправилась.

А медвежонок сказал старикам:

— Вдали от нас есть море Сарыг-Талай. В устье этого моря Сарыг-каан живёт, у него есть дочь по имени Сарыг-Торгу. К ней я хочу посвататься. Ты, мой отец, оставайся дома, теперь я один к Сарыг-каану пойду.

— Дело твоё, наш сын, ты лучше нас знаешь, что делать, — так ответили старики.

Медвежонок, взяв с собой волшебный туесок, в путь отправился. Старики приёмного сына проводили, его возвращения стали ждать. На девятый день после ухода медвежонок большой ветер загудел в тайге, вершины деревьев нагнулись к земле.

Охотник Абышка, забеспокоясь, из шалаша вышел, на небо ясное поглядев, удивился — откуда такой ураган взялся? А это сын-медвежонок по лесу идёт, за руку невесту Сарыг-Торгу ведёт. Так быстро они бегут, что ноги девушки земли не касаются. С почётом и радостью старики

встретили сына и невестку. Вечером приготовили им общее ложе. Сарыг-Торгу рядом с медвежонок легла. Он у неё спрашивает:

— Что ты знаешь, Сарыг-Торгу?

— Надо ли мне, девице, знать что-нибудь! За меня мой отец Сарыг-каан все знает, — она отвечает.

Медвежонок, услышав такой ответ, повернулся к невесте спиной. Утром Сарыг-Торгу вернулась к отцу своему.

Через три дня медвежонок снова сказал старикам:

— Мои мать и отец, неподалёку от нас у Ак-каана, живущего на берегу того Белого моря, дочь красавица Ак-Торгу есть. Пойду я к ней свататься.

— Не нам тебя, сын-медвежонок, учить, — старики сказали.

Медвежонок, хорошо едою насытившись, не взял волшебного туюска с собою, в путь отправился. Через день по тайге ветер большой со свистом пошел — медвежонок с невестой Ак-Торгу к старикам вернулся. С почётом и радостью старики сына с невесткой встретили.

Ночью медвежонок невесту, на ложе рядом лежащую, спрашивает:

— Ак-Торгу, расскажи, что знаешь.

— Эзе, мой жених, зачем ты меня об этом спрашиваешь? То, что я знаю, не может сравниться с тем, что тебе известно. Ты теперь за меня всё знать будешь, — Ак-Торгу отвечает.

Ответ медвежонку понравился, он обласкал невесту.

Утром своих стариков попросил той богатый устроить в честь его и невесты его Ак-Торгу. Девять дней той длился, девять дней вчетвером пировали. На десятый день медвежонок сказал:

— Эзе, мой отец и мать и моя жена Ак-Торгу, мой настоящий отец, Кара-каан, за пределами трех ханств живущий, меня проклял и в медвежонка превратил. Теперь мне срок подошёл — имя своё иметь, человеческий облик приобрести, буду я имя носить Кара-Молат.

С этими словами медвежонок в тайгу убежал, а потом вернулся стройным красавцем-богатырём.

Нельзя рассказать, как старый Абышка с женою обрадовались, на сына-красавца глядя, от счастья плакали. А Кара-Молат вернулся, тотчас принялся строить дом белый, высокий. Девять дверей в этом светлом доме было. Предоставил одну половину Кара-Молат отцу своему охотнику Абышке и его старухе, поселился на другой половине с женою красавицей Ак-Торгу сам. Вес они зажили весело и счастливо. Жаль, что до наших дней не дожили. Мы, на них глядя, порадовались бы!..

НАСТОЯЩАЯ ЖЕНА

В верховьях текущего моря жил мальчик Оолак. Однажды он свалил две лиственницы, волоком перетащил на берег, сбил плот и поплыл вниз по течению. Плывёт и говорит, обращаясь к деревьям:

— Лиственницы, лиственницы, плывите туда, где суждено мне найти невесту, остановитесь там, где она живёт.

Два царства проплыл, доплыл до третьего, до царства старого Ак-Каана. Там лиственницы остановились. Оолак вышел на берег и увидел избушку. Из окна выглянула старушка, а потом молодая девушка. Оолак заходит к ним. Дверь открыв, здоровается, порог переступив, приветствует. На его приветствие ответила старушка и девушка по имени Талым-Арыг.

Оолак поговорил со старушкой, договорился пожить у них. Жил, жил... Сколько ни живи, надо идти каану.

— Пойду к нему — сказал он старухе и Талым-Арыг.

Дворец каана стоял на возвышенности. Оолак поднялся, дверь дворца открыв, поздоровался, порог переступив, хозяина поприветствовал. Ак-каан, ответив приветствием, спросил:

— Дело есть?

— Я холост, — ответил скромно Оолак.

— Тогда у меня будут для тебя условия.

— Какие?

— Видишь, чернеет девятитысячный лес?

— Вижу.

— Сруби его деревянным топором, спили деревянной пилой, чтоб ни одно дерево не стояло и все сложи в кучу.

У Оолака аж сердце похолодело от страха. Но он сказал твердо:

— Завтра примусь за дело.

Огорчённый вернулся домой, поведал девушке о требованиях Ак-каана.

— Соглашайся! — сказала она.

Утром Ак-каан дал Оолаку деревянный топор и деревянную пилу. Мальчик принялся рубить лес. Он бил деревянным топором по стволу дерева, раздавался гром, но дерево стояло не шелохнувшись.

Талым-Арыг переделалась в берестяное платье и в облике старухи проникла в лес. Толкнет дерево в одну сторону — оно падает, толкнёт другое дерево — оно в другую сторону падает. В лесу стоял оглушительный грохот. За полдня весь чёрный лес был свален и стаскан в

В верховьях текущего моря жил мальчик Оолак. Однажды он свалил две лиственницы, волоком перетащил на берег, сбил плот и вниз по течению...

(Сказка «Настоящая жена».
Рис. Л. Тупиковой.)

одну кучу. Старуха в берестяной одежде ушла домой. Оолак вернулся к Ак-каану, отдал ему деревянный топор, деревянную пилу и сказал:

— Здравствуй каан, где стоял чёрный лес, там теперь светлая степь.

— Здравствуй! Как же ты смог срубить целый лес деревянным топором, спилить деревянной пилой!? — удивился каан.

— Раз ты поставил такие условия, я исполнил их, — ответил Оолак.

Ак-каан дал ему новое задание.

— Видишь, рядом с дворцом течёт ручей, а дальше — текущее море?

— Вижу.

— Завтра бери сито и перелей воду из текущего моря в ручей.

— Ладно, перелью!

Оолак вернулся в избушку. Старухе и Талым-Арыг сказал:

— Каан дал мне новое задание! Ситом перелить воду текущего моря в небольшой ручей, что течёт рядом.

— Попробуй! — ответила Талым-Арыг.

Утром Оолак взял сито, пошёл к текущему морю, черпанул воду, вода вытекла. Как перетаскать её в решете?!

К Оолаку подошла старуха в белом шабуре. Она взяла сито, положила его в подол шабура и зачерпнула им воду текущего моря. Вода моря осела аж до половины. Старуха ещё черпанула и ни одной капли не осталось. Исчезло море. Оно перешло в ручей.

Оолак взял сито, поднялся к Ак-каану.

— Я выполнил и это твоё условие.

Ак-каан посмотрел и удивился:

— О, ты, оказывается, славный человек! Если ситом перечерпал воду текущего моря, ты подходящий муж для моей дочери.

Оолак вернулся домой. Там он сказал:

— Завтра мою голову соединят с головой дочери Ак-каана. Ты, Талым-Арыг, тоже будь рядом.

Утром Оолак и Талым-Арыг поднялись к каану во дворец, там уже собрались сорок девушек и сорок парней. Начался свадебный той. Оолак сходил за дочерью каана, чтобы соединить головы. В это время заиграла музыка, запела Талым-Арыг:

— Легко ли было лес рубить деревянным топором?

Оолак услышал её слова. Девушка продолжала петь:

— Легко ли было решетом перетаскивать воду с одного моря на другое место?

Оолак послушал слова песни и понял, кто его выручил. Он оставил ту, с которой шёл, дочь каана, и подошёл к той, которая пела, и встал рядом. Оолак соединил свою голову с головой Талым-Арыг.

За всем этим наблюдал Ак-каан, восседая на почётном месте. Он смотрел на все, что происходило у него во дворце, и сказал:

— Оолак, ваши головы соединились! Твоей женой стала другая девушка, но не моя дочь. Ты живи с той, с которой суждено тебе жить.
Так Оолак женился на Талым-Арыг.

НЕСЧАСТЛИВЕЦ- НЕККЕР

Задолго до наших дней жили три брата. Одно имя они носили Кара-Молат. Однажды у старшего Кара-Молата сын родился. Когда мальчику исполнился год, младший Кара-Молат решил свой подарок «на зубок» сделать племяннику. В тайгу отправился искать этот подарок. С восхода до заката младший Кара-Молат бродил, ничего не нашел. Назавтра вновь отправился на поиски и опять без подарка вернулся. И третий день не принёс ему удачи. Тогда младший Кара-Молат сказал старшему брату:

— Видно твоему сыну счастья нет, имя ему будет Несчастливец-Неккер.

Так и назвали мальчика. Рос он. В играх с ровесниками своё время проводил. И всегда ему в играх удача — всех ребят Неккер обыгрывал, а те все его Несчастливцем звали.

Однажды Неккер семьдесят мальчиков обыграл. Из зависти мальчишки стали его дразнить: «Несчастливый Неккер! Несчастливый!» Неккеру стало обидно, он, горько плача, к отцу прибежал и говорит:

— Из-за вас, отец, имя мне давший, меня так травят. Разве другого имени не могли мне дать. Позор моего имени на себя принимайте, а я носить такого позора не стану...

С этими словами мальчик горько зарыдал, на землю упал, никакие уговоры его не утешили.

На заре следующего дня он раньше всех с постели поднялся и тайно ушёл из дому, из аала родного, куда глаза глядят.

Так шел он несколько дней и ночей, много ли мало ли прошел — сам-того не знает. Встретится ему добрый человек — мальчик еды у него попросит, неприветливых, сердитых стороною обходит...

Так он шёл и шёл. Вдруг он услышал за своей спиной нежный голос. Оглянулся, видит — юная девушка, его окликающая, бежит, его догоняет. Неккер остановился, девушку подождал. Она подбежала к нему, поздоровалась и говорит:

— Куда ты идешь, Несчастливец-Неккер? — За обе руки его взяла, в глаза ему заглянула. — Всю землю я обегала, всё тебя, Неккер, искала. Зачем ты отцовский аал покинул?

— Несчастливо родившемуся мне плохое имя носить надоело. Как мне в отцовском аале жить, если меня и старый и малый моим именем дразнят?.. Лучше уйти мне, куда глаза поведут, — так Неккер отвечает.

— Эзе, глупый ты парень! — девушка говорит. — Сам ты счастливый, только имя твоё — Несчастливец. Моим женихом ты будешь, поэтому я искала тебя по свету...

— Зачем над несчастливцем и ты смеёшься? За меня, скитальца несчастного, кто замуж пойдёт?..

Так сказав, Неккер прочь от девушки побежал. Девушка снова его догнала, за обе руки взяла:

— С тобою вместе, Неккер, я пойду. Может, когда-нибудь тебе пригожусь...

Сколько юноша ни отбивался, девушка на своём настояла. Руки его из своих не выпуская, за собою вела. Вечером они до землянки какой-то дошли, из трубы землянки дым поднимается. Девушка первой в землянку вошла, за нею Неккер вошёл. Видит — у очага чёрная, как пенёк, старушка сидит. Увидев Неккера, старушка встала, к нему подошла:

— Здравствуй, здравствуй, мой зять Неккер! — сказала она, за руки Неккера взяла, к столу подвела и угощать стала.

Когда ночь наступила, девушка силой юношу рядом с собой на постель уложила, крепко его обняла и ласкаться стала. В её объятиях Несчастливец-Неккер всю ночь без сна пролежал. Когда девушка крепко уснула, он с постели тихонько встал и прочь из землянки сбежал. Опять помчался, куда глаза глядят...

Девушка, утром проснувшись, около себя жениха не нашла, на улицу выбежала, по следам Неккера определила, в какую сторону он убежал. В синий ветер девушка превратилась и по следам Неккера в погоню полетела.

Неккер, духа не переводя, от восхода и до заката, не останавливаясь, бежал. Под вечер вой ветра за спиной своей услышал, всё ближе ветер, всё громче его гуденье. Совсем близко ветер, и в его вое Неккер голос своей невесты услышал. Юноша с дороги свернул, на вершину густолиственного дерева влез, думал там спастись. Ветер сильнее стал, на дерево налетел и Неккера, как перышко, с вершины сорвал. Не дав ему до земли долететь, девушка на свои руки его приняла и говорит:

— Ой, Несчастливец-Неккер, зря ты убегаешь от меня. Всё равно догоню. Лучше пойдём в аал твоего отца, о свадьбе нашей объявим.

Девушка взяла Неккера за руки и за собой повела. Так до заката они шли, ночью голодные спать легли. Опять невеста крепко его обняла. И снова ночь без сна проведя, Неккер на заре от неё сбежал.

Когда солнце взошло, он вой ветра позади услышал, понял, что снова девушка за ним гонится. Видит впереди—у вершины чёрной скалы чернеет пещера. Туда Неккер вскарабкался и в пещере тёмной укрылся.

Тут земля закачалась, реки из берегов вышли, ураган на скалу налетел, целые глыбы от неё отваливает, в пещеру влетел. Опять перед Неккером невеста явилась, за руки его вывела и говорит:

— Не упрямясь, Неккер! В аал отца твоего пойдём. Неккер противиться больше не стал, по сторонам не глядя, за девушкой пошёл.

К вечеру они на гриву горы взошли, с неё увидели аал отцовский. Девушка говорит:

— В аал твоего отца сейчас не пойдём. На этой гриве переночуем. Здесь ты должен дом высокий к утру выстроить...

Неккер, услышав это, опечалился.

— Мыслимо ли за ночь высокий дом выстроить!..

— Если строить дом не берёшься, со мною спать как с женою ложись, — девушка говорит.

Они как муж и жена ночь проспали. Утром, в объятиях девушки пробудившись, Неккер не поверил своим глазам. Неподалеку от их ложа высокий дворец стоит, от лучей солнца сверкает.

— Это наш дом, — жена говорит, — в нём с тобою мы будем жить. Отца и мать сюда позови, всех своих родственников сюда пригласи, богатый той в честь нашей свадьбы устроим. Для угощения сорок быков заколи...

Глазам своим не веря, ушам не доверяя, Несчастливец- Неккер однако обрадовался, повеселел, вприпрыжку в отцовский аал побежал. Отец Неккера сразу не узнал его:

— Кто ты такой? — спросил.

— На гриву, отец, погляди — там мой дворец стоит. Тебя, мать и всех родственников на свадебный той пригласить я пришёл. Я твой сын — Несчастливец-Неккер.

Тридцать человек в аале Неккер нанял. Сорок быков они закололи, сорок вёдер вина на столы поставили. Народу на той собралось — за семь дней гостей не пересчитаешь.

Девять дней богатый той продолжался. На десятый день ложки о дно котлов застучали, винные вёдра обсохли. Народ расходиться стал. Одетые в богатые шабуры гости благодарили Неккера, одетые в холщовые рубахи гости уверяли Неккера в вечной дружбе.

Младший Кара-Молат, давший имя Неккеру, на той явился, но за стол не сел — ему стыдно было, зависть перед счастьем племянника дядю сожгла. С той он убежал, от злости икая, вокруг стойбища Неккера бродил. Злое дело против племянника дядя придумал.

К Неккеру своего человека послал с таким наказом: за девятью морями стол золотой стоит, за этим столом бог обедает. Пусть Неккер этот стол для младшего Кара-Молата добудет. Если стол этот не принесёт, Кара-Молат Неккеру голову отрубит, жену его себе возьмёт.

Человек этот наказ младшего Кара-Молата Неккеру передал. Несчастливец-Неккер испугался и от горя заплакал:

— Видно, последний день я живу! — жене своей Неккер говорит.

— Зачем ты, как маленький, плачешь, — жена говорит. — Пока я с тобой, пока ты моих советов слушаться будешь — ничего не бойся.

Во дворец жена удалилась — оттуда пару сапог сыромятных вынесла:

— Вот эти сапоги надень, — Неккеру сказала. Из трёх таловых прутьев плётку сплела и мужу подала:

— Когда от моих советов вздумаешь отклониться, этой плетью себя хлещи. А теперь отправляйся, иди, не останавливаясь.

Неккер в путь отправился. Когда ему отдохнуть хотелось, он плетью таловой себя подхлестывал — будто ветер его подхватывал, а сапоги на его ногах вперёд его влекли.

Видит Неккер, что быстрее птицы он летит, быстрее бегущего зверя мчится. Много ли, мало ли он бежал — примчался к землянке, в которую невеста когда-то его приводила. У очага, как и тогда, мать его жены — старушка, чёрная, как пенёк, сидит. Увидев Неккера, она поднялась и говорит:

— Здравствуй, здравствуй, мой зять, Неккер! Куда свой путь держишь?

Неккер отвечает:

— То, чего найти нельзя, я ищу. Мой дядя Кара-Молат голову мою погубить надумал, на верную смерть меня послал — найти и похитить золотой стол самого бога.

Старушка Неккера за стол усадила:

— Наверное проголодался — покушай, а потом и о деле поговорим. Может, я в беде помогу.

Когда Несчастливец-Неккер насытился, старушка ему говорит:

— Несчастливый мой зять, сапоги, данные тебе женою, сними, в них до места тебе не дойти. Другие сапоги тебе подарю.

Неккер в новые сапоги обулся и в путь отправился. Видит сам — в новых сапогах он вдвое быстрее бежит. Ни твердокопытный марал, ни быстрокрылая птица за ним не могут угнаться... Как ветер Неккер летит, как вихрь пыль взвихривает, как буря в тайге бушует. Много ли, мало ли он пробежал — вдруг на землянку наткнулся. У порога землянки три женщины стоят. Неккер поздоровался с ними.

— Эзе, Несчастливец-Неккер! — все трое в один голос сказали. — Видать ты проголодался, зайди в наш дом, покушай.

В землянку Неккера ввели, за стол усадили, накормили до отвала.

— В наших местах редко человек появляется, скажи. Несчастливец-Неккер, куда ты направляешься?..

— К слиянию девяти морей спешу. Мой дядя, Кара-Молат велел золотой стол самого бога найти и похитить. До слияния девяти морей я, наверное, доберусь, а что дальше делать, не знаю. Не посоветуете ли?

— Отсюда совсем недалеко девять морей соединяются. У места слияния девяти морей полуостров есть, на него иди. На полуострове широкий и чистый луг есть. На дальнем краю луга медный дом стоит. Войди в этот дом, по девяти ступеням в девятую комнату подымись. Из неё по сорока ступеням на дно моря спустишься, там и увидишь золотой дом, золотые лучи излучающий. В этом золотом дворце — золотой стол Богатворца. Когда к золотому столу присядешь, шапку сними и поздоровайся. После этого на золотом столе разные кушанья появятся — ешь их, не переставая. Во время твоей еды все черви и рыбы морского дна к золотому столу соберутся, будут вместе с тобою кушать. После всех черная жаба появится, за столом место найдет. На неё не оглядывайся, продолжай еду. Чёрная жаба, насытившись, к двери прыгнет, собираясь уйти. В это время ты её шапкой своей накрой. Что дальше будет — сам увидишь.

Так три женщины говорили, такой совет Несчастливцу-Неккеру дали. Неккер поблагодарил их и в путь пустился.

Много ли, мало ли пробежал — синее море невдалеке показалось. Оно устьем девяти слившихся морей оказалось. В синее море зелёный полуостров вдаётся. Неккер на полуостров прибежал и тотчас и луг зелёный, и дом медный нашёл. Под солнечными лучами медный дом сверкает. В медный дом Неккер вбежал, сорокаступенчатую лестницу, на дно моря ведущую, отыскал и на дно морское спустился, в золотой дом вошёл.

Как ему три женщины посоветовали, Несчастливец-Неккер так все и сделал: садясь за стол, шапку снял, за еду принялся. Тотчас же невиданные рыбы и черви со всех сторон появились, все к золотому столу потянулись. Неккер, не глядя на них, ест.

Спустя немного, ещё одна дверь сама собою раскрылась — большая чёрная жаба вползла, на золотой стол прыгнула, за еду принялась. Неккер и виду не подал, что видит её. Чёрная жаба насытилась, со стола спрыгнула, хотела в дверь удалиться. Неккер на нее сел, шапкой голову жабы накрыл. По дну синего моря чёрная жаба прыгала, Неккер, как на коне, на ней сидел. На поверхность земли жаба вылезла, ещё быстрее прыгает. Скоро на ней до землянки Неккер доехал. Чёрная жаба старушкою обернулась, — оказывается, то была тёща Неккера, мать его жены. Вмиг посреди землянки и стол золотой самого Бога вдруг появился, солнечными лучами засверкал.

— Эзе, мой Золотой стол, сколько есть у тебя кушаний, пусть все появятся, — сказал Неккер, и на золотом столе вмиг все кушанья появились. Только что птичьего молока на столе и не было.

Старушку, тещу свою, Неккер хорошо угостил и домой собираться стал.

— Эзе, мой зять, — говорит теща, — Есть у меня к тебе слово. Золотой стол невидим для всех будет, пока показаться ему ты не прикажешь. Зря этот стол не показывай, на любое место не ставь...

Неккер Большую Эриккен (так тещу звали) поблагодарив, домой отправился. Золотой стол невидимым за ним следует.

К берегу большой реки Неккер подошёл. У берега лодку увидел. В лодке старый-престарый человек сидит. Неккер старичка окликнул, перевезти через реку попросил. Старик без слова его на другой берег переправил.

— Эзе, добрый старик, за услугу твою хочу тебя отблагодарить, — Неккер сказал.

На высокий яр они вышли. Неккер говорит:

— Эзе, мой Золотой стол, доброго старика накорми. Мигом стол золотой появился, на нём кушанья разные.

Старичок, увидев стол, говорит:

— Эзе, Несчастливец-Неккер, давай меняться. Ты мне свой стол отдашь, а я тебе медную косу дам.

— Твоя медная коса сама без человека косить может ли? — спрашивает Неккер.

— Ну-ка, Медная коса моя, покажи себя! — старик говорит.

Вокруг густые травы росли. Медная коса сама в траву врезалась и вмиг всю траву выкосила, весь луг большой обнажился.

— Хороша у тебя коса, да мне меняться нельзя! — Неккер говорит. — Не для себя волшебный стол несусь. Не принесу стола, — голова моя с плеч падёт...

Но старик долго упрашивал. Неккер не устоял, согласился, у старика Медную косу взял. Золотой стол остался на месте.

Много ли, мало ли Несчастливец-Неккер прошёл — до дома добрался. Жена его у порога встретила, о Золотом столе спросила.

— Что хочешь, то и делай со мной, жена моя, — Неккер говорит, — стол Золотой я достал, но по пути домой на эту косу обменялся.

— Большая Эриккен, моя мать, что тебе наказывала? Зачем ты её совета ослушался? Опять придется тебя выручать.

Так сказав, жена у Неккера Медную косу взяла, и в лес ушла. Через некоторое время без косы явилась и крикнула:

— Эзе, Золотой стол, явись, все кушанья покажи. Посреди ограды стол золотой появился. На нём кушаний больше, чем в прежний раз было наставлено, только что птичьего молока нет. Неккер радостно руками всплеснул.

— Золотой стол у речного духа я выпросила, Медную литовку ему назад отдала, — так ему жена объяснила. — Теперь надо дядю твоего Кара-Молата позвать, пусть сколько угодно ему — угощается.

Но тут никогда не сердившийся, Неккер очень рассердился, никогда не обижавшийся — обиделся, закричал так, что младший Кара-Молат услышал:

— Если надо дяде моему, пусть сам с поклоном сюда явится, злые свои затеи пусть позабудет. Теперь я не маленький Несчастливец-Неккер, хватит у меня ума и силы, чтобы и с дядей справиться...

Младший Кара-Молат на зов племянника не явился.

С тех пор на землю Неккера никто с вызовом на бой не являлся, война не приходила. Неккер, став счастливым, долгую и спокойную жизнь прожил.

ЧАГЫС — ОДИНОКИЙ ПАРЕНЬ

Давным-давно это было. Одинокий парень был на свете. Звали его Чагыс. Совсем одиноким он жил.

Тогда же три человека на озере ловили рыбу. Одну только щуку поймали и одинокому парню понесли менять на единственную его овцу... Чагыс, сомневаясь, говорил:

— Как же я отдам свою единственную четырёхногую скотину?

Взад и вперёд похаживая, говорил:

— Меня, всё-таки отдам, пожалуй!

Парень засунул щуку в мешок и понёс в гору. Щука порвала мешок и упала на землю. Парень ударил её камнем и снова бросил в мешок. Шёл, шёл, видит, что рыба снова порвала мешок и лежит на земле. Парень опять ударил её и опять бросил в мешок. Он поднялся уже на гору, как щука вновь освободилась. Тогда парень схватил рыбу, спустился вниз, бросил её в воду. Потом вернулся домой и уснул.

Утром к нему один человек пришёл. Одинокому парню сказал:

— Вставай скорей! Тебя требует к себе Хозяин воды.

Одинокий парень отвечал:

— Хорошо, пойдём! Пришли они к воде. Одинокий парень сказал:

— Как я пойду в воду, если даже плавать не умею?

Человек предложил:

— Вьючься мне на спину.

Посадив на плечи Чагыса, он бросился в воду. Одиноким парень даже рубашки не замочил. Они шли по дну озера, как по солнечной земле, как по дневному миру. Когда они шли, человек сказал:

— Сын Хозяина воды плавал и попал в сети рыбаков. Ты спас его душу... Будучи тобою доволен, Хозяин воды отблагодарит тебя. Будет тебе дорогие вещи и деньги предлагать — отказывайся. В подарок собаку хозяйскую худощерстую попроси, много добра от неё.

После этого они достигли земли, обитаемой Хозяином воды. Он навстречу им вышел, взял Одиноким парня за руку, посередине пола усадил. Кругом разложил товар и сказал:

— Любую вещь выбирай! Какая понравится, ту и отдам тебе.

Чагыс осмотрел вещи и отказался:

— Не возьму!

Тогда Хозяин воды рассыпал гору бумажных денег. Одиноким парень вновь отказался. Когда хозяин воды убрал деньги. Одиноким парень сказал:

— Если ты дашь мне собачку с худой шерстью, находящуюся внутри твоего дома, я возьму ее.

Хозяин воды, туда взглянув, плакал, сюда взглянув, смеялся. Потом отдал свою собачку. Угостил гостя и велел человеку отвести его домой так, чтобы вода не вымочила Одиноким парня. Человек с ним и собачкой поднялся в гору и там оставил Чагыса. Так звали Одиноким парня.

Тот приготовил пищу, сам поел, собачонку угостил, спать уложил. Переночевав, лицо, руки вымыл. Когда взглянул на стол, то глазам своим не поверил: чашки, которые лежали на нём, стали золотыми и серебряными.

На второй день Одиноким парень опять приготовил пищу, сам поел и собачонку накормил... Когда лёг спать, собачонку уложил в ногах.

Утром проснулся, увидел, что вся утварь в доме золотом и серебром украсилась.

На третий день Чагыс, укладываясь спать, собачонку засунул себе за пазуху и так спал. Проснувшись, увидел, что внутри печи горит, потрескивая, огонь, а возле печи красавица с волосами цвета меди стоит.

Одиноким парень сразу же вскочил, девушку схватил за руку. Красавица, огорчившись, сказала:

— Экой ты, зачем притронулся ко мне! Теперь сын хозяина воды сюда придет.

Утром, как и говорила та красавица, сын хозяина воды пришёл к ним.

Сын хозяина воды, узнав, где находится девушка, вернулся домой и сказал отцу:

— Если ты, отец, Одиноким парнем взятую девицу мне не отдашь, то выходи из моих отцов, из твоих сыновей выйду я.

Хозяин воды отвечал:

— Спустишься по склону, поиграй с Одиноким парнем в прятки. Если он не найдет тебя, возьми девицу.

Сын хозяина воды явился к Одинокому парню:

— Давай играть в прятки.

— Ты, желающий играть, прячься первым! — сказал Чагыс.

Сын хозяина воды пошёл прятаться. Одинокий парень как сидел в доме, так и остался сидеть.

Девушка спросила его:

— Почему не идёшь искать?

Чагыс отвечал:

— Где я смогу его найти?

— Если пойдёшь по берегу озера, увидишь большой загон. В нём будут лежать три барана, Ты пройдёшь между ними, они поднимутся и погонятся за тобой, как медведи. Среди тех баранов будет один с раздвоенными, закрученными рогами. Этого барана хватай за рога и крути шею, пока он не взмолится: «Больно мне!» Это и будет сын хозяина воды.

Одинокий парень, выйдя из дома, спустился на берег озера, в загон вошёл. Барана с раздвоенными закруглёнными рогами схватил и стал шею ему крутить. Как только баран заревел от боли, бросил его и домой побежал. Там у себя в комнате уселся.

— Почему ты не прячешься? — спросила девушка.

— Куда спрятаться мне?

Красавица превратила Чагыса в гребень, села на стул и стала расчёсываться... Вошёл сын хозяина воды. Сразу сел за стол, достал книгу, начал читать. Он увидел все корни травы, всех рыб в воде, все звёзды на небе. Одинокого парня среди них не мог найти.

Девушка незаметно гребень положила возле себя. Одинокий парень вскочил и крикнул: «Я здесь!»

Сын хозяина воды снова отправился прятаться. Девушка спросила:

— Почему ты не идёшь и не ищешь? Сын хозяина воды сердится.

— Где я его найду?

Девушка сказала Чагысу:

— В направлении этой степи пойдёшь. Там будут ходить быки. Ты иди к ним. Они, увидя тебя, с рёвом будут за тобой гнаться. Ты не бойся, хватай самого могучего за стоймя выросшие рога и крути шею, пока бык не взревёт от боли, это будет сын хозяина воды.

Одинокий парень вышел в степь и сделал всё так, как ему говорила девушка. Когда он вернулся домой, она сказала:

— Прячься!

— Куда? — недоумевая, спросил парень.

Девушка превратила его в напёрсток и взялась за шитьё.

Хозяин воды, туда взглянув, плакал, сюда взглянув, смеялся. Потом отдал свою собачку. Угостил гостя и велел человеку отвести его домой так, чтобы вода не вымочила Одинокого парня. Человек с ним и собачкой поднялся в гору и там оставил Чагыса...

(Сказка «Чагыс – одинокий парень».)

Рис. Л. Тупиковой.)

Сын хозяина воды вновь пришёл с книгой, стал читать, просматривая все растения, камни, рыбы, звёзды и вновь не нашёл Чагыса.

Девушка незаметно положила наперсток возле себя. Наперсток превратился в парня, который выкрикнул:

— Я здесь!

Сын хозяина опять отправился прятаться. Девушка вновь спросила Одинокого парня:

— Почему ты не ищешь его?

— Где я найду неизвестно куда отправившегося и спрятавшегося человека?

Девушка ему в ответ:

— Иди берегом озера. Там встретишь крупные камни, среди них совсем мелкие будут... Возле мелких разные птицы гнездятся. Пройдёшь около них, увидишь имеющую гребень птицу. Хватай её за шею и крути, пока не закричит: «Больно!»

Одинокый парень так сделал. Вернувшись домой, он стал поджидать сына хозяина воды.

— Почему ты не прячешься? — спросила девушка.

— Куда же мне? — огорчился парень.

Девушка превратила его в иголку, стала шить...

Сын хозяина, как только вошёл в дом, так сразу стал читать книгу. Всё созданное на земле просмотрел. Одинокого парня не нашёл. Тогда девушка опустила тихонько иглу на пол. Одинокый парень, сказавший: «Я здесь!» — поднялся. Сын хозяина воды вернулся к себе домой и рассказал отцу, как прятался от Одинокого парня, как тот находил его...

Отец выслушал и сказал:

— Завтра скажи парню, что на такой-то земле золотой стол есть. Пусть он сядет на коня и привезёт этот стол. Если привезёт, то женится на девушке, с нею станет жить. Если нет, ты возьмёшь её.

На другой день сын хозяина воды поднялся на гору, вошёл в дом парня и стал говорить с ним:

— Если ты привезёшь золотой стол, то женишься на девушке...

— Где же я найду тебе такой стол? — возмутился Чагыс.

Сын хозяина воды ничего не сказал в ответ, повернулся и ушёл.

Девушка сказала:

— Я приготовлю тебе запас пищи на дорогу, напишу книжечку, дам клубок ниток. Куда клубок покатится, туда и езжай, где остановится, там и ночуй!

Одинокый парень оседлал коня, сел верхом и поехал за клубком. До вечера ехал, на необитаемой земле ночевал.

На второй день опять поехал. Клубок опять впереди него покатился. Когда наступило время ночевать, он увидел большой дом. В окне этого

дома показалась белолицая девица. К ней направился клубок. Одиноким парень вошёл в дом. Еще двух девиц увидел.

— Годится ли мне у вас ночевать? — спросил.

— Ночуй, ночуй! — ответили ему.

Он переночевал. Когда утром на заре проснулся, лицо, руки умыл, к нему вошла старуха с огромными висящими, как у свиньи, ушами.

— Откуда это солёное мясо пришло? Я хочу Одиноким парня съесть скорей! — вскричала она.

Чагыс, услышав старуху, испугался. Находящуюся в его кармане книжку, написанную девицей, вынул и стал читать. Когда он читал, старуха сказала:

— Пай, пай! Оказывается, мой младший зятёк приехал откуда-то.

Она взяла за руку Одиноким парня, увела в свой дом, там хорошо угостила и оставила ночевать.

Утром, когда он стал собираться, старуха спросила:

— Куда, мой младший зятёк, путь держишь?

— Говорят, что на свете есть золотой стол. Его хочу отыскать, — ответил Чагыс.

— Я не знаю. Но укажу тебе путь к моей средней сестре. Своего коня ты оставишь у меня. Взамен я тебе карего жеребца дам, на нём поедешь. Моя средняя сестра — шаманка, она одна только и может знать про золотой стол, — сказала старуха.

Она вручила одиноким парню клубок ниток и распрощалась. Клубок покотился. Чагыс на жеребце поехал вслед... Скоро он достиг великого стойбища. Там увидел двухэтажный дом. Из верхнего окошка выглянули три девицы.

— Можно у вас переночевать? — спросил парень.

— Ночуй, ночуй! — радушно ответили хозяйки.

На другой день Чагыс встал с постели, оделся, не успел вымыть лицо и руки, как к нему вошёл человек, в дверь не вмещающийся, имеющий громадные отвислые уши. Входя, человек проговорил:

— Откуда-то пришло солёное мясо. Похоже, я скоро съем его.

Одиноким парень вынул книжечку из кармана и подал человеку. Тот посмотрел и удивлённо сказал:

— Пай, пай! Мой младший зятёк приехал!

Это оказалась средняя сестра, она сразу же взяла за руку Чагыса, в свой дом увела, вином-едой угостила, разговаривать стала, выспрашивать стала. Одиноким парень, не скрывая, всё рассказал.

Средняя сестра, клубок ниток и коня младшей сестры у себя оставила. Взамен дала новый клубок и нового коня, наказала ехать к своей старшей сестре. Только та одна может знать, где находится золотой стол.

Чагыс поехал. Доехал до великого стойбища, где стоял громадный трёхэтажный дом. Из верхнего окошка выглянули три девицы. Одинокий парень вошел и спросил у них:

— Можно ли здесь у вас заночевать?

— Ночуй! Ночуй! — дружно ответили девицы.

Одинокий парень выпался. Утром открыл глаза и увидел страшилище с громадными отвислыми ушами. Оно едва-едва вошло в дверь и закричало:

— Солёное мясо само явилось ко мне. Скоро я съем его.

Чагыс быстренько вынул книжечку, подал страшилищу. Оно взглянуло на нее и сразу же сказало:

— Пай, пай! Младший зятёк приехал ко мне в гости!

Как только так сказала, взяла Чагыса за руку, в свой дом повела, вином-едой угощала. За каким делом приехал, спрашивала. Одинокий парень ответил:

— Говорят, что есть на земле золотой стол. Его отыскивая, ежду. Может, ты знаешь, где он находится?

Страшилище сказало:

— Вечером, камлая-ворожа, узнаю.

Всю ночь до утра камлала шаманка. Утихнув, речь держала:

— Я дам тебе коня, имеющего шесть ног. Твой останется у меня.

На завтрашний день она подвела Чагысу оседланного горного шестиногого коня и наказала:

— Посмотри на небо. Видишь тёмный клочок облака. Двигайся за ним. Когда облако растает, ударь коня плетью. Откуда-то, застучав и загремев, появится стол... Застучит, загремит молниями — ты не пугайся. Стол к седлу своему приторочь и поскорей от этого места скачи. За тобою горный шаман будет гнаться — ты, не останавливаясь, скачи. Каменный столб на пути встретится. Когда поравняешься с ним, коня три раза плетью ударь...

Как наказывало страшилище, так и сделал Чагыс. Стол золотой к седлу привязав, он горного шамана позади оставил. Ударил плетью своего коня возле каменного столба. Тот рванул вперед, а за спиной горный шаман с печалью проговорил:

— У моего отца будет большое огорчение. Любезный Ульген, у нас отняли золотой стол.

Дальше Одинокий парень поехал спокойно. Когда он по прямому пути возвращался, то встретил дом. Коня в тени привязал, вошёл в него. В доме никого и ничего не было. Только стоял окрашенный стол. Одинокий парень уселся и, вздохнув, сказал:

— Ох, есть хочу!

Рядом раздался голос невидимого человека:

— Я накормлю тебя!

И сразу же на столе появились всякие яства, кушанья, превосходно приготовленные. Одинокий парень, глядя на них, сказал:

— Не буду есть без хозяина!

Голос ответил:

— Какой ты хороший, однако, человек. Я накормил тысячи людей, но ни один не пригласил меня поесть с ним.

Невидимый стал поглощать пищу. Одинокий парень тоже наелся до отвала, поблагодарил хозяина и встал. Стол тотчас же исчез...

Попрощавшись, Одинокий парень вышел из гостеприимного дома, сел на коня и поехал. Ехал, ехал, вдруг услышал рядом голос покормившего его человека:

— Одинокий парень, я здесь с тобой.

Они поехали вдвоём, разговаривая. Добрались они до великой шаманки, оставили ей коня с шестью ногами. Потом добрались до средней и младшей сестры. Вернули каждой их лошадей. И на своём Чагыс близко к полночи доехал до дома. Там увидел, что его дом без окон и дверей, сплошная стена. Три раза обойдя эту стену, он крикнул:

— Почему меня никто не встречает!

Откуда ни возьмись, окна и двери появились, видимыми стали. Женский голос спросил из дома:

— Что ты за человек?

— Я Чагыс! — ответил он.

Потом девица навстречу ему вышла, радостно встретила его. Парень занёс в дом золотой стол и поставил посреди пола.

Они стали говорить, рассказывать друг другу, как жили, что с ними происходило. Поговорив, уснули.

Утром сын хозяина воды пришел.

— Привез золотой стол? — спросил.

— Твои глаза ослепли что ли? Он перед тобой, — сказал Одинокий парень. Сильно огорчившись, сын хозяина воды вышел, прибежал к отцу.

— Ты послал Одинокого парня туда, где люди умирают. Он не только вернулся, но и привез золотой стол.

Тогда хозяин воды сказал:

— Делать нечего. Одинокий парень выполнил все условия, пусть он возьмет девушку себе и живёт счастливо.

Одинокий парень женился и стал счастливо жить. Его дом украсился золотом и серебром... Они жили, владея золотым столом. Рядом с ними был невидимый друг.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Прежнее давнее поколение было. Тогда в дремучей глухой тайге старик со старухой проживали. Век провели на охоте за хищным зверем, питаясь его мясом, одеваясь шкурой. Ни скота, ни птицы не нажили, одно старое ружьишко имели, этим ружьём и охотились. Мал был на охоту ходить единственный сын, а старичок совсем состарился, слабым и хилым стал. Руками в рот пищу положить уже не может, воды почерпнуть напиться, встать не может. Так, голодая и жаждая, живут.

Так много ли, мало ли прожили, однажды старик сыну говорит:

— Твоё время пришло охотиться на зверей и птиц, надеяться у нас больше не на кого и не на что, хотя ты мал ещё на охоту идти, но зверей и птиц лови, нас, стариков корми и сам кормись..

Старухе-матери хотя и жалко малого сына, но делать нечего, из последнего запаса приготовила ему еды. Паренёк навьючил на себя запасы, попрощался с родителями, отправился в глушь тайги. Много ли, мало ли шёл, в глубину дремучей тайги зашёл, себе шалашик сделал, охотничать стал.

День ходит, другой, третий ходит - нигде ничего не может добыть. Другая неделя миновала — ни зверя не может убить, ни птицу поймать. Пустую палку таскает, из носа мыши кровь не выпускает. Долго ли, коротко ли ходил, запас еды у него истощился. Сам в тайге заблудился: туда идёт, сюда идёт; чем больше ходит, тем больше блуждает. Из сил выбился — не знает, где шалаш. Окончательно изнемогший, забрался в болото и лёг. «Здесь умру», — думает.

Ни мало ни много прошло времени, вдруг небо почернело, по небу тучи поплыли, сияющее солнце закрыли. Великий шум-гам поднялся, грохот крыльев послышался. С железными крыльями каан-птица прилетела. Вокруг паренька, крылья раскрыв, парит. Увидев лежащего, с воздуха спустилась, когтями его ухватила, к самому небу поднявшись, в какую-то землю понесла.

Паренек в копиях птицы сжался от страха, не знает живой он или мёртвый. Если считать себя мертвым — живым кажешься; если считать себя живым, то мёртвым кажешься.

Летела, летела каан-птица до чёрного моря, до черно-скалистых гор долетела. Там великое стойбище стоит, бесчисленно много подчинённого народа живёт, бесчисленно много стад пасётся. В середине стойбища, конца края не видно, каменный дворец стоит. К нему каан-птица спустилась, птичью одежду снимает, Кара-кааном оказывается. Сорок

своих дочерей зовёт, полуживого, полумертвого паренька передаёт в их руки.

— Закройте его в курятник и вместе с птицами отрубьями кормите, — так наказав, уходит в свои покои.

Сорок дочерей, не смея ослушаться отца, запирают полуживого полумёртвого паренька в курятник и отрубей насыпают ему, чтобы поел. Оголодавший, не брезгуя отрубьями, стал есть вместе с курицами. В это время самая младшая дочь Кара-каана, крадучись, вернулась в курятник, человеческую пищу принесла, а сама скорее вышла и скрылась. Паренёк свой опустевший желудок наполнил, тоску рассеял.

Много ли мало ли он с курами живёт. Однажды Кара-каан потребовал его к себе и говорит:

— Что же, паренёк, без дела живёшь, тоскливо пооди? Одну работу дам, выполнишь — хорошо будет, не выполнишь — плохо тебе будет.

Посадил Кара-каан паренька позади себя на своего Воронка. Поехали вместе. Много ли мало ли ехали, к чёрному озеру, обросшему камышом, подъехали, с коня слезли. Кара-каан даёт железное сито и говорит:

— За эту ночь этим железным ситом это чёрное озеро за ту чёрную гору, перетаская, выльешь, чтобы к утру галька на дне высохла, песок рассыпался. Если выполнишь эту работу, то добро будет, если нет, то пеняй на себя, завтра голова твоя с плеч слетит.

Дав такой наказ, Кара-каан садится на своего Воронка, домой уезжает.

Паренёк остался. Железным ситом черпает воду и она тут же обратно стекает. Как черпнёт, так стоит — ничего не получается. Сел на землю паренёк, руками по бокам хлопает, плачет, слезы проливает. Видит какая-то девушка, скрываясь и прячась, подбежала к нему.

— Здравствуй, здравствуй, паренёк! Зачем слезы проливаешь? Я, Кара-каана младшая дочь, хочу тебе помочь. Ничего не скрывая, расскажи.

— Как мне не плакать! Как мне слёз не проливать, когда последний день живу на свете. Видишь, вот какое озеро твой отец Кара-каан приказал ситом перетаскать и вылить его вон за ту высокую гору. Если к утру не сделаю это, завтра он мою голову хочет снять. Сама подумай девушка, как я могу этим ситом воду перетаскать.

— О, это не беда! Беда будет впереди, — сказала девушка. — Я взяла у отца волшебную чёрную книгу, к тебе на помощь пришла. В ней все смекалки, мудрости и колдовство отца записаны. Я буду её читать, озеро само туда, куда надо, перельётся. А ты ляг, усни, к утру всё будет сделано...

Паренёк повеселел, успокоился, лёг и уснул. Красное солнце закатилось, ночь наступила. Девушка чёрную книгу раскрыла, стала шёпотом читать. Камышом обросшее чёрное озеро вдруг ни с того ни с

сего заволновалось, зашевелилось, за чёрный таскыл вода сама собой потекла. К утру дно осушилось, гальки высохли, песок рассыпался — капельки воды не осталось.

Паренёк всю ночь проспал, утром поднялся, посмотрел, удивился, глазам своим на поверил. Только руками воду на новом месте пощупав, поверил. Девушка говорит:

— Когда приедет мой отец, ты на дне озера оставшиеся прутики, травки собирай и в кучу складывай, вид показывай, будто работаешь, дорабатываешь. А мне пора! — так говоря, прячась и скрываясь, убежала.

Паренёк не нарадуется, вши на голове не помещаются. На дно озера спустился, прутики, травку собирает, в кучку складывает, вид показывает, что усердно работает. Скоро видит — стальной меч по земле тащится, Кара-каан на Воронке едет. Подъехав к пареньку, спрашивает:

— Выполнил заданное мною задание?

— О, начальствующий мой начальник, каанствующий мой каан, сколько мог выполнить, столько выполнил, — ответил тот.

Посмотрел Кара-каан, удивился, покачал головой:

— Молодец, паренек! Смекалки, мудрости у тебя много, за это жизнь тебе сохранию.

Так говоря, посадил его за собой на коня. Подъехав к дому, Кара-каан велит в тот же курятник паренька запереть, отрубей побольше дать. Сорок дочерей так и сделали. Младшая же, крадучись, опять пришла, лучшую пищу и кушанья ему отдав, поскорее скрылась куда-то.

На следующий день Кара-каан потребовал паренька к себе и говорит:

— Я тебе вторую работу дам. Сейчас поедem, покажу.

Посадил его опять на Воронка сзади себя. Долго ли, коротко ли ехали, в большой дремучий лес въехали, с коня слезли.

Каан вручает пареньку деревянный топор:

— Этим деревянным топором видимо-невидимый лес, не оставляя ни одного дерева, ни одного прутика, сруби на дрова, в одну кучу собери и сложи. Если выполнишь, то награжу, если нет, то завтра голова твоя с плеч слетит. Чтобы к утру было всё готово.

Так наказав, сам уезжает.

Наш паренёк с деревянным топором к одному дереву подходит, ударил — не берет, к другому — не берёт, третье рубит — тоже не берёт. Не только дерева не свалил, ни одной щепки не вырубил. Рубил, рубил, наконец, топор обломал. Сел на сырую землю и опять загоревал. Хлопая бока, стал плакать, слёзы проливать, девушку на помощь подзывать. В это время, скрываясь и прячась, та девушка опять прибегает.

— Здравствуй, здравствуй, паренёк! Что с тобой случилось? Почему опять плачешь, слезы проливаешь? Скажи, может, твоему горю помогу. Слёзы надо беречь, может, вперёд пригодятся.

— Последний день я доживаю на свете. Как мне не плакать, как слёзы не проливать, когда твой отец мне такое задание дал, какого мне и во сне не выполнить. Видишь вот этот тёмный лес, вот этим деревянным топором до завтрашнего утра все до одного дерева надо срубить и в одну кучу стаскать. Не сделаю этого, Кара-каан мне голову снимет.

— Какая это беда?! Беда будет впереди. Не плачь, не горюй, спокойно ложись и спи, к утру всё будет сделано, — сказала девушка.

Паренёк успокоился, лёг и уснул крепким сном. Красное солнце закатилось, ночь наступила. Девушка достала чёрную книгу, опять стала читать.

Как начала, так тёмный лес сам собою вырубаться и валиться стал, в кучу на дрова складываться. Треск и грохот поднялся, за девять земель слышно шум до синего неба. За одну ночь стоящий тёмный лес до одного дерева вырубился, в дрова превратился, подобно горе высокой в одну кучу сложился.

Паренёк, утром проснувшись, увидел это чудо, удивляется, надивиться не может, глазам не верит, только руками пощупав, поверил, мудростью девушки восхищается, наблагодариться не может.

— Ты теперь собирай остатки прутьев, щепки в кучу и показывай вид, что работаешь. Пока отец не приехал, мне надо удалиться поскорее. — Так сказав, девушка убегает.

Обрадованный паренёк прутья, веточки, щепочки собирает, в кучу складывает, вид показывает, что работает, дорабатывает. Скоро видит: Кара-каан на вороном иноходце, меч стальной по земле волоча, к нему подъезжает.

— Вот те на! — удивляется он. — Я приехал, чтобы твою голову снять, а ты моё задание опять выполнил, оказывается. Молодец, мудрость и смекалка у тебя велики! Твою жизнь опять сохраню. Садись за мной, поедem домой.

Паренёк сел на коня позади Кара-каана, в стойбище приехали. Там опять его в курятник с курами велел запереть, отрубей ещё больше дать. К нему крадучись, девушка заходит, ещё лучшей человеческой пищи принесла, а сама скорее, незамеченная никем, скрылась.

Немного-немало времени прошло, Кара-каан снова паренька к себе вызывает и говорит:

— Теперь я тебе последнее задание дам. Если выполнишь, то больше никакого задания не дам.

Сели они верхом на коня, поехали. На дно сухого, камышом заросшего озера, приехали, коня расседлали.

Кара-каан опять пареньку дал деревянный топор, деревянную пилу и приказывает:

— На дне высохшего чёрного озера деревянным топором руби, деревянной пилой пили. Лес наруби, натаскай, до зари завтрашнего утра на

Ни мало ни много прошло времени, вдруг небо почернело, по небу тучи поплыли, сияющее солнце закрыли. Великий шум-гам поднялся, грохот крыльев послышался. С железными крыльями каан-птица прилетела...

(Сказка «Волшебная книга»
Рис. Л. Тупикова.)

дне этого озера из шестидесяти комнат с девятью-десятью углами золотой дворец построй. Если построишь, то будет хорошо, если нет, то тело твоё изрежу на куски, красную кровь пролью, твою голову сниму.

Такое дав приказание, сел на коня и уехал.

Паренёк в руки деревянный топор берёт, лес рубит, пилой пилит, ни одной щепки вырубить не может.

Бедняга вновь заплакал, зарыдал пуще прежнего, поджидая девицу-подругу. Черную книгу в руках держа, прячась, скрываясь, та девушка опять прибежала.

— Здравствуй, здравствуй, паренёк! Что случилось? О чём так горько плачешь, рыдаешь? Слезы ещё пригодятся, надо их беречь.

— Как же мне не плакать, не рыдать, когда последний раз я, видно, солнечный свет вижу. Кара-каан, твой отец, опять дал мне задачу: до завтрашнего дня деревянной пилой, деревянным топором нарубить и натаскать лес на дно высохшего озера, из шестидесяти комнат с девятью-десятью углами золотой дворец построить. Не сделаю — завтра моё тело на куски изрежет, красную кровь прольёт.

— Это не беда, беда будет впереди. Пока отцовская чёрная книга у меня в руках, к утру всё будет готово, ты ляг и усни, встанешь — посмотришь.

Услышав это, повеселевший паренёк успокоился, уснул. Красное солнце опять закатилось, тёмная ночь наступила. Девушка чёрную книгу раскрыла, опять стала читать. Вдруг деревья стали сами ломаться, рубиться, таскаться в кучу, на дне чёрного озера в золотой дворец из шестидесяти комнат с девятью-десятью углами строиться. До утренней зари, когда солнце засияло, когда месяц засверкал, дворец уже построился.

Всю ночь крепко проспав, паренёк, проснувшись, видит опять чудо: на месте бывшего озера стоит и блестит золотой дворец.

— О, Диво! Как же мне отблагодарить тебя, прекрасная девушка, за спасение трижды моей жизни? — вскрикнул он.

— О, паренёк, благодарности мне от тебя никакой не надо, лучше бери скорее деревянный топор, подойди к дворцу. Стукай, брякай по стенам, ходи по углам, как будто работаешь, дорабатываешь. Кара-каан не даст тебе больше работы. Он теперь тебя полюбит и скажет: «У меня сорок дочерей. Самая лучшая из них младшая. Если сумеешь среди сорока выбрать её, то её за тебя выдам замуж». А ты ему не перечь, согласишься. Он нас всех сорок дочерей за сорок столов посадит, мы все будем книги читать. Мы все сестры одинаковы, все румяны, красивы, лицом и ростом — всем одинаковы. Ты меня среди сестёр не узнаешь. Когда я буду читать, то корочку книги буду закрывать и открывать. Если это заметишь, то за руку меня бери и говори: «Вот моя суженая, твоя младшая дочь!» — «Хорошо, хорошо! Молодец, паренёк!», — скажет отец.

Потом он нас сестёр в сорок гусей превратит. «Если ты такой мудрый, то найди свою суженую среди этих гусей». Мы все будем одинаковы. Ты можешь трижды умереть, трижды воскреснуть, но не узнаешь меня среди сестёр. Нам насыпят овёс, мы все станем его клевать и я тоже, но я буду слегка крылья поднимать. Это заметишь, тогда узнаешь меня, не заметишь — не узнаешь тогда, за руку меня возьмёшь и скажешь: «Вот, вот моя суженая, твоя младшая дочь!» — скажешь. «Молодец, молодец, паренёк! Смекалка велика, глаза остры. Раз нашёл свою суженую, мою младшую дочь, так и бери её в жёны», — скажет каан. Две головы наши он тогда соединит и жизнь нашу объединит. Смотри, то, что я тебе говорила, не забывай, забудешь — никогда меня не найдёшь, мы навсегда расстанемся.

Так научив паренька, тут же скрылась. Он же берёт топор, по углам дворца постукивает, по стенам побрякивает, как будто что-то дорабатывает. Кара-каан подъезжает, головой покачивает, надивиться не может.

— Молодец! Смекалка твоя большая, мудрость великая. Теперь больше заданий тебе не будет. Из моих сорока дочерей самая лучшая — младшая, за тебя отдам её замуж, моим зятем станешь. Когда умирать буду, тебя каанствующим кааном поставлю за меня.

На вороного коня верхом вдвоём они сели, домой поехали. Паренька больше с курами Кара-каан не садит. В каменный дворец заводит, за стол золотой садит, самой лучшей пищей кормит, самой крепкой аракой поит. Потом за руку берёт, в другую комнату вводит, где за сорока столами сорок девушек сидят, все книги читают. Все красивые, все румяные, все одинаковые. Младшую дочь невозможно было узнать. Сорок девиц паренёк обошёл сорок раз, пока не заметил, что одна из девушек корочку книги слегка открывает и закрывает, и опять читает. Паренёк к ней подошёл, за руку взял, из-за стола вывел, сказал каану:

— Вот моя суженая, твоя младшая дочь!

— Молодец! Узнал свою суженую! — Кара-каан похлопал по плечу паренька и тут же сорок девушек в сорок гусей превратил, им овса насыпал.

— Ну, молодец, если ты такой мудрый, то среди этих сорока гусей выбери свою суженую. Если выберешь правильно, своими руками тебе её отдам и больше тебе заданий никаких не будет, — сказал Кара-каан.

Паренёк сорок гусей сорок раз обошёл. Все белые, все ровные, одинаковые, все красивые. Которая из них младшая дочь — узнать нельзя. Вдруг замечает, что одна гусыня клюёт овёс, слегка крылья приподнимая. Паренёк сразу же схватил гусыню за шею:

— Вот, вот моя суженая!

— Молодец! Смекалка и мудрость у тебя большие! Глаза остры, своими руками свою младшую дочь отдаю, две головы ваши соединяю,

жизни ваши объединяю. Отныне моим зятем будь! Когда придёт время мне помирать, ты станешь каанствующим кааном на моей земле.

Кара-каан берёт за руки паренька и свою дочь, в каменный дворец проводит, самой хорошей пищей кормит, самыми крепкими араками угощает, две головы соединяет, большой той устраивает. Много, много народу собралось, всех до единого угостили. Так девять дней пропировали. Когда той прошёл, Кара-каан говорит:

— Ну, мои детки, вами построен золотой дворец, он из шестидесяти комнат с девятью-десятью углами. В свой дворец идите, там живите, наслаждайтесь богатством своей мудрости. Девять моих сыновей все дураки, кааном быть, кроме вас, некому.

Молодые думают: «Нет, каанами мы не будем, каанство вместе с тобой закончится».

Молодые взяли за руки, в свой дворец побежали, жить, веселиться и природой наслаждаться стали.

Долго ли, коротко ли, много ли мало ли, живут, наш паренёк тосковать по родине стал, золотой дворец ему опостылел. Как бы жизнь ни хороша, но своя родина, свои родители кажутся лучше в десять раз. С женою, весело смеясь, ходит, без жены слезы проливает, от жены скрывает свою тоску. Заметившая это жена однажды спросила:

— Мой дорогой, скажи, что с тобой? Что ты от меня скрываешь?

— О, дорогая моя, у меня, хотя и плохая, но родина есть, хотя и плохие, но родители есть, хотя и низкие, но горы свои есть. По родине тоскую я. Не мила мне здешняя роскошная жизнь, не мил этот золотой дворец, — ответил паренёк.

— О, милый мой, прошедшие беды — это не беды! Вот теперь к нам беда пришла. Если у отца проситься домой станешь — не отпустит нас. Если убежим, догонит на дороге и убьёт. Куда теперь мы денемся? Если бы Кара-каан был мне родным отцом, то я умолила бы его, он бы меня пощадил. Неродная я ему дочь, не отец он мне. Он меня так же, как и тебя, украл. Мой родной отец — бедный человек. Когда мне было только полгода, мою мать и меня на глазах у моего отца Кара-каан, летая царь-птицей, схватил и унёс к себе. Я здесь и выросла, за мою мудрость он сделал меня своей младшей дочерью, мать — за её красоту сделал своей женой. Если будем бежать, то у матери надо один башмак взять, у Кара-каана чёрную книгу, они нам пригодятся в трудную минуту.

Так сказав, прячась и скрываясь, убежала. Долго не мешкая, чёрную книгу и башмак с собой принесла.

Немало-немного время прошло, стали они в путь собираться.

— О, моя мягкая постель, когда от отца за нами посыльные придут, ты за нас отвечай: «Только проснулись, встаём с постели!» — скажи. О стол, мой золотой, если посыльные придут от отца, то отвечай, что мы

только встали, умываемся, скажи. О, дверь моя, если посыльные придут от отца, то отвечай, что мы только встали, оделись, сейчас придём.

Так, предметам наказав, двери изнутри закрыли, за руки схватились и убежали.

Много ли, мало ли времени прошло, явились посыльные Кара-каана, постучали в дверь.

— Эй, молодые, что Вы так долго спите! Кара-каан к себе на угощение зовёт вас.

Было утро. Постель отвечает:

— Скажите Кара-каану, что ещё с постели мы не встали.

Посыльные пошли к Кара-каану, доложили.

Немного погодя посыльные опять приходят, стучатся:

— Эй, молодые, что это Вы так долго собираетесь! Отец ждёт Вас не дождётся, скорее идите!

Теперь стол отвечает:

— Пусть отец подождёт немного, только что с постели встали. Умоемся, оденемся и придём!

Посыльные ушли, Кара-каану доложили.

— Ну ладно, пусть молодые милуются, целуются, подождём немного, придут! — говорит Кара-каан.

Ждёт не дождётся, опять посылает слуг. Посыльные опять пришли во дворец, постучали:

— Кара-каан шибко ждёт Вас, начинает сердиться. Пошто не идёте? Что так долго собираетесь? Идите скорее! — говорят.

— Только что оделись, придём сейчас!

Посыльные опять докладывают. Кара-каан немного подождал, рассмеялся, вновь слуг посылает и приказывает:

— Если сами по добру не придут, то притащите силой. Если двери не откроют, то взломайте двери!

Посыльные опять приходят, стучатся в дверь, а во дворце ни слуху, ни духу. Дверь поломав, заходят во дворец, видят: там, где муж и жена лежали, след остался, куда ушли — след простыл. Не найдя никого, посыльные прибегают к Кара-каану, докладывают. Каан разъярённый, топая ногами, закричал, заорал, подобно грому загремел, подобно молнии засверкал:

— Эх, вы, дураки! Почему раньше дверь не сломали, не зашли во дворец? Как вы раньше не догадались, что гам их давно уже нет, а за них отвечали вещи?

Слуги, кланяясь, отвечали:

— О, каан великий! Головы наши сними, к ногам положи, ноги отруби, к голове положи — мы не знали!

Кара-каан девять сыновей, девять силачей отправляет в погоню. В это время беглецы без оглядки бегут далеко. Далеко убежали, успокаиваться стали. Теперь думают: их не найдут и не погонятся за ними.

Бежали, бежали. Жена говорит мужу:

— О, дорогой мой, ложись, к земле приложи ухо, послушай, что услышишь, мне поведай.

Паренёк припал к земле, приложил ухо, прислушался и говорит:

— Где-то на далёкой земле я слышу топот сильных коней.

— Куда нам деваться теперь, скажи, мой друг! Вот настоящая беда когда наступила. Это девять сыновей Кара-каана гонятся за нами.

— Всезнающая, всеведающая, ты знаешь, как, куда нам деваться, — отвечает паренёк.

Молодая жена достаёт чёрную книгу, читает. В непроходимом болоте вдруг старая-престарая церковь возникла. Молодые вострепнулись, встряхнулись, в дряхлых старика и старушку превратились, вошли в эту церковь и стали Богу молиться. Немного-немало времени прошло, девять сыновей Кара-каана, девять силачей, на борзых конях прискакали. Увидев церковь, остановились, всё смотрят, удивляются.

— Эй, старик со старухой, не проходили ли здесь паренёк с красавицей-девушкой?

Старик со старухой в один голос отвечают:

— Ээе, добры молодцы! Мы в этой церкви уже сорок лет молимся, не отходя, и за это время ни только люди не проходили, но ни один зверь мимо церкви не пробежал и ни одна птица через церковь не пролетала.

Досюда пришедших следы есть, отсюда ушедших следов нет. Повернули богатыри коней, ускакали назад.

Приехав к Кара-каану, говорят:

— Мы очень далеко за ними гнались, но догнать не смогли. По пути ни только человек не попадал, даже поперёк дороги ни один зверь не пробежал, ни одна птица не пролетела. Только в глубине тайги, в болоте, одна старая церковь стоит, в этой церкви дряхлые старик со старухой богу молятся, а больше никого не видели, там и след их потеряли.

Кара-каан как закричит, как заорёт, подобно грому загремел, подобно молнии засверкал:

— Ах, вы дураки! Ах, вы подлецы! Почему эту церковь не сожгли? Почему старика со старухой не связали? Ведь это беглецы сами и были.

В это время молодые далеко, далеко убежали, большие горы перевалили, большие реки переплыли.

— Ну-ка, мой паренёк, припади ухом к земле, послушай, что услышишь, поведай мне опять.

Паренёк припал к земле, приложил ухо и говорит:

— Слышу где-то в далёкой земле топот копыт бегущего коня в три раза сильнее прежнего.

— Это злодей Кара-каан гонится за нами. Теперь приходит нам конец. Куда от Кара-каана денешься, его провести невозможно.

— Мудрая моя подруга! — вскрикнул в испуге парень, — Ты все знаешь, что нам теперь делать? Я ничего не понимаю и не знаю.

Девушка чёрную книгу достала из кармана, из другого — достала башмак матери. Книгу стала читать быстрее, а башмак бросила в землю. Вдруг перед ними без конца и края девятиугольное глубокое озеро предстало, парень и девушка встrepенулись, о землю ударились, в жёлтый песок превратились, дно озера наполняя, легли.

Немного-немало времени прошло, на резвом лихом вороном коне сам Кара-каан прискакал. Озеро увидев, коня остановил, разглядывать стал.

— Э-э, голубчики, мудрите! Преобразились в озеро, в песок превратились. Думаете, Кара-каан не знает столько, сколько знаете вы. Везде я найду вас. Вот если бы вы не убежали, тогда бы вместо меня каанами бы стали. Раз не хотите, до красной души вашей доберусь, красную кровь пролью.

Так говоря, с коня соскочил, встrepенулся, встряхнулся, в шуку с синими глазами превратился, на дно озера спустился, собирать и глотать жёлтый песок стал. Собирал, собирал, глотал, глотал, весь песок заглатывает. Молодые же, превратившись в две песчинки, по дну озера, туда-сюда, скрываясь, катаются. Деваться некуда — под тину ила залезли, зарывшись, незаметными лежат. Кара-каан, проглотив весь песок, под тиной лежавших двух песчинок не заметил, из-под дна озера вышел, сам собою стал.

— Теперь уж я вас, непокорных, уничтожил. Вас уж нет теперь в живых. На том свете знать будете, как с могучим Кара-кааном бороться, его не слушаться, мудрость, хитрость его обворовывать, — с такими словами на коня садится, обратно домой ускакал.

Наш парень с молодой женой из-под дна озера вышли, дальше побежали.

Много ли, мало ли, далеко ли, близко ли пробегут, много рек переплыли, много перевалов перевалили, к одной широкой реке прибежали, видят: с этого берега другой берег не видать, такая широкая река оказалась. Как перейти, переплыть не знают, на берегу встали. Немного подумав, материн башмак в реку бросили. Вдруг через эту широкую реку железный мост перекинулся. По железному мосту без труда перешли, материн башмак опять в землю бросили, моста не стало.

— Теперь, мой друг, мы спасены, навсегда избавились от злодея Кара-каана. Эту широкую реку ему переплыть не положено. Он теперь за нами не погонится. А если погонится, перейдёт через эту реку, то ему здесь и конец будет. Теперь мы с тобой вышли в настоящий солнечный свет, здесь ляжем, отдохнем, — сказала жена.

Под себя постелили зелёной травы, головы положив на кочки, уснули крепким сном, наслаждаясь природой кругом. Мало ли, много ли проспав, пробудились и слышат: на той стороне реки тонким голосом кто-то плачет, голосит:

— О, мои милые детки, чёрную книгу злодея Кара-каана и мой башмак умоляю, пожалуйста, бросьте мне. Кара-каан до косточек моих добирается, свет я вижу сквозь дырочки иглы, из собачьей чашки пищу принимаю. Если не отдадите, муж оборвёт мою душу, мою красную кровь прольёт, моё тело изрежет.

Услышав это, дочь не менее матери слезы пролила.

— О, несчастная, милая мама! Если ты нам дашь с головы чёрный шёлковый платок, то мы твой башмак и чёрную книгу вернём Кара-каану. Злодей не знает колдовской силы твоего платка, не бойся, дорогая, тебе за это ничего не будет..

Услышав это, мать отвернулась от них, заплакала, повернувшись к ним, улыбнулась:

— О, мои детки, разве платок мой дороже и милее вас, берите же.

Так говоря, с головы сняв платок, через реку перекинула. Дочь перекинула ей книгу и башмак.

— О, мои милые детки, вы теперь на солнечный свет вышли, а я остаюсь навеки в тёмном царстве Кара-каана, там и помру. Пусть ваши низкие гробы высокими станут, пусть короткие века длинными станут, пусть солнце с неба прямые лучи вам посылает, больше мне на этом свете не встретиться с вами, не увидеть образы ваши. Снова, снова прощайте, снова до свидания!

Отвернулась, повернула домой. Дочь в ответ крикнула:

— О, мама, мама дорогая, мы теперь в солнечном свете, а ты пока живи в тёмном царстве Кара-каана. Но скоро, скоро твоей муке будет конец, ты вернёшься, как и мы, в солнечный свет и к моему отцу вернешься. Твоя дочь не забудет тебя и отомстит злодею Кара-каану.

Так попрощавшись, остались, а мать вернулась в землю Кара-каана. Молодые за руки схватились, дальше побежали. Мало ли, много ли бежали, долго ли, коротко ли, близко ли далеко ли, до родной земли дошли. Все смеялись кругом, все улыбкой встречали их. В родную хату вошли, ещё пуще состарившихся родителей увидели. Они друг против друга сидят, друг друга ругают:

— Это ты малого сына на охоту посылал, из-за тебя он погиб, — говорит один.

— Нет, не я, а ты его на охоту посылала, из-за тебя он погиб, — отвечает другой.

Молодые вошли, приятно поздоровались. Родители узнать их не могут, спрашивают:

— Откуда и чьи, детки, вы будете? Куда путь держите?

— Я буду ваш сын, а это ваша сноха, — ответил паренёк.

— О, молодые люди, не имеющие детей, зачем нас просмеиваете? Был у нас сын, его мы потеряли давно.

Тогда паренёк от начала до конца всё рассказал, обрадованные родители сына и сноху заключили в объятия.

У стариков не оказалось пищи, чтобы кушать, кружки, чтобы почерпнуть и выпить воды. Сноха потрясла черно-шёлковый платок, в хате возник золотой стол, всякие разные невиданные яства на нём появились. Увидевши это, у стариков глаза разбежались, чуть пополам не раскололись. Они сели за стол, самые лучшие кушанья кушают, самую крепкую араку выпивают. Опустевшие желудки наполнили, оголодавшие насытились, весёлый оживлённый разговор повели.

Потом невестка черно-шелковый платок в руки берёт, на улицу вышла. Потрясла, платок превратился в чёрного ворона, который взлетел, в воздух поднялся:

— Кру, кру, кру! Кого клевать? Кого глотать прикажешь, добрая моя хозяйка? — закаркал по-птичьи, заговорил по-человечески, летая в воздухе.

— Лети, лети, мой ворон, в тридевять земель в Кара-кааново стойбище, злые глаза Кара-каана выключи, слепым сделай. Мою мать посади на себя, к отцу доставь, а потом сюда возвращайся.

— Кру, кру, кру, моя добрая хозяйка! Всё исполню. Чёрный ворон полетел за тридевять земель, в Кара-кааново стойбище долетел, Кара-каана спящим застал, злые глаза выклевал, слепым сделал. Кара-каан со злости соскочил, закричал, заревел, беспомощным остался, его каанству настал конец, его народы свободно зажили. Ворон посадил на себя мать невестки, полетел, мужу её доставил. Те схватились в объятьях, счастливо зажили. Исполнив приказание хозяйки, ворон возвратился домой, в платок превратился. Старики и молодые счастливо зажили, той на весь мир устроили, природой наслаждаясь, жить-поживать остались...

АЛЫГ АНЧИ

В стойбище жили три брата. Два старших были женаты. Младший Алыг Анчи был глупым, лежал у очага да в золе купался.

Однажды два старших брата собрались на охоту. Глупый стал их просить:

— Возьмите меня с собой!

— Зачем брать тебя, порожнего. Ты ведь ничего не добудешь! — прикрикнул старший.

Глупый вернулся на свое место, лёг у очага. Когда старшие братья ушли на охоту, младший стал умолять своих снох:

— Приготовьте мне запасы еды.

Старшая сказала:

— Не хочу с тобой попусту время терять.

Младшая мало-помалу приготовила запасы еды для Алыг Анчи. Из грубого холста сшила ему шабур, из кожи — сапоги, а на грудь приколола медную брошку.

Алыг Анчи отправился на охоту. Добрался до Чёрной горы, у её подножия сделал шалаш, вечером поставил абыртку. Утром проснулся, выпил абыртки и пошёл на гору. Походил там весь день, ничего не добыл. «Видно, на Чёрной горе нет ни зверя, ни птицы. А у меня, у глупого, нет счастья», — подумал он.

В шалаше парень вынул абыртку, подложил дров в костер и лёг спать. В полночь он проснулся от боли в животе, захотел выйти из шалаша, но дверь не открывалась. Кое-как он всё-таки приоткрыл и увидел: какое-то странное существо с густой шерстью. Алыг Анчи захлопнул дверь, испугался, стал в темноте искать топор и кричать:

— Где мой топор? Сейчас буду рубить тебя!

— Не кричи! — проговорило существо. — И не бойся меня. Если не будешь бояться, я зайду к тебе в шалаш.

Алыг Анчи некуда было деваться. Он ответил:

— Ладно, не буду бояться, заходи!

Охотник развёл огонь. Когда в его шалаше стало светло, к нему забрался высокий волосатый мужчина. Он вежливо поздоровался, сел перед парнем и сказал:

— Сделай для меня доброе дело.

— Какое? — спросил охотник.

— У тебя есть медная брошка, дай мне её.

— Зачем она тебе?

— Я расскажу. Мой отец Кара Писке, хозяин этой чёрной горной тайги, в гостях проспори́л. В заклад он поставил меня. Теперь я, его сын Кара Кестик, должен вступить в поединок с двумя сыновьями хозяина Змеиной горы, с большим — Члан Кааном и с малым — Члан Тайчи. Если в борьбе погибну я, то всех зверей и птиц нашей тайги угонят в Змеиную гору. Если победу одержу я, то погибнут они, и всех зверей и птиц Змеиной горы я пригоню на нашу Чёрную гору. Наш поединок состоится отсюда недалеко. На нашей горе есть поляна. Там растёт отдельно от других деревьев одинокая гигантская сосна в девять богатырских обхватов. Под ней и произойдёт схватка.

Кара Кестик попросил Алыг Анчи зарядить своё ружьё медной брошкой в его присутствии. К стволу она точь-в-точь подошла. Сын хозяина Чёрной тайги сказал:

— Завтра отправляйся на поляну, забирайся на одинокую сосну и жди. На тонкую вершину дерева не поднимайся, сломается — упадёшь. В полдень состоится поединок. Ты держись за ствол, не пугайся. Смотри только не упади. Если они будут побеждать, одного я под себя положу, другой будет на мне, в него и стреляй. Целься ему в шею, со страху в меня не попади. Я буду в другом облике, они тоже. Одного я одолею, но их двое...

Так крепко поговорив, Кара Кестик ушёл.

Охотнику нечего было делать, он подумал и решил: «Какая разница — сегодня помирать или завтра. Пойду на поляну».

Утром он вышел из шалаша, встал на лыжи, закинул за плечи ружьё и покатился на Чёрную гору. Там нашёл поляну с одинокой гигантской сосной. До самого неба росла эта сосна. Девять богатырей не смогли бы её обхватить. Охотник подошёл к сосне, снял с ног лыжи, воткнул их в снег, сам взобрался до середины на сосну, уселся поудобнее.

В полдень с одной стороны показались сыновья хозяина Змеиной горы. Подул ветер с такой силой, что вершина сосны ударилась о землю. С другой стороны показался сын хозяина Чёрной горы. Подул ветер с его стороны с такой же силой. Вершина нагнулась в другую сторону. Алыг Анчи едва удержался на дереве.

Сыновья хозяина Змеиной горы — змеи — такой длины, что их хвосты на поляне тремя ручьями виднелись. Его друг, сын хозяина Чёрной горы, Кара Кестик, чёрной скалой двигался, перед собой гнал лавину снега, красную землю выворачивая. Увидев его, Алыг Анчи впал в беспамятство. Когда он очнулся, то увидел, как Кара Кестик подмял под себя одного из двух братьев, другой взобрался на него и впился зубами в шею. Кара Кестик вскрикнул:

— Чего ты там спишь! О чем я говорил тебе?!

Услышав это, большой змей заорал:

— Стреляй в сына хозяина Чёрной горы. Мой отец, хозяин Змеиной горы, подарит тебе всех своих зверей и птиц. Не стреляй в меня!

Кара Кестик кричит:

— Что я говорил тебе?!

Алыг Анчи прицелился в шею большого змея и проговорил:

— Рука моя, которая ещё не держала напёрстка, не удержи, рука моя, которая не держала еще иголки для шитья, не удержи, нажми на курок, чтобы медная брошка вылетела из ствола и пронзила шею змею.

Алыг Анчи спустил курок, раздался выстрел. Хвост меньшего змея ударил о ствол одинокой сосны, где сидел глупый парень. От сотрясения

ствол дерева переломился, Алыг Анчи свалился на землю и впал в беспамятство...

Много ли, мало ли он лежал в снегу, очнулся и почувствовал, что кто-то откапывает его. Потом он увидел свет и Кара Кестика, который склонился над ним:

— Теперь садись на меня, я отнесу тебя к шалашу.

Алыг Анчи поднялся, отряхнул одежду от снега и взобрался на спину своего приятеля.

— Закрой глаза! — приказал тот.

Охотник зажмурился. Когда он открыл глаза, то увидел свой шалаш. В шалаше Кара Кестик попросил:

— Дай мне абыртки. Я очень люблю твой охотничий напиток.

Алыг Анчи вскипятил чай, а Кара Кестик выпил абыртки и сказал:

— Завтра не пойдёшь на промысел. Я буду охотиться. Ты готовь абыртку.

Легли спать. Атыг Анчи устроился на одной стороне шалаша, Кара Кестик — на другой.

Утром гость выпил абыртку и наказал:

— Сначала сошьёшь пятиведерный туес, потом за три дня сделаешь нарточки. К полозьям поставь три ножки на расстоянии сажени между ними. Вечером я вернусь.

Сказав так, ушёл в горы.

Оставшись, Алыг Анчи в лесу надрал бересты, сшил пятиведерный туес, приготовил в нём напиток из солода, ячменя и талгана — муки из жареного ячменя. Оставив полный туес у шалаша, снова пошёл в лес. Там срубил две длинные жерди, оттесал, согнул их, сушить поставил. Ещё в лес пошёл, заготовил дрова.

Вечером подул сильный ветер. Вершины деревьев друг о друга ударялись. «Буран начинается!» — подумал охотник.

Дверь шалаша распахнулась и ввалился Кара Кестик, приветливо улыбаясь.

Кара Кестик вернулся с промысла с пустыми руками.

— Мой друг сшил туес, — порадовался он.

Охотник подал ему старый туес с абырткой. Гость махом выпил всё. Увидев полозья для нарточки, сказал:

— Хороши полозья нарточки, удачно переднюю часть согнул, — посоветовал, — между полозьями сделай ещё поперечины длиной двух развёрнутых рук, чтобы нарточки были широкими.

Алыг Анчи поставил абыртку в новый пятиведерный туес, чтобы к утру напиток был готов.

Утром Кара Кестик выпил всю абыртку из пятиведёрного туеса, поел талкан и попрощался:

— Сегодня я поднимусь в горы, завтра выйду на промысел. Ты делай нарточки.

Целый день охотник отгёсывал и сбивал нарточки. Сделал их шириной в целую сажень, поставил у дверей шалаша, заготовил дрова. Наступили сумерки.

Скоро подул сильный ветер, деревья зашумели. «Наверное, буран поднимается!» — решил Алыг Анчи.

Он развёл костёр, стал думать: «Что завтра Кара Кестик заставит меня делать?» В это время кто-то за шалашом ударил лыжей об лыжу, чтобы сбить снег. Дверь распахнулась, вошёл Кара Кестик, улыбаясь и говоря:

— Друг мой, ты сделал прекрасные нарточки.

Кара Кестик сел у костра. Алыг Анчи посмотрел на него и опустил глаза: его приятель вернулся с промысла с пустыми руками.

— Дай мне твоей абыртки? — попросил он.

Алыг Анчи поставил перед ним талкан и пятиведерный туес с ковшиком:

— Ешь, пей, сколько хочешь!

Запасов еды у охотника осталось мало, талкана — только на завтра, мясо кончилось, хлеба — совсем немного.

Утром Кара Кестик допил абыртку, съел весь талкан. У Алып Анчи остался только один калач хлеба.

— К нарточкам прикрути две хорошие оглобли, — сказал Кара Кестик, встал на лыжи и ушёл на охоту.

Охотник съел половину калача. Пошёл в лес, срубил две берёзки, сделал оглобли, прикрутил к нарточкам. Когда заготовил дрова, наступили сумерки. Он вскипятил чай, съел остатки хлеба. Вечером подул сильный ветер, деревья зашумели. «Если ненастье наступит, здесь мне придётся помирать!» — решил он.

В это время кто-то за шалашом лыжей об лыжу ударил, чтобы снег сбить. Дверь распахнулась, вошёл Кара Кестик, улыбаясь.

— Друг мой, ты прекрасные сделал оглобли, — сказал он.

Алып Анчи посмотрел на него: гость снова вернулся с пустыми руками.

— Дай мне абыртки? — попросил, присев у огня.

Он выпил всё, что осталось. Есть было нечего. Алыг Анчи подумал, что ему теперь всё равно помирать, отвернулся и уснул. Проснулся от холода, не поймёт — то ли ночь ещё, то ли утро уже. Развёл костёр, согрелся, видит: Кара Кестика нет. Охотник выглянул из шалаша, нарточек тоже нет там, где поставил. Грустно ему стало, вернулся в шалаш, закурил. Наступило утро.

«Кара Кестика нарточки только и нужны были. Обманул он меня, три дня заставил их делать», — решил охотник. В это время зашумели

Утром он вышел из шалаша, встал на лыжи, закинул за плечи ружьё и покатился на Чёрную гору. Там нашёл поляну с одинокой гигантской сосной. До самого неба росла эта сосна...

(Сказка «Алыг Анчи»
Рис. Л. Тупиковой.)

деревья, подул сильный ветер и такой сильный, что некоторые сосны повалил. Потом голос позвал охотника:

— Друг мой, выходи сюда.

Алыг Анчи вышел из шалаша и увидел свои нарточки, не пустые нарточки, на них лежали шкурки чёрных соболей. Обошёл охотник нарточки кругом. Шкурки хорошо просушены, стянуты бастрыком, уложены хвостами наружу.

— Я истребил всех соболей Змеиной горы, — сказал

Кара Кестик. — Только пару перенёс на Чёрную гору для размножения. Я промышлял соболя, а мой отец готовил шкурки. Теперь этого добра тебе хватит на всю жизнь.

— Ничего мне не надо! — ответил Алыг Анчи. — Как я вернусь домой? Нет у меня запасов еды. Не смогу я нарточку тащить, не хватит моих сил.

Кара Кестик в ответ сказал:

— В этом облике ты видишь меня в последний раз: я сделаюсь невидимым и отвезу тебя домой. Теперь забирайся на нарточки, ложись лицом вниз, держись крепче.

Охотник взобрался на нарточки, ухватился за оглобли и зажмурил глаза. Невидимый Кара Кестик потащил нарточки и так быстро, что охотник впал в беспамятство. Когда он очнулся, то обнаружил, что на одной ноге у него нет сапога. Алыг Анчи закричал:

— С моей ноги свалился сапог, нога замерзает! Нарточка остановилась.

— Грешный ты человек! — сказал невидимый Кара Кестик.

Через некоторое время на нарточку упал сапог. Алыг Анчи обулся. Поехали дальше. Впереди ветер поднимался, буран буранил. Охотник впал в беспамятство. Когда очнулся, то почувствовал, что мёрзнут у него уши.

— Остановись, друг мой! Шапка слетела, уши мёрзнут! — закричал он.

Нарточка остановилась.

— Пусть лучше у меня мёрзнут уши, чем у тебя, — сказал невидимый Кара Кестик и отдал свою шапку, сшитую из чёрного соболя, очень тёплую.

Нарточка снялась с места, полетела-покатила, что аж ветер засвистел, буран забуранил.

Охотник почувствовал, что мерзнут у него пальцы. Слетели с его рук рукавицы, сшитые шерстью наружу. Алыг Анчи опять закричал.

Нарточка остановилась. Кара Кестик сказал:

— Пусть лучше у меня мёрзнут руки, чем у тебя.

Отдал ему свои рукавицы, сшитые из чёрного соболя:

— Теперь наш путь лежит по трём стойбищам людей. Я пойду медленнее, а ты кричи, чтобы все люди слышали:

— Из чёрной черёмухи сделанные, нарточки мои, бегите быстрее.

Въехали в селение. Народ смотрит, а охотник покрикивает:

— Нарточки мои, из чёрной черёмухи сделанные, бегите быстрее!

Жители всех трёх стойбищ дивились умельцу да хвалили охотника, какой он умный. Нарточки-самокаты сделал!

Наконец прибыли они к дому охотника. Кара Кестик сказал:

— Возьмись за оглобли, чтобы видели, будто бы ты сам притащил нарточки.

Младшая невестка и средний брат увидели Алыг Анчи, кинулись его обнимать.

— Вот это мужчина! Вот это охотник! Если быть мужчиной, то надо быть таким, как он, — говорили они.

Средний брат перенёс шкурки соболей в амбар. Там их развесил, почистил. Его жена накрыла стол, расставила на нём вкусной еды. Глупый парень сел и рядом с собой положил лишнюю ложку.

Приехали покупатели соболиных шкурок. Один купец увёз целый воз пушнины, заплатив девять мешков денег.

Алыг Анчи сказал:

— Наварим девять ташауров абыртки, будем пировать.

Жена среднего брата догадалась, что у охотника есть невидимый друг и варила много еды. Кара Кестик видел это и радовался. Стали пировать, Алыг Анчи наливал абыртку, ставил рядом, и она тут же исчезала. Алыг Анчи только успевал подливать.

О небывало удачной охоте Алыг Анчи узнали его родственники. Собрались все, пировали три дня.

Через три дня Кара Кестик сказал охотнику:

— Друг мой, теперь отправляюсь домой. Но что делать мне? Как быть с гневом моим? Гневаюсь я! Как быть со злом? Злюсь я!

Алыг Анчи ответил:

— Друг мой, гнев свой оставь в чёрном лесу, зло — у ледяной скалы. Сделай это по пути к своему дому.

— Проводи меня, — попросил сын хозяина Чёрной горы.

Когда они вышли из дома, Кара Кестик сказал:

— Умён ты, Алыг Анчи! Я думал, что ты скажешь: «Делай то, что хочешь с моим старшим и средним братом и их жёнами». Я взял бы их с собой. Теперь смотри, как велик мой гнев!

Охотник увидел, как чёрный лес, недалеко от стойбища, повалился. Деревья, падая, выкорчевывались с корнями. Потом тихо стало, Кара Кестик ушёл...

Вернулся Алыг Анчи в дом. Его подхватили под руки, положили на пуховую перину. Так и живут в дружбе.

УШ-КАРАК

Жили три брата. Младшего звали Пир-Карак, среднего — Ийги-Карак, старшего — Уш-Карак. Братья жили друг от друга на расстоянии одной версты. Когда они делили скот отца после его смерти, старшему брату ничего не дали, даже собаку. Пир-Карак и Ийги-Карак стали жить богато, ходили на охоту. А у Уш-Карака не было еды, есть нечего было. Его жена ходила по чужим домам, собирала милостыню. Так она кормила себя и мужа.

Однажды два брата сделали волокушу, стали собираться на охоту. Узнав об этих приготовлениях, жена старшего брата пошла просить муку у двух младших братьев, хотя бы одну чашку, чтобы приготовить запасы продуктов для мужа. Братья не дали муки, сказали, что их старший брат все равно ничего не добудет. Жена Уш-Карака вернулась домой ни с чем.

Как только братья ушли на промысел, жена старшего брата пошла к жене младшего брата, чтобы попросить немного мяса, муки. Она пришла, дверь открыв, поздоровалась, порог переступив, поприветствовала. Как раз она попала на обед. На столе было много вкусной еды, много хорошего вина. Жена Пир-Карака посадила за стол жену старшего брата, угостила ее. Жена Уш-Карака давно не ела жирной вкусной еды, от этого ее губы потрескались, кровоточили. Теперь от вкусной и жирной еды ее горло, губы, живот смягчились. Сама она расслабилась, от выпитого вина повеселела и сказала:

— Когда ты была молодой, я учила тебя работать по дому, ухаживать за скотом. Ты жила и делала все так, как я учила, ведь я была для тебя, как свекровь.

Жена Пир-Карака ответила:

— О-о, мы живем хорошо. Я слушалась твоих слов, делала так, как ты учила, от этого моя семья стала жить хорошо, безбедно.

Потом она спросила:

— Ты, наша старшая свояченица, которая была для меня вместо свекрови, по какому делу пришла ко мне?

— Муж мой, который был тебе вместо свекра, послал попросить немного муки. Из нее я сделаю талкан, приготовлю запасы продуктов для его охоты.

— У нас есть мука, — ответила жена младшего брата. — Как можно сказать, что ее нет, не боясь бога. За ложь бог покарает.

Потом она повела бедную женщину в амбар, поднялась с ней на верхний этаж, открыла замок, при этом раздался такой звук, будто эхо ударило об скалы горы на другом берегу. Вошли.

— Сколько муки! Сколько еды! — восхищалась старшая свояченица.

Младшая свояченица насыпала ей полный мешок муки.

— О-о! Пусть бог даст тебе еще больше и лучше муки и еды, чем у вас есть! — поблагодарила старшая свояченица. Потом выставила мешок с мукой за дверь амбара, а сама пошла к средней свояченице.

Дверь открыв, она поздоровалась. Порог переступив, поприветствовала. Как раз она угодила на обед, вся семья собиралась сесть за стол. За стол посадили и ее, накормили, потом средняя свояченица спросила:

— Какие дела привели к нам тебя, которую мы почитали за свекровь? — и добавила. — Ты учила нас тому, как надо жить. Благодаря тебе мы стали жить богато.

— Уш-Караку, которого вы признаете за свекра, не с чем на промысел идти. Запасов еды у него нет. Я пришла к тебе в надежде, что ты дашь мне ячменного зерна. Вот что я пришла просить у тебя, — ответила жена Уш-Карака.

— Есть у нас ячменное зерно, — сказала средняя свояченица.

Она провела родственницу в амбар и насыпала ей ячменного зерна. Жена Уш-Карака взяла мешок, вынесла, потом пошла, принесла первый мешок, связала мешки, один закинула за плечо, второй повесила перед грудью, заткнула за пояс длинный подол платья и пошла домой. Дома встретил ее Уш-Карак. Увидев жену с таким грузом, обрадовался.

Его жена тут же взялась за приготовление талкана: развела костер, поставила на огонь котел, стала жарить ячменное зерно. Она поджарила ячменное зерно, в ступе потолкла его, потом смолола на ручной мельнице, получился славный талкан. Из муки напекла хлеба. Три дня и три ночи, не зная покоя, она готовила запасы еды мужу.

Уш-Карак три дня чистил ружье. Стенки отверстия ствола так заржавели, что едва просматривалось солнце через ствол. Много лет Уш-Карак не ходил на промысел. Теперь чуть-чуть привел он свое ружье в порядок. «Когда настреляю белок, смажу беличьей кровью ружье», — решил Уш-Карак. После этого все свои вещи положил в волокушу. Так же аккуратно туда сложил запасы еды, приготовленные женой, вышел на след Ийги-Карака и Пир-Карака, пошел по их следу, таща за собой волокушу. Он пошел по глубокому снегу, шел долго.

После долгого пути он поднялся на хребет высокой горы, где свищет ветер, спустился на гладкую седловину. Здесь он увидел Ийги-Карака и Пир-Карака. Они находились под деревом, отчистили снег, постелили на землю пихтовые лапы, заканчивали все эти приготовления в шалаше, сделанном ими.

— О-о! — воскликнул Уш-Карак. — Все мы вышли из одного гнезда, из одной семьи, мы — три единоутробных брата. Я нарублю и

принесу дрова, схожу за водой. Пустите меня переночевать с вами в вашем шалаше.

Ийги-Карак и Пир-Карак не пустили брата в шалаш, прогнали его.

Уш-Карак прошел по глубокому снегу, выбрал место для ночлега, нарубил сухостоя, из него сделал лежанку, наломал пихтовых лапок, постелил на лежанку. Потом нарубил дрова, развел костер, сварил еду, поел, устроился у костра. Человек, не имеющий хорошей одежды и обуви, ночью мерзнет. Ему пришлось всю ночь спать, сидя у костра, накинув на себя старую ветхую шубенку. Так коротать долгую зимнюю ночь нелегко. Дров было много, они горели всю ночь. От жара костра снег растаял почти до земли. Уш-Карак проснулся утром. Так он переночевал под открытым небом.

Потом он начал искать место для того, чтобы построить себе шалаш, искал целую неделю. Наконец он нашел ветвистую пихту, отчистил от снега под ней то место, где решил построить шалаш, наломал пихтовых веток. Он ломал их целый день, аккуратно сложил их толщиной в половину метра. У него получилась толстая и мягкая постель. Он сделал шалаш с двумя дверьми, отвел отдельное место для складывания дров, отдельное место — для хранения продуктов.

После всей этой работы он заготовил много дров, потом зарядил ружье, подумав, вдруг попадетя ему соболь или белка, а может быть, рябчика придется стрелять. Заряжал ружье он так: одну мерку насыпал порошу, потом насыпал дробы, хорошо утрамбовал пыжом порох и дробь шомполом из стали. С заряженным ружьем пошел на промысел.

По горной тайге он ходил очень долго, но никого не встретил, даже птичек не увидел, а кедровки как вылетят, так летят на другую гору. Не увидев ни одного следа, Уш-Карак, пройдя весь день, вернулся в свой шалаш пустым.

В шалаше он развел в чаше талкан водой, потом вскипятил чай, поужинал. Он сел у костра, вместо комуза взял щепу, стал кайларить.

Во второй день, пройдя весь день по горной тайге, он вернулся в свой шалаш так же, как вчера, пустым. В чаше водой развел талкан, сварил в воде ячменный суп, взял щепу, стал кайларить, потом лег спать. Утром к нему зашел один человек. Зайдя, спросил:

— Что ты здесь делаешь?

— Хожу на охоту, — ответил Уш-Карак.

— Удачно? — спросил незнакомец.

— Нет, ничего не добыл, — ответил Уш-Карак.

— Если ты ничего не добываешь, то дай талкан.

Уш-Карак просеял талкан ситом, размешал его в воде, подал просителю. Незнакомец поел и сказал: «За талкан я благодарю тебя». Повернулся и ушел.

Она провела родственницу в амбар и насыпала ей ячменного зерна. Жена Уш-Карака взяла мешок, вынесла, потом пошла, принесла первый мешок, связала мешки, один закинула за плечо, второй повесила перед грудью, заткнула за пояс длинный подол платья и пошла домой...

(Сказка «Уш-Карак».
Рис. Л. Тупиковой.)

На следующий день он пришел вновь, опять попросил поест талкан. Уш-Карак покормил его и во второй раз. Незнакомец ушел без лыж, бредя по глубокому снегу. Перед уходом он сказал: «Расставь сети на соболей, я пригоню соболей, загоню их в твои сети, тем я отблагодарю тебя за талкан.»

Уш-Карак вышел вслед за незнакомцем, поднялся на гору. Когда там растянул сети по всем правилам, вернулся в шалаш.

О-о! Наступил полдень. В это время Уш-Карак услышал, будто бы бегут соболя. Вышел, прошел немного и действительно увидел бегущих соболей. Их гнал незнакомец, ушедший утром. Он держал в руке медную палку, ею гнал пушных зверьков. Этот человек гнал соболей так, как пастух гонит скот на скотный двор. Он загнал соболей в сети, соболя запутались в сетях. Уш-Караку надо убить их, но он не может этого сделать, потому что никогда не убивал живых животных.

— Ты, Уш-Карак, не можешь убить, загнанных в сети животных, вот поэтому тебя не берут Ийги-Карак и Пир-Карак на промысел, поэтому прогнали из своего шалаша, — говорит незнакомец.

— О-о! Славный человек, переночуем эту ночь, завтра попробую убить хотя бы одно животное, — сказал Уш-Карак.

Так он и не убил ни одного соболя.

— Стой здесь! — сказал незнакомец. — Я сам поймаю этих соболей, не потеряв ни одного зверька.

Он убил всех соболей, собрал, сложил в собранную сеть, связал и положил на плечи Уш-Карака. Уш-Карак не устоял. Подогнулись его колени, он присел. У него оказалось мало силы.

— О-о! Лучи солнца освещают тебя, а лучшие умерли. Плохим смерть не приходит. Если умрешь, умри! - сказав так, незнакомец в гневе схватил Уш-Карака и швырнул его под дерево. Уш-Карак залетел под снег глубоко. Он барахтался долго, едва выбрался из-под снега наружу.

Когда он выбрался, солнце сияло уже над горами, был уже вечер. Уш-Карак пришел в свой шалаш. В шалаше сидит незнакомец. Он успел содрать шкурки с соболей, развешивал их сушить. Остался один соболя. Незнакомец дал его Уш-Караку, сказав: «Сдери шкурку с него». Уш-Карак взял нож и стал резать с шеи. Незнакомец остановил его.

— Не так, — сказал он, — Надо начинать с ног.

Потом он показал, как надо снимать шкурки соболей. Учил, но без успеха,

Уш-Карак не научился.

— Че! — сказал незнакомец, — Что поделаешь.

Сам снял шкурку с соболя. Потом сказал:

— Срежь прутик из черемухи, сделай пялы, натяни на них шкурку, подвесь сушить. Если не натянешь на пялы, то шкурка испортится.

Уш-Карак срезал прутик из черемухи, натянул на него шкурку соболя. Получилось плохо. Незнакомец сделал сам пялы, натянул правильно на них шкурку соболя. Сели есть. Незнакомец развел талкан в абыртке. Он ел и пил, все съел и выпил. Уш-Караку ничего не осталось из еды.

— Че! — сказал незнакомец, — пойдешь по моему следу, по этой дороге. Я расплачусь за съеденный талкан, выпитую абыртку.

Это был Таг-ээзи. Он взял тушки соболей, бросил их под пихту, туда же бросил и ружье. Взял шкурки, потряс ими. мех, переливаясь, заискрился на солнце. Уш-Карак разбогател. Незнакомец ушел.

Уш-Карак пошел по его следу. Он шел, шел, дошел до одной небольшой скалы, перевалив через гору. Здесь он вдруг увидел дверь. Стал открывать ее, но дверь не открывается. Он дернул за ручку — не открывается, но вдруг неожиданно дверь открылась, открылась вовнутрь горы. К нему подбежала старушка, подхватила его под левую руку. Подбежал старик, подхватил его под правую руку. Завели Уш-Карака и посадили за стол.

— Наш сын очень доволен твоим угощением. Он много ел талкана, пил абыртку, за это мы подарили тебе наших соболей. Теперь садись за стол, ешь, мы будем угощать тебя.

Уш-Карак сел за стол и стал есть. Он ел много, пил тоже много, потом лег спать. Уш-Карак подумал, что он переночевал одну ночь, оказывается, прожил целый месяц, забыл, что ему надо возвращаться домой. А как вернуться домой?

— Ты не имеешь своего дома? — спросили его.

— Имею, — ответил он. — Но как мне вернуться. Я забыл о том, что мне надо домой возвращаться.

Таг-ээзи еще раз накормил его вкусной едой. Но беда! Уш-Карак объелся, страдает от расстройства желудка, провонялся. Старая его шубенка пропахла, подойти нельзя.

— Дайте мне новую шубу, моя завонялась, прокоптимась дымом.

— Вынеси свою старую шубу за дверь, оставь там, — сказал старик и со старухой он зашел в свои комнаты. Вынесли оттуда новые прекрасные штаны, прекрасные сапоги, рубашку, шубу, одели его с ног до головы.

— Че, Уш-Карак, я выйду из-под горы, превращусь в белого коня, ты сядешь на меня, я доведу тебя до твоего аала, — сказал Таг-ээзи.

Уш-Карак вышел на улицу. Когда Уш-Карак прошелся, его новые сапоги закрипели так, будто утки закричали. Уш-Карак сел верхом на прекрасного белого коня.

— Ты, — сказала старуха, — не бей коня ногой. Конь пойдет по своему желанию. Ты одной рукой держись крепче за луку седла, а другой крепко держись за гриву коня. Белый конь находится в возрасте коня, повезет тебя, как истинный конь, доведет тебя до твоего чурта.

Уш-Карак вышел, сел на белого коня, встал на китайские стремяна, погнал коня, но чуть не слетел. До сего времени он ни разу не садился на верхового коня. Сидит на коне, качается, едва держится, чуть не падает.

— Ступни своих ног плотно подгони в стремяна, встань на обе ноги, за повод узды не дергай, конь пойдет сам, — сказала старуха.

Уш-Карак подогнал ноги в стремяна, прочно стал на стремяна, конь ровной рысью поскакал. Конь нес седока быстро и долго. Он привез Уш-Карака в родное его село. Уш-Карак слез с коня, снял мешок с соболиными шкурками. Конь ускакал назад. Уш-Карак вернулся с охоты с богатой добычей. Он продал одну очень красивую шкурку соболя, накупил муки, много других продуктов — все это принес домой, устроил той. Он угостил свою старуху, досыта попировал сам, богатея, жить остался.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Это было раньше нашего поколения, позже прежнего поколения.

На том месте, где поднималась гора, там, где текло белое море, расколов гору, на берегу белого текущего моря жил богатый человек. У него было три сына. Один из них, глупый парень по имени Алыг Оол до сорока лет лежал у очага, купаясь в золе. Его лицо и тело обгорело, стало коричневым, как кора берёзы.

Отец копал землю со своими умными сыновьями. Однажды он сказал одному из них:

— Поднимись на пашню, покарауль посев, как бы птицы не поклевали нашу пшеницу.

Сын взял ружье, пошёл на пашню. Приходит туда и видит, там на краю пашни растёт густая пшеница, весь посев растёт богато. Стоит пышная берёза, когда-то посаженная, подкармливаемая, чтобы красивой стала. Он посмотрел на дерево и увидел, что кто-то поклевал листья верхушки берёзы, поел. Караульщик подумал: «Может, это рябчик поклевал, а может другая какая птица? Подкараулю её!»

На краю пашни росла и густая трава выше человеческого роста. Наш караульщик спрятался в ней, сидит. Пришло время обеда, солнце пригрело, разморило. Его потянуло ко сну.

Он тёр глаза, чтоб не заснуть, тёр, тёр и всё равно заснул. Проснулся, когда солнце уже светило над горами. Караульщик увидел, что какая-то птица поклевала листья берёзы ещё больше и улетела.

Ни с чем он вернулся домой. Дверь открыв, поздоровался, порог переступив, поприветствовал отца и братьев. Затем сказал:

— Листья нашей пышной берёзы поклёваны. Какая-то птица паслась на ней. Я не видел её, потому что заснул, когда припекло солнце. Проснулся, когда солнце уже стояло невысоко над горами.

— Не надо было спать. Надо было подстрелить эту птицу, коль ты был с ружьём, — недовольно проговорил отец.

— Я старался, даже слюнями тёр глаза, не помогло, — оправдывается сын.

— Я не засну! — вмешался второй сын.

Он взял то же ружьё, поднялся на пашню, сел на краю посева, стал караулить. Подошло время обеда, парня со страшной силой потянуло ко сну. Он тёр слюнями свои глаза, но сон не мог одолеть. Проснулся, видит: листья берёзы поклёваны, а никого нет.

Пришёл второй сын домой, сказал отцу, что он проспал, прокараулил птицу.

Теперь глупый парень, которого кормили с собачьей чашки и то кое-как, униженный, постоянно голодный, лежавший у очага, запыленный в золе, встал, отряхнулся. При этом такую пыль поднял, словно густой туман упал.

— Я поднимусь к посеvu, покараулю, — сказал он.

Отец заворчал на него:

— Куда тебе! Спи на том месте, где лежишь.

— Я не буду спать, пойду, — сказал Алыг Оол.

Он взял ружье, пошёл на пашню, сел на краю посева. Сидел, сидел, спать захотел, поплевал в ладонь, потёр глаза, сон прошёл. В обеденную пору вдруг видит золотую птицу, которая садится на берёзу, начинает как рябчик, клевать листья. Птица клюёт, а глупый парень думает: «Если выстрелю, то окровавлю золотые перья. Лучше брошу ружьё, поймаю птицу руками».

Он положил своё ружьё на землю и стал ждать, когда птица спустится пониже. Ждал, ждал. Птица клевала, клевала, опускаясь ниже и ниже. Алыг Оол подпрыгнул и поймал её за хвост. Птица замахала крыльями, вырвалась и улетела, а хвост остался у него в руках.

Алыг Оол принёс перо домой и положил на стол. Отец продал его купцу за несколько сот рублей.

После этого в семье стали кормить глупого парня жирной едой. От того, что он постоянно ел постную еду, губы его потрескались, кровоточили, а теперь стали заживать, розоветь. Сам он окреп.

— Я пойду опять к берёзе, посмотрю на золотую птицу. Какая она? — сказал Алыг Оол.

Он взял ружьё, пошёл на пашню, поднялся, сел у берёзы. Сидел, сидел, смотрит — прилетела птица, опустилась на берёзу.

— Эх! Стрелять не буду, перья окровавятся, лучше поймаю живую, — подумал Алыг Оол.

Он положил ружьё на землю, сам подпрыгнул и схватил птицу опять за хвост. Птица замахала крыльями, вырвалась и улетела, перья остались у него в руках. Парень подумал: «Обожди! Я найду твой след, до твоего края доберусь!»

Алыг Оол вернулся домой, хвост положил на стол.

Родители стали кормить его еще лучше. Он окреп еще сильнее. Тогда решил сесть на коня и поездить. У его родителей были резвые лошади. Глупый парень пошёл в загон, поймал коня, вывел, сел верхом и упал.

Алыг Оол прожил сорок лет, но ни разу не садился верхом на коня. Какую лошадь ни поймают, на какую ни сядет, усидеть не может, падает. Помучился, помучился, потом подумал: «Пойду-ка я на базар, куплю подходящего коня».

Отец дал Алыг Оолу двести рублей и десять рублей золотом.

— За эти деньги ты сможешь купить себе хорошего коня.

Глупый парень взял деньги, пошёл на базар. Ходил, ходил, потом побежал в кусты, там сломал красный прутик, сел на него верхом, ударил сам себя и помчался. Так бежал, аж пятки потрескались, закровоточили. Выбежал Алыг Оол на свистящий перевал, спустился на гладкую седловину, здесь он увидел человека, который вёл под уздцы трёхлетнего коня. Глупый парень спросил:

— Куда ты ведёшь этого коня?

— На базар, чтобы продать, — ответил человек.

Конь был чесоточным, из гнойничков, по его телу текли гной, кровь, глаза слезились, из ноздрей текли сопли, изо рта — слюни. На брюхе висела засохшая грязь с гноем и кровью. Весь он был паршивым.

— Продай этого коня? — спросил Алыг Оол.

— Он денег стоит.

— Алыг Оол отдал десять рублей золотом.

— О-о! — сказал незнакомец, который никогда не видел таких денег. Схватил их и побежал назад, к себе домой. Глупый парень хотел увести коня, но тот был таким больным, что не мог двигаться. Алыг Оол взвалил его на себя. Пронесёт пять саженей, отдохнет. Кое-как донёс домой. Отец, увидев паршивого коня, закричал:

— Не веди к нашим табунам больного, отгони подальше, корми отдельно, чтоб мои глаза не видели его.

Глупый парень унёс свою покупку в лес. Там стал ухаживать. А конь пасся плохо, траву щипал слабо. Алыг Оол где украдет овёс, где хлеб достанет — всё нёс и отдавал коню. Так он ухаживал. Постепенно конь окреп, паршивость исчезла, выросла шерсть.

Однажды Алыг Оол сел на своего коня, подъехал к дому отца, но без седла. Отец, увидев сына, сказал:

Птица клевала, клевала, опускаясь ниже и ниже. Алыг Оол подпрыгнул и поймал её за хвост. Птица замахала крыльями, вырвалась и улетела, а хвост остался у него в руках...

(Сказка «Птица счастья».
Рис. Л. Тупиковой.)

— Без седла попку себе натрешь, промежности разойдутся, болячки будут.

Отец выбрал крепкое седло, положил на коня, подтянул тремя подпругами. Алыг Оол вскочил в седло, ударил коня бичом и ускакал. Там, где стоял конь, следы остались, куда умчался, следов не видно.

Когда-то отец и мать рассказывали сыну:

— За свистящим перевалом раскинулась ровная, словно зеркало, степь. Если спустишься в нее, то увидишь там дворец и стальную коновязь. Туда не езжай, минуй её. Там живет богатырь, у которого глаза, как большие черные казаны, и плечи в целую сажень. Когда он свистит, то свист слышится за шестьдесят вёрст. Его никто не выдерживает. Богатыри гибнут порога его жилища от разрыва сердца. Гибнут и кони.

Алыг Оол подумал: «Как можно умереть от свиста?», не поверил рассказу родителей, поехал по прямой дороге, не стал объезжать шестьдесят вёрст. В пути увидел крепкий большой дворец, около которого лежали кости богатырей и коней многое множество.

Алыг Оол подъехал близко. В это время вдруг трава запылала, раздался оглушительный свист и разнёсся за шестьдесят вёрст... «Подожди!» — сказал Алыг Оол, соскочил с коня, держась за узды. Конь стоит. Алыг Оол постоял, пришёл в себя, понял, что остался жив.

Коня привязал к стальной коновязи, сам вошел во дворец. Там в большой комнате лежал богатырь на кровати, около него лежала какая-то вещь, один конец которой был выведен за окно. Богатырь свистел в неё, оказывается. И лилась кровь богатырей, рассыпались их кости, падали их кони. За шестьдесят вёрст отъезжай, тогда не услышишь его свиста.

«До сих пор было так, пока ты не вырос, лёжа у очага сорок лет», — сказал сам себе Алыг Оол и подошёл к кровати, схватил богатыря за руки и ноги, поволок его к выходу. Богатырь упёрся руками, ногами об косяки двери. Алыг Оол вырвал его вместе с дверью и косяками, вытащил наружу, привязал к седлу. Сам сел в седло и поехал. Привязанный богатырь охал, охал и окошел скоро. Алыг Оол ехал, ехал, долго ехал. На свистящий хребет поднялся, на гладкую седловину спустился. И увидел большой город, из которого валил чёрный дым, как густой туман, только к обеду немного рассеялся.

Алыг Оол решил въехать в этот город. Но перед городом текла вода шириной в тридцать сажень. Алыг Оол ударил бичом коня. Красно-игреневый конь прыгнул и перепрыгнул через текущую воду.

Теперь Алыг Оол думал: «Надо золотую птицу достать. Она должна быть здесь». Коня оставил недалеко от текущей воды. Сам дождался ночи и, когда стало совсем темно, пошёл за птицей. Город охранялся солдатами с винтовками. Алыг Оол пригляделся к ним, увидел, что у солдат глаза открыты, а сами они спят.

Алыг Оол прошел незаметно мимо них к большому зданию. Оно было тёмным. В одной комнате поднял голову и увидел на потолке отверстие, через которое просачивался свет. Он поднялся вверх. Золотая птица сидела в гнезде у самого потолка. Оказывается, она светилась, горела, как лампочка.

Алыг Оол приблизился к золотой птице, потихоньку обнял гнездо, хотел взять птицу вместе с гнездом. Но тут увидел колокольчики, связанные между собой проволокой. Подумал: «Прихвачу-ка с собой один колокольчик».

Одной рукой он держал золотую птицу с гнездом, а другой коснулся до него; как загремели все колокольчики, да с таким оглушительным шумом, что проснулись все люди, которые спали и схватили его. Каан оказался молодым, неженатым, говорит Алыг Оолу:

— Я хочу жениться на Алтын Тарак, но никак не могу взять её в жёны... Много лет пытаюсь взять её в жёны, но не могу...

— Я помогу тебе, — сказал Алыг Оол.

Каан приказал слугам отпустить его. Алыг Оол вернулся к своему коню и рассказал:

— Я обещал помочь каану жениться на девице Алтын Тарак.

— Она живёт в чужом далёком царстве. Как ты возьмёшь её? Ты не знаешь даже дороги к ней, — сказал конь.

Алыг Оол сел на своего красно-игреневого коня, ударил его бичом с девятью концами. Конь разбежался, прыгнул и перепрыгнул через волны текущего моря. Дальше быстро помчался. Там, где год надо ехать, семьёю ночами одолевает, там, где месяц надо ехать, за один ночлег одолевает. Так мчится конь, неся седока в незнакомые края.

Алыг Оол ехал, на свистящий горный перевал поднялся, на гладкую седловину спустился, отсюда увидел: вдали раскинулся город, глазом его не окинуть: если въехать в него утром и ехать по улицам, то только к обеду можно проехать его, такой большой город.

Алыг Оол спрашивает коня:

— Как взять Алтын Тарак в жёны неженатому каану?

— На этом берегу текущего моря я превращу тебя в сухую траву, ты останешься, я перепрыгну через море и войду в город, там отыщу девушку.

Так и сделали. Конь перепрыгнул через текущее море, рысью побежал по городу. Конь бежит, колокольчики, привязанные к его седлу, гремят, словно музыка. Конь бежит так, что если ему на спину поставить полное ведро, то ни одна капля воды не прольётся.

— Если конь таков, то каков седок? — говорят прохожие. Когда конь пробегал мимо дворца каана, около ворот гуляли три сестры-красавицы. Увидев коня, они не смогли удержать своё чувство

восхищения. Так красиво он бежал. Младшая из сестер, самая милая, воскликнула:

— Я сяду на коня? Хочу прокатиться!

Другая говорит:

— Я тоже хочу сесть.

Конь подбежал к девушкам, приостановился. Младшая из сестер вскочила на коня, ноги поставила в стремяна, стремяна оказались как раз для неё, ни короткие и ни длинные, да и седло в аккурат: ни мало и ни велико. Когда она взяла бич, привязанный к седлу, надела на свою руку, ремешок оказался как раз в пору, не болтается и не жмёт.

Конь пошёл такой красивою рысью, что ведро, наполненное водой если на него поставить, то ни одна капля не прольётся. Так он бежал ровно, мягко и славно.

Конь вынес девушку за город, разбежался и перескочил через текущее море. Девушка одной рукой ухватилась за луку седла, другой — за повод узды коня, так она держалась. Конь подбежал к сухой траве, втянул в свои ноздри и ускакал дальше. Он выскочил на гору, добежал до большой дороги и помчался дальше. Так конь бежал долго. Когда он стал добегать до середины пути, в городе поднялся переполох. Семерых богатырей снарядили в погоню. Там, где красно-игрневый конь делает один прыжок, кони семерых богатырей делают по три. Они не догнали красно-игрневого коня.

Погонщики прекратили преследование, сказав:

— Не наша дочь, каанская, пускай себе уезжает!

Они повернули коней назад.

А красно-игрневый конь скачет дальше, перевалил многие горы, наконец остановился, выпрыснул из ноздрей сухую траву. Алыг Оол предстал перед конём.

Девушка плачет. Из глаз слёзы льются ручьём, из носа вода рекою бежит, так она горько рыдает. Увидев глупого парня, она ещё пуще плачет.

— Как же я буду с таким жить! — причитает девушка по имени Алтын Тарак.

Едут дальше. Когда они подъехали к тому городу, где живёт неженатый каан, остановились. Конь сделал девушку из глины, точь-в-точь такую, как Алтын Тарак. Тот же рост, тот же взгляд, тот же голос, та же красота. От настоящей не отличишь.

Конь говорит Алыг Оолу:

— Девушку, которую я сделал из глины, отдай неженатому каану, а настоящую Алтын Тарак возьми себе в жены. Ты будешь жить с ней в согласии. А теперь иди в город вместе с настоящей Алтын Тарак, отведи её к неженатому каану, возьми золотую птицу и принеси её сюда. Настоящая Алтын Тарак будет со мной. Когда ты возьмёшь золотую

птицу, которая без хвоста, нигде не останавливайся, никуда не сворачивай, иди прямо сюда, мы будем ждать тебя на дороге.

Алыг Оол повёл сделанную из глины девицу к неженатому каану. Люди, увидев Алыг Оол и Алтын Тарак, ковровые дорожки стелят на их пути. Все они говорили:

— Алыг Оол ведёт девицу Алтын Тарак, к которой неженатый каан ездил три года и не сумел взять себе в жёны...

Алыг Оол и глиняная девушка ступают по мягким коврам, ворс выступает между пальцев ног. Вот какие ковры стелят.

Алыг Оол привёл девицу неженатому каану. Все горожане говорили:

— Теперь наш каан женится. Если родится девица, то пусть будет как эта. Все восхищаются её красотой. Все благословляют молодожёнов. В три ряда столы ставят, накрывают, пир устраивают по поводу переплетения кос. Из множества косичек две косы заплетают. Обрадовался неженатый каан своими руками взял золотую птицу вместе с гнездом, вручил Алыг Оолу и отправил его домой. Алыг Оол уехал.

А свадебный той продолжался до ночи. Когда он закончился, каан повёл девицу к себе в спальню. Там, преступив порог, обнял жену за её груди и хотел потрогать, где щекотно женщине, и прижал к себе. Вдруг девица рухнула, превратилась в вязкую глину. Неженатый каан остолбенел, потом ударил обеими руками свои колени и воскликнул:

— Позор! Великий позор!

Служанки собрали глину, вынесли из дворца и выкинули. От стыда неженатый каан ушёл в пастухи...

Алыг Оол вернулся к красно-игреневому коню и Алтын Тарак. Все они отправились в родной край.

Когда стали подъезжать к дому, конь сказал:

— Два твоих неженатых брата захотят жить с твоей женой, обманув тебя. Они договорились между собой о том, что одну ночь Алтын Тарак будет проводить с одним братом, вторую — с другим. Договорились напоить тебя аракой, потому что ты никогда не пил, поэтому легко потеряешь голову.

Алыг Оол вернулся домой. Дома братья усадили его за стол, стали угощать, в золотую чашу налили араку, уговаривали выпить. Алыг Оол не пил день, второй, третий, четвертый, пятый. Видят братья, что им не напоить Алыг Оола. Тогда они решили выкопать яму глубиной в пять саженей, столкнуть его туда. Яму выкопали и опять стали просить Алыг Оола выпить араку. Алыг Оол отказался. Тогда они сказали:

— Ты только языком попробуй вкус араки.

Алыг Оол подумал: «Ничего со мной не случится, если я только лизну араку». Попробовал, она показалась ему вкусной. Попробовал еще, потом отпил, а затем стал пить. Пил, пил, опьянел. Братья выволокли

пьяного на улицу, бросили в яму. Вернулись домой и стали делить Алтын Тарак. Один брат тянет ее к себе, а другой к себе. Так два брата поспорили до утра, вреда не причинив девице.

Алыг Оол упал в яму, но не разбился, кости остались целыми, поломок никаких не было. Но как выбраться? В это время он слышит, что кто-то подошел к яме, поднял голову, видит красно-игрневый коня пытается достать его. Наконец дотягивается и вытаскивает из ямы.

— Какой конь! Какое животное! — восхищается Алыг Оол.

Тут он слышит голоса певчих птишек, которые или сидят или гурьбой летают. Они поют так, что от их голосов мертвый оживёт, больной выздоровит. Алыг Оол слушает птичек, слушает и снова становится трезвым и крепким.

Два брата между тем продолжали спорить: один тянул к себе Алтын Тарак, другой к себе. Никто из них не сумел перетянуть. Тогда братья оставили девицу в покое. Сами пошли на охоту в горную тайгу. Когда они ушли, красно-игрневый конь сказал:

— Братья оставили Алтын Тарак ключ от гроба. Надо открыть этот гроб. Там лежат души братьев. Надо потереть дно гроба, черные души братьев погибнут, тогда погибнут и братья. Иначе они не дадут житья тебе.

Алыг Оол пришёл к Алтын Тарак, взял ключ у неё, открыл крышку гроба, потёр дно, души зашевелились. Алыг Оол вытащил и стал тереть их о край гроба, тёр, тёр, тёр, пока не протёр. Души погибли, погибли и братья на промысле.

Алыг Оол и Алтын Тарак устроили свадебный пир. Пастухи табуны лошадей к ним пригнали. Пир устроили. Они ели и пировали. Много вкусной еды съели, долго пировали. Тот, кто жирное мясо ел, благословляя, уходили. Те, кто сухие кости грыз, проклиная уходили.

У некоторых собак животы разжирели, хвосты свои они едва волоком тащат. У крылатых птиц крылья разжирели, летать не могут, по земле ползут. Такой славный пир был. Пир закончился. Пировавшие разошлись. Остались Алыг Оол и Алтын Тарак, держа свой край, возглавляя свой народ.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

ОЙЛА И МУКАЛАЙ

В большом селе жили Ойла и Мукалай, жена и муж. Однажды Ойла говорит Мукалаю:

— Попроведай мою мать. Ты давно не был у неё.

Муж обрадовался:

— Схожу-ка прямо сегодня к тётце!

Он оделся получше, отправился. Тёща выбежала ему навстречу, взяла под руку, провела в дом, славно угостила. Мукалай ел и пил целые сутки. На прощание получил от матери жены полный мешочек еды и довольный вернулся домой. Ойлы не было. Мукалай ждал, ждал её, съел все продукты, которые дала ему тётца.

Потом пришла жена.

— Абу, Мукалай! Ты уже вернулся. Что нам подарила моя мама? — спросила она.

— Еду, но я съел всё.

— Абу! Раз меня нет, надо было в сковородку налить масло, положить в неё еду, поставить в печь, поджарить. Сейчас поели бы вдвоём.

— Хорошо, я схожу ещё раз. Сделаю так, как ты говоришь.

Муж снова помчался к тётце. Та выбежала ему навстречу, опять провела в дом, опять угощала целые сутки. На прощание дала зятю на память рубашку своего покойного мужа.

Когда Мукалай вернулся домой, Ойлы снова не было. Муж разрезал подарок на мелкие кусочки, положил в сковородку, залил маслом, поставил в печь. Прошло немного времени, в дом вбежала жена и воскликнула:

— О, дорогой, что дала тебе мама?

— Рубашку твоего отца.

— Покажи!

— Что я покажу? Ты же говорила налить масло в сковородку, положить в неё подарок, поставить сковородку на печь, поджарить, а потом съесть. Я так и сделал.

— Абу! Рубашку надо было повесить на гвоздь, чтобы её видели люди, которые будут заходить к нам...

— Следующий раз так и сделаю.

Утром Мукалай снова помчался к тётце. Увидев зятя, та удивилась. Она оставила его ночевать, сутки угощала. На прощание подарила ему ягнёнка. Мукалай схватил подарок и помчался домой. Там сделал всё так, как говорила Ойла. Снял шкуру с ягнёнка, а тушу повесил на гвоздь, чтобы её видели люди. Жена, вернувшись домой, спросила мужа:

— Что дала тебе мама?

— Что дала? Ягнёнка. Ты говорила повесить, я повесил его.

— Абу! Что ты натворил! Надо было завести ягнёнка в овчарню и дать ему сена. Теперь у нас был бы ягнёнок.

— Следующий раз так и сделаю!

Утром Мукалай опять побежал к тётке. Увидев его, женщина сильно удивилась, но ничего не дала ему, вместе с ним пошла сама в гости к дочери. Когда они явились домой, Ойлы опять не было. Мукалай взял тётку за воротник, заволок в овчарню, подбросил ей сена. Через некоторое время заявила жена и спросила:

— Что прислала мама?

— Ничего, сама пришла.

— Где же она?

— Где же ей быть? Ты говорила загнать её в скотный двор, дать сено. Так я и сделал.

— Абу! — возмутилась жена — Тебе надо было посадить ее за стол, угостить вином и едой.

Ойла бросилась в овчарню, но матери там уже не было. Она ушла к себе. Вернувшись домой, рассерженная Ойла сказала мужу:

— Сколько раз ты ел, пил у моей матери! Когда же она пришла к нам, ты угостил её сеном. Разве так можно?

Мукалай ответил:

— Сегодня же я пойду к ней, приведу и угощу, как надо.

В этот же день он помчался к тётке. Она встретила его не приветливо, но всё-таки угостить угостила. На прощание даже подарила ему поросёнка.

Когда Мукалай вернулся домой, Ойлы опять не было. «Что у меня за жена такая? Всё где-то ходит!» — подумал он.

Поросёнок усадил за стол и стал угощать. Поросёнок запищал. Мукалай открыл ему пасть, налил туда вина. Гость замолчал. Тут вбежала в дом Ойла.

— Что подарила мама? — спросила она.

— Что подарила? Видишь, подарила поросёнка. Слушаясь тебя, я многое делал не так. Если бы ты была той женщиной, которая сидела дома, то наша жизнь была правильной.

— Мукалай, какой же ты мужчина, если в таких малых делах не можешь разобраться?

Долго ругались муж и жена, обвиняя друг друга во всём... Потом решили, что надо быть и дома, и в гостях вместе. После этого у них жизнь пошла согласно...

ЧАШТАН И КОПЧЕТ

Два охотника жили. Они рядом жили. Одного Чаштаном звали. Он был мирным, молчаливым, лишнего не говорил. Другой носил имя Копчет. Он хвастался, приходил часто к соседу, чтобы взять что-нибудь взаймы. Постоянно просил порох, чтобы настрелять глухарей, рябчиков.

Однажды Чаштан занёс домой туесок с порохом и сказал другу:

— Бери, сколько тебе надо!

Копчет взял и даже не сказал спасибо.

Прошло полгода. Копчет опять заглянул к соседу.

— Ты, Чаштан, слышал большую новость? — спросил он.

— Не слышал.

— Вчера наш чёрный Мустаг ругался всю ночь с Кубесом. Белки, лисицы, соболя — все звери с горы Кубеса перешли на Мустаг. Дай мне пороха побольше, охотиться буду.

— Бери! — сказал Чаштан.

Копчет высыпал в свою сумку весь порох и ушёл. На Мустаге он настрелял много белок, шкурки продал, стал безбедно жить. Однажды выпил и пришёл к Чаштану опять. Говорил с ним обо всем, но о порохе промолчал. Чаштан тоже не напомнил ему о долге.

Прошло еще полгода. Наступила весна, медведи проснулись, выбрались из своих берлог.

Однажды утром Копчет прибежал к Чаштану.

— Помоги, пожалуйста, ночью медведь украл мою корову. Надо убить короткохвостого, но нет у меня пороху! — вскричал он.

— Возьми. Сам знаешь где, — сказал Чаштан.

Копчет рванул в сени. Трясущимися руками схватил туесок и увидел, что там нет пороху. Из сеней закричал:

— В туеске ничего нет!

— Так бывает: что положишь, то и возьмёшь, — ответил Чаштан...

— То, что я взял в долг, отдам! — закричал Копчет. — А сейчас нужно медведя наказать.

— Почему обижаешься, Копчет? Твою корову медведь тоже взял взаймы, тоже когда-нибудь отдаст, — ответил Чаштан.

Так жадный Копчет остался без коровы и медведя не наказал.

НАУЧИ МЕНЯ ПЕТЬ

Жили три брата, третий был дурак. Он лежал на печи, грязный, давил мух и пел песни. Жены двух его братьев жалели его, потому кормили и ухаживали за ним, родные же его братья не хотели иметь лишнего рта. Но не знали, как от него избавиться.

Однажды летом придумали, что с дураком сделать. Они сшили большой кожаный мешок, положили в него младшего брата, туго завязали веревкой края мешка и привезли к берегу реки. Положили мешок на землю, чтобы столкнуть его в воду. Но они не смогли сдвинуть его с места, мешок будто прирос к земле.

После некоторого времени возни с этим братья решили срубить толстые палки, рычаги, и с их помощью столкнуть мешок с берега и сбросить в воду.

Братья пошли в лес за палками. Когда они ушли, дураку стало скучно, и он запел, пел громко в щель.

В это время ехал по дороге садыгчи (купец). Он увидел мешок, остановил коня, подошел к мешку. Услышав пение дурака, садыгчи спросил дурака:

— Что ты делаешь в мешке?

Дурак ответил:

— Учусь петь!

— Почему в мешке ты учишься петь? — спросил прохожий садыгчи.

— Потому, что только в мешке можно научиться петь, — ответил голос из мешка.

Садыгчи не умел петь и очень хотел научиться искусству пения. Тут он подумал, что, наконец, он нашел то, что так долго искал.

— Самый подходящий случай, — подумал он.

Подумав, он спросил:

— Как мне научиться петь?

— Залезай в мешок, так и быть, я тебе уступлю свое место на некоторое время.

— Да, нет, — возразил садыгчи, — ты мне спой, покажи, как ты научился.

Дурак петь умел, пел он прекрасно. Дурак спел самую лучшую песню. Пение дурака очень понравилось садыгчи.

— Научи и меня так петь, — крикнул купец и развязал веревки. Дурак вышел из мешка голенький.

— Почему ты голый, — спросил купец.

— Только голый может научиться петь в этом кожаном туго завязанном мешке. Раздевайся, если хочешь научиться петь. Я помогу завязать мешок.

Садыгчи разделся. В чем матушка родила его залез в кожаный мешок. Дурак туго завязал его, оделся во все купеческое, сел на прекрасного рысака и ускакал домой.

Его братья пришли с рычагами к берегу реки и мешок с купцом столкнули в воду.

БЕГЛАЯ ДЕВУШКА

Однажды летом охотник по имени Сот встал на лодку-долбянку и поплыл вверх по реке Огуз-зас до Серых скал. Там на берегу построил шалаш и начал промышлять...

Охота началась удачно. Каждый вечер он возвращался в свой стан с богатой добычей. От этого на душе у него теплело и он спал спокойно, ничего его не тревожило и не волновало.

На третий день охотник надумал вернуться в шалаш пораньше, чтобы накопать кореньев кандыка, сварить их в молоке, пока оно не скисло. Да и сезон заготовки кореньев кандыка ещё не прошёл. Когда Сот вернулся в свой шалаш, солнце ещё не ушло за горы. Охотник остановился у входа и удивился. Постель была перевёрнута, мешок с сухарями валялся не там, где он оставил его. И другие вещи были раскиданы. Сот подумал: «Если бы росомаха здесь похозяйничала, то не всё бы уцелело, ничего не уцелело. Если бы медведь, тоже не так было. Нет, не похоже, что в одаге был зверь. Кто же был? Наверное, кто-то из людей?».

Охотник прибрался, взял корнекопалку, туесок и пошёл копать коренья кандыка. На склоне горы ему попадались отцветшие кандыки с крупными головками на толстых стебельках. У таких цветов обычно коренья бывают размером с указательный палец. Сот быстренько накопал полтуеска, подумал: «Хватит мне на ужин!» и хотел было уходить, как заметил у одной черёмухи широкие листья кандыка, не удержался, копнул. Копалка обо что-то ударилась. Сот ковырнул и вытащил жёлтый блестящий камешек. Посмотрел, увидел, что это самородок золота. Копнул второй раз, выкопал ещё жёлтый камень, потом ещё и ещё и остановился. На память пришли слова покойного деда. Дед говорил:

— Шибко золото не захватывай, не будь до него жадным. Золото — слёзы человеческие. Кто нашёл его, тот без беды не обойдётся. Не зря в народе говорится: «Через золото слёзы капаят».

Сот подержал жёлтые камни на ладони и бросил их далеко-далеко. Сам вернулся в шалаш, помыл на речке коренья, положил в котелок, вылил туда остатки молока. Разжёл костёр, стал варить суп.

Скоро солнце ушло за горы, наступили сумерки. Они медленно расстилались по реке. Только огонёк горел у шалаша. Сот поел вкусный суп и задумался, глядя на звёзды.

В это время он вдруг услышал шум на противоположном берегу реки. Ему показалось, будто кто-то прыгнул в воду. Сот вскочил на ноги, прислушался. Ему ответила тишина. Внизу ровно текла река. Ничего уже не было видно.

Вскоре охотник увидел женщину. Она, белая, как снег, вынырнула из воды, решительно и смело направилась к нему, подошла, улыбнулась, весело поздоровалась, спросила:

— Анчи, почему ты так подозрительно смотришь на меня?

— Встреча-то неожиданная! Я никогда не думал, что здесь вдруг увижу тебя, — проговорил Сот.

— Я тоже не думала встретиться с тобой, — сказала женщина.

Она была голая, в чём мать родила. Молодая, гибкая, светлая, чистая и белая, словно из белого мрамора. Сот не мог отвести в сторону от неё свои глаза, так она была прекрасна.

— Анчи, — обратилась женщина к нему. — Когда ты бросил самородки золота, чуть не попал мне в лицо.

— Где же ты стояла? Я не видел тебя.

— За кедром раздевалась купаться. Ты бросил драгоценные камни. На них можно купить всё, даже совесть.

— Золото — слезы человеческие. Оно мне не нужно! — резко сказал Сот.

— А я бы давно погибла без этих жёлтых камушков, — проговорила женщина.

— Разве горные девы не могут жить без золота? — спросил анчи.

— Почему ты считаешь, что я горная дева?

— Кто же может ходить в горах одна и так поздно, купаться в реке, подойти к костру и нагой стоять без стеснения перед мужчиной.

— А-а!.. — вскрикнула женщина и вмиг скрылась в кедряче. Прошло немного времени. Она вернулась в одежде. Её лицо сияло. Она весело спросила:

— Чем я не человек?

— Да, — кивнул головой охотник. — Однако всё равно человеком тебя не назовёшь. Где ты живёшь?

— Здесь недалеко, в Серых скалах. Я пришла, чтобы пригласить тебя к себе в гости.

— Хорошо, посмотрим! — кивнул головой Сот.

Женщина повернулась, пошла в сторону густого леса и утонула в темноте.

Сот остался в одаге в раздумье.

«Кто же эта женщина?» — спрашивал он самого себя. Вспомнил рассказы своего деда. Без малого тридцать лет Сот ходил с ним на

промысел. Дед много рассказывал о девах-хозяйках горной тайги, об их проделках, проказах. Они влюбляют в себя мужчин и губят.

Сот представил себе женщину, которую только что видел. Она была плотная, крепкая, здоровая, стройная и к тому же боевая. Такая в обиду себя не даст. Скорее сама обидит другого. Охотник был глубоко озадачен. Всё думал и думал. «Сумасшедшей её не назовёшь, знает цену жёлтым камешкам. Кто она?»

Вдруг со стороны скал послышалась песня женщины. Она пела так хорошо и так приятно, что он замер очарованный. Но вскоре пение прервалось...

Сот забрался в шалаш, улёгся, но сон к нему не приходил. Он спрашивал самого себя: «Кто она такая?» Ответа не было. Наконец ему надоело ломать голову. «Ещё раз встречу, узнаю», — решил он. Но тут она опять запела. Голос был ещё лучше, ещё приятней, чем в первый раз, и опять пение оборвалось. Послышалось урчание и рёв медведей. Сот решил, что женщина столкнулась с медвежьей свадьбой, и встревожился. Неужели она попала в лапы зверей? Тогда стоит помочь ей. Недалеко от шалаша лежит давно упавшая берёза. Надо надрать сухой бересты, зажечь факел. Огня боятся все в тайге, звери тоже. Но крика женщины не было слышно. Если бы она была в опасности, то кричала бы, звала на помощь. Но она не зовёт?!

Сот выбрался из шалаша, подбросил дрова в костёр. Огонь горел сильным пламенем. Охотник прислушался: медвежья свадьба, бушующая по реке, перешла реку и подалась на гору, стала удаляться всё дальше и дальше, шум стал уходить, стихать, наконец, утих совсем. В ту ночь Сот так и не уснул. С открытыми глазами пролежал до утра. Он думал, думал о женщине, пока не разболелась голова.

С этого дня и во все последующие охотник стал ходить к Серым скалам, но женщины не встречал, даже не было признаков её жизни, будто никогда, ни разу она не была здесь. Ни днём, ни ночью никто более не появлялся. У Сота заканчивались продукты, пора было возвращаться домой. Он подумал: «Всё же женщина, которая купалась возле его стана и приходила к нему, была горная дева. Видимо, он не приглянулся ей, и она ушла к горе Мус-Таг, пожалев о своем приходе ко мне».

В последний день охотник решил ещё раз побывать у Серых скал, затем вернуться к шалашу, поесть, сесть в лодку и поплыть домой. Когда он добрался туда, то снова увидел женщину. Она стояла у кедрового бора. В лучах солнца выглядела ещё лучше прежнего. Сот смотрел на неё и не мог отвести свои глаза. Так она была красива.

Женщина поздоровалась с ним, весело улыбнулась и спросила:

— Ну, как твои дела, анчи?

— Мои дела идут хорошо. Собираюсь плыть домой, — сказал Сот.

— А ко мне в гости не хочешь зайти?

— Я не знаю, кто ты, как тебя звать.

Женщина задумалась, потом сказала:

— Сама не знаю, кто я.

И стала рассказывать о себе:

— Никогда я не видела своих родителей, ни отца, ни матери. Я росла у старика и старухи на пасеке. Они очень любили меня. По словам старика, меня принесла медведица к ним. Пока я росла, медведица приходила на пасеку часто, пчёл не разоряла, никакого вреда не чинила. Но однажды старуха рассказала всю правду о моей матери, женщине с этих мест.

Та с подругами пошла собирать ягоды в тайгу и заблудилась. Её нашёл медведь, затащил к себе в берлогу. Охотники убили медведя, а мою мать, худую и замученную, привели на пасеку. Потом у неё родилась я.

Меня тянуло в тайгу с детства. Жить в аале всегда было тягостно. Когда мне исполнилось 10 лет, меня отдали в школу. Я не могла учиться, потому что зимой ужасно хотелось спать. Каждый день меня приводили домой сонной. Иногда пасечник выпьет медовухи и шепчет мне: «Ты, девочка, ведь медвежья дочь. Но об этом никому ни гу-гу! Мать твоя ушла давно в другой мир. Теперь люди говорят, что ты, будто бы, горная дева».

Дочь гор продолжала рассказ:

— Когда мне исполнилось 15 лет, меня утащила медведица в горную тайгу. Осенью я уснула с ней в берлоге. Зимой проснулась и услышала громкий лай собак, голоса людей. Они хотели убить нас. Тогда я закричала: «Не убивайте нас! Что вы делаете?!» Охотники испугались и, сломя голову, сбежали. Я проспала до весны.

Во мне, в самом деле, есть что-то звериное.

Охотники верно говорят: «Медведь перед тем, как ложиться спать на зиму, проглатывает корень травы «сыч». Тогда он спит всю зиму без пробуждения. Я пробовала есть корень «сыча». Теперь не пробую даже маленького кусочка. Осенью стоит проглотить крошку от корня «сыч», заснешь, где попало, замёрзнуть можно. Однажды, когда я жила уже здесь, проглотила кусочек этого корня, уснула тут же, как мёртвая. Хорошо, что я была подготовлена, была очень тепло одета.

Так женщина рассказывала о себе. Когда замолчала, Сот сказал:

— Когда мы встретились впервые, ты пошла в сторону скал и там запела потом. Твоя песня за душу меня взяла. Я заслушался. Вдруг твоя песня оборвалась. Тогда же я услышал шум медвежьей свадьбы. Что тогда было?

— Я чуть-чуть не попала в лапы молодого самца. Увлёклась песней и не заметила, как он подкрался ко мне, схватил. Ну, думаю, всё пропало. Разве я смогу одолеть молодого зверя силой? Тогда вспомнила, что медведи ужасно боятся щекотки. Стала щекотать его под мышкой. Самец обмяк и раскис. Я вырвалась и убежала на башню. Медведь орал, орал да перестал, — ответила женщина.

— А что за башня у тебя? — спросил Сот. — Кто её построил?

— Никто не строил. Не башня, а скала. Пойдём туда, посмотришь.

Женщина повела Соту по кедрачу к скалам, подошла к одной отвесной. Здесь охотник заметил потайное отверстие. Женщина шагнула туда, повернула вправо, держась за выступы, поднялась вверх. Охотник последовал за ней. Они выбрались в пещеру... Здесь было очень много дорогих вещей: одежды, ткани, богато убранная постель. Женщина показала всё это и сказала:

— Всё это я обменяла на жёлтые камешки. В селении меня звали Тескин-Кыс.

В комнате было много туесков с молоком, мёдом, кедровым орехом. Всего этого запаса хватило бы ни на один год. В пещере Сот увидел ручей с синей водой, который уходил куда-то вниз.

— Здесь до меня кто-то жил. Иногда я пользуюсь его дровами, — сказала Тескин-Кыс. — Кто он был, куда делся, я не знаю. Сюда ни зверь, ни человек не заходит. Никто не придёт сюда, если ему не показать вход.

— Почему ты живёшь здесь? — спросил Сот.

— Я же говорила тебе, что во мне есть что-то дикое, звериное. Меня тянет в горы, в тайгу. После смерти стариков-пасечников я перебралась сюда.

— Здесь же в округе никого нет, не с кем поговорить, одной, наверное, скучно?

— О-о! Нет! — сказала Тескин-Кыс, — напротив мне душно и тягостно жить среди людей. У них нет свободы, простора. Ругаются, грызутся между собой. Мужчины бьют женщин. Женщины обманывают мужей. У людей осталась одна только работа, отдыха нет и радости нет. Все проклинаят любовь без брака. Я же хочу любить без обязанностей.

Сот попытался возразить, но у него ничего не получилось, Тескин-Кыс не слушала его.

— Хватит! — вдруг сказала она, — пойдём, провожу.

Они спустились со скалы, пришли в стан охотника. Тескин-Кыс помогла ему погрузить вещи в лодку. Сот сел и поплыл вниз по реке. Тескин-Кыс долго махала ему вслед.

Прошло лето. Наступил месяц созревания хлеба, месяц молотбы и сбора кедровых орехов. Сот снова поднялся на лодке по Огуз-засу к Серым скалам. В первый же день пошёл туда, где жила Тескин-Кыс. Там её не было. Не было ручейка с синей водой. Вообще ничего и никого не было. Сот жил долго, заготавливал орех, много ходил, но её ни разу не встретил.

Потом, когда уже выпал снег. Сот опять поднялся к Серым скалам. Промышлял. Охота была удачной, но на душе у него покоя не было. Очень хотелось увидеть её. Он ругал себя за то, что мало с ней говорил, плохо с ней обошёлся, не то делал.

На следующий год летом Сот побывал в том селении, где, по словам Тескин-Кыс, жила она. Там расспрашивал людей. Ни один из жителей не слышал о ней. Жила ли у стариков-пасечников девушка, никто не знал.

Охотник Сот рассказывал о Тескин-Кыс людям до этого места в своей истории. Здесь он замолкал и больше ни о чём не говорил.

ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ

Жили муж и жена. Молодые. Они долго ждали ребёнка. Потом жена родила девочку. Соседка пришла к новорожденной и подарила ей ложку с надписью и наказом:

— Когда вырастет и выйдет замуж, пусть эту ложку возьмёт с собой.

Прошло три месяца. Девочка лежала в люльке. Наступил вечер. Родители в это время управлялись по хозяйству.

Вдруг подул сильный ветер, настоящий ураган. Он подхватил люльку и унёс. Испуганные родители вбежали в дом, на месте своей дочери увидели чужую девочку. Она тоже лежала в люльке, не похожая ни на человека, ни на зверя. Что поделаешь, муж и жена стали кормить эту девочку.

Прошло 18 лет. Девочка не росла и не умирала.

В другом аале вырос парень. Когда ему исполнилось 18 лет, он пошёл искать себе невесту да такую, которая бы ему понравилась.

Однажды вечером парень встретился с незнакомым ему дедом. Тот спросил:

— Куда идёшь? Парень ответил:

— Ищу невесту. Жениться надумал. Возьму ту, которая мне понравится.

Дед сказал:

— Если надумал жениться, то пойдём со мной. Покажу девушек. Может, какая-нибудь из них тебе приглянется.

Парень согласился. Дед зашагал вперёд, парень за ним. По дороге дед говорит:

— Сейчас подойдём к одному дому, ты зайдёшь туда. Я останусь на улице. В доме будет темно, ничего не видно...

Парень слушал, соглашался:

— Сделаю так, как ты говоришь.

Дед продолжал:

— В доме находятся 25 девушек, с каждой здоровайся по ручке. При этом замечай: чья ладонь будет горячая, ту и бери себе в жёны.

Они подошли к большому озеру, цвет которого переливался: то покажется зеленоватым, то голубоватым. На берегу стоял красивый дом. Парень зашёл в него, а дед остался на улице.

Внутри дома было темно, ничего не видно, только слышались женские голоса. Парень пошёл на голоса, стал здороваться с каждой

девушкой по ручке. Попадались только холодные ладони. Он подал руку последней, двадцать пятой. Её ладонь оказалась горячей.

— Вот моя невеста! — сказал парень и вывел девушку из дома. Бородатый дед стоял, ждал их. Девушка оказалась красивой. У неё были длинные тёмные косы.

— Идите сейчас домой, — сказал дед, сам остался около дома.

Парень и девушка направились в аал жениха. Отошли пять-шесть шагов, оглянулись. Дом исчез. На его месте плескались волны голубого озера...

Девушка проговорила:

— Я жила здесь. У меня нет родителей. Я никого и ничего не знаю.

Тут вновь появился дед. Он пошел с ними рядом и сказал:

— Мы найдём твоих родителей, девушка.

Дед привел молодых в дом её родителей. Отец и мать девушки стали пожилыми. У них в зыбке по-прежнему лежал ни человек и ни зверь. Парень, девушка и дед вошли в дом к ним, встретились, обменялись приветствиями. Дед сказал:

— Это ваша дочь, которую вы потеряли, когда она была совсем маленькая.

Родители девушки не поверили. Девушка вытащила ложку, которую когда-то подарила соседка. По этой ложке родители признали дочь. Дед попросил принести горячей воды. Принесли кипяток. Он сказал:

— Плесните в зыбку.

Плеснули. Как раньше, с шумом, вместе с сильным ветром люлька улетела, исчезла...

А в доме жениха созвали гостей, устроили свадьбу. Пир был богатым и весёлым. Счастье вернулось к родителям девушки...

ОБИДЧИВЫЙ ВОР

В долине Мрас-Су жил старик с тремя сыновьями. Младшего звали Амош. У старика было много золота. Если положить суму с этим золотом на лошадь, то лошадь едва устоит. Вот сколько было золота.

Однажды старик и его сыновья решили спрятать своё золото. Пошли в тайгу, спрятали, закопали.

Старик сказал сыновьям:

— После моей смерти разделите его между собой поровну.

Вскоре он умер. Сыновья похоронили отца и решили поделить наследство между собой. Они пошли в то место, где спрятали золото, а там пусто. Золото кто-то украл. Три брата заспорили. Стали обвинять друг друга в краже. Но никто не видел, кто украл.

Младший брат Амош сказал:

— Пойдёмте к нашему Алмас-каану. Он укажет, кто украл золото.

Все трое собрались и поехали к Алмас-каану.

Была осень. Едут братья по горам, по лесу, видят следы. Старший брат говорит:

— По дороге шёл конь уставший.

Средний брат говорит:

— Конь шёл уставший. Седок вёз в перемётной суме мёд.

Младший говорит:

— Лошадь шла уставшая. Седок вез мёд. У лошади был один глаз. Лошадь была кобылица белой масти.

Три брата подъехали к дому каана. Вошли, встретились с хозяином, объяснили ему цель приезда. Алмас-каан спросил:

— По какой дороге вы ехали сюда?

— По хребту горы.

— Что видели?

Старший брат сказал, средний сказал, младший добавил, что он видел по следам: лошадь была белой масти без правого глаза. Алмас-каан спросил старшего:

— Как ты узнал, что конь устал?

— Уставший конь при ходьбе задними ногами не достаёт передних, не ступает нога в ногу, — ответил старший.

Каан спросил среднего брата:

— Как ты узнал, что седок вёз мёд?

Средний брат ответил:

— По дороге было много мертвых мух. На запах мёда слетаются мухи.

Каан спросил младшего:

— Как ты узнал, что лошадь была белой масти без правого глаза и кобылица?

Младший ответил:

— Лошадь щипала траву только с левой стороны, по дороге падали белые волосы с хвоста. У кобылицы волосы хвоста слабо держатся. От мочи сгнивают.

Каан позвал слугу, приказал накормить братьев. Слуга поставил на стол коче. Два брата стали есть, младший не ест:

— Я не буду есть это коче. Оно из ячменя, который вырастили на земле кладбища.

— Неурожай был. Посеяли ячмень над могилами. Собрали богатый урожай. Это коче от того урожая, — ответила мать каана.

Слуга поставил на стол баранину. Младший брат тоже не стал есть:

— Эта баранина от барана, который сосал собаку. От ее молока он жирел.

Каан спросил у своей матери, так ли это было. Мать ответила:

— Когда мать ягнёнка пала, оценилась собака. Ягнёнок сосал собаку.

Слуга подал вино. Два старших брата стали пить, не притронулся к вину младший.

— Почему ты не пьёшь вино? — спросил каан младшего из братьев.

— Наш каан — сураз оказывается. Я не пью вино суразов, — отвечает младший из братьев.

Чайзан передал об этом каану. Каан спросил у своей матери:

— Я сураз?

— Да, ты сураз. Я родила тебя три года спустя после смерти моего мужа.

Каан рассердился, подозвал к себе младшего брата, сказал:

— Золото украл ты!

— Я украл — ответил младший.

Каан спрашивает:

— Если так, то зачем приехал сюда?

Младший ответил:

— Чтобы объявить, что ты каан — сураз. Теперь я буду ходить и кричать: «Наш каан-сураз!»

Младший брат теперь ходит и везде кричит: «Наш каан — сураз! Каан Алмас — сураз!» Бедный Алмас от стыда убежал из дома.

АРГАЧИ И КУЮРЧИ

Жил Куюрчи, имеющий коричневого быка. Он был сильным, но не умным человеком. Надеясь на свою силу, отнимал вещи у других — грабил. Рядом с ним жил Аргачи, имеющий белого быка и мелкий немногочисленный скот. Людям он не приносил вреда.

Однажды Аргачи сел на своего белого быка и отправился на охоту. А Куюрчи пришел в его шалаш, выгнал жену Аргачи, поджёг жилище. Когда шалаш загорелся, Куюрчи сказал:

— Аргачи умный человек, построит новый шалаш.

Аргачи возвратился с промысла. Он увидел только свою жену, сидящую под деревом всю в слезах. Аргачи собрал пепел, угли от сгоревшего жилья в суму, забросил суму на спину белого быка и отправился к Каратты-каану, у которого было три дочери. Встретившись с Аргачи, дочери каана спросили его:

— Куда ты едешь?

— К вам, чтобы золото и серебро вашего отца соединить с моим золотом и серебром, — ответил Аргачи.

— Покажи свое золото и серебро? — попросили девушки.

— Не могу. Если вы посмотрите на него, то оно превратится в золу и угли, но взглянуть можно только по разрешению вашего отца, — сказал Аргачи.

Девушки пришли к отцу, попросили, чтобы он разрешил посмотреть на золото и серебро Аргачи. При этом они передали слова Аргачи: «Если на серебро и золото посмотрят девушки, то серебро и золото превратятся в золу и угли. И тогда Каратты-каан должен будет заплатить своим золотом и серебром за золу и угли Аргачи; в этом случае Аргачи покажет своё золото и серебро».

Каратты-каан, выслушав своих дочерей, сказал:

— Пусть Аргачи покажет вам свое золото и серебро.

Дочери Каратты-каана пришли к Аргачи и передали слова отца:

— Если так, то покажу вам свое золото и серебро, — сказал тот.

Он снял суму со спины белого быка, открыл. В суме оказались зола да угли. Девушки смотрели и удивлялись:

— Разве золото бывает чёрным, серебро — серо-коричневым?

— Эх, вы! Что наделали! Посмотрим, посмотрим! Вот и посмотрели! Все мое золото превратилось в черные угли, серебро в серую золу, — сокрушался Аргачи.

Каратты-каан не догадался, что Аргачи схитрил. Он дал ему золото и серебро вместо угля и золы. Аргачи вернулся к жене, которая жила в лесу...

Кююрчи приехал к бедному соседу, чтобы посмотреть, как он живёт. Аргачи построил новый шалаш, сидит в нём и считает золото и серебро. Кююрчи страшно удивился:

— Откуда ты взял золото и серебро?

— Ты, Кююрчи, поджогом моего шалаша сделал мне большую услугу. Я собрал золу и угли от сгоревшего жилья, отнёс к Каратты-каану. Каратты-каан дал вместо них золото и серебро, — ответил Аргачи.

Кююрчи, узнав об этом, поспешил в свой шалаш. Выгнал из него жену, вытащил вещи и поджог. Шалаш сгорел. Золу и угли хозяин собрал в суму, набросил её на спину коричневого быка и отправился к Каратты-каану. Он доехал до дворца Каратты-каана, снял суму со спины быка, занёс в дом, вытряхнул из сумы золу, угли, и сердито сказал:

— Скорей, Каратты-каан, давай мне золото и серебро!

Каратты-каан рассердился, увидев золу и угли. Он приказал слугам выгнать и высечь Кююрчи.

Слуги Каратты-каана высекли Кююрчи и он сказал себе: «Постой, Аргачи, этого тебе я не прощу».

Он пошёл к Аргачи, нашел его и погнался за ним. Аргачи не знал, что ему делать, тогда он соскочил со спины белого быка и убежал в лес. Кююрчи поймал белого быка, убил его и довольный вернулся в свой шалаш.

После этого Аргачи пошёл к Каратты-каану, спросил его:

— Что будет, если я отпущу своего белого быка в стадо твоих быков?

— Ничего не будет, бык быка не будет есть, — ответил Каратты-каан.

Аргачи собрал скот Каратты-каана около трупа своего белого быка, прокараулил животных до рассвета.

Утром к нему пришли люди Каратты-каана, чтобы подоить коров. Тогда Аргачи, стоя у трупа своего белого быка, сказал:

— Видите, быки Каратты-каана забодали моего единственного белого быка.

Сказав так, Аргачи пошёл к Каратты-каану и сказал ему:

— Вы говорили, что бык быка не ест. А ваши быки забодали моего единственного быка. Теперь как вы будете рассчитывать со мной?

Каратты-каан и на этот раз не догадался, что Аргачи обманывает его.

— Чего печалишься? Мало ли у меня быков, отбери себе лучшего из стада и возьми его себе, — распорядился каан.

Аргачи выбрал белого быка, сел на него верхом и уехал к себе. По дороге домой он встретился с Куюрчи. Тот спросил:

— Где ты взял такого жирного быка?

— Каратты-каан даёт живых и жирных быков вместо мертвых. Вот я заменил труп своего белого быка на живого. Ты, убив моего тощего белого быка, сделал мне большую услугу, — сказал Аргачи.

Куюрчи вернулся домой, убил своего коричневого быка, тушу взвалил на себя и принес его к Каратты-каану. Каратты-каан спросил его:

— Куюрчи, зачем ты, навьючив на себя тушу своего быка, принёс её сюда?

— Я слышал, что ты даешь живых быков взамен мертвых. Поэтому я убил своего тощего быка, принёс сюда, чтобы обменять его на живого и жирного.

Каратты-каан рассердился и заорал:

— Вор! Ты оскорбляешь меня?! Разве есть такие кааны-дураки, которые давали бы живых быков взамен мёртвых?

Приказал своим слугам:

— Высечь его, собаку, так, чтоб с него слезла его шкура!

После этого Куюрчи решил убить Аргачи. Семь дней караулил соседа, наконец, поймал и спросил:

— Аргачи, знаешь, за что и где ты умрёшь?

— Там, где соединяются семь дорог, ты сожжешь меня берестой и сухими дровами. — ответил Аргачи.

Куюрчи связал его руки за спиной, повёл на перекрёсток семи дорог. Там срезал четыре кола, воткнул глубоко в землю, крепко привязал Аргачи к кольям, сам пошёл в лес за берестой и дровами. Аргачи пытался вырваться, но никак не смог.

Прошло некоторое время. Послышалось громкое пение, кто-то ехал и пел. Поющий приблизился к нему. Аргачи увидел едущего на чёрном иноходце всадника в шапке из шкуры черного барана, в чирках из чёрной кожи, в халате из чёрного шёлка. Это ехал сын Каратты-каана.

Аргачи стал пристально всматриваться в приближающегося седока и заметил, что у сына Каратты-каана вытек правый глаз. Аргачи закрыл свой правый глаз и стал дожидаться путника.

Сын Каратты-каана спросил у Аргачи, подъехав к нему на своём чёрном иноходце:

— Что ты натворил? За что привязали тебя к этим кольям?

— Я жду человека, который вылечит мой правый вытекший глаз. Если простою здесь, на этом перекрёстке семи дорог семь дней, то мой глаз, вытекший, наполнится вновь и выздоровит. Станет видеть лучше прежнего.

— Ты — старый человек, Аргачи, тебе можно жить и с одним глазом. Я молодой, холостой, уступи мне свое место! — взмолился сын Каратты-каана.

— Что делать? Просьбе молодого человека нельзя отказывать. Слезь с коня и отвяжи меня. Я привяжу тебя к этим кольям вместо себя. Пройдёт семь дней, твой глаз станет лучше прежнего, превзойдёт глаза ястреба, — сказал Аргачи.

Сын Каратты-каана, услышав такие слова, быстро соскочил с коня, развязал Аргачи. Хитрый бедняк дал ему халат, старые чирки. Сын Каратты-каана снял с себя свою одежду. Аргачи привязал его к четырём кольям с четырёх сторон. Сам надел халат из чёрного шёлка, шапку из шкуры чёрного барана, подпоясался шёлковым поясом, сел на чёрного иноходца и с песней поехал по большой дороге домой.

Прошло немного времени. Куюрчи вернулся с берестой и с дровами на перекрёсток семи дорог. Он положил бересту и дрова рядом с человеком, привязанным к четырём кольям, стал раздувать огонь. Береста и дрова загорелись.

Сын Каратты-каана заорал, причитая:

— Ой! Ой! Сын Каратты-каана просит, умоляет не сжигать его на костре.

— Э,...Э..., Аргачи, собака! — сердился Куюрчи. —

Ты выдаёшь себя за сына Каратты-каана в последний момент своей жизни.

Куюрчи, не поднимая головы, ещё сильнее раздул огонь. Его щёки раздулись, как у бурундука, от натуги. Огонь разгорелся пламенем. От костра дым слился с верхними облаками на небе.

Сын Каратты-каана сгорел. От него не осталось даже пепла, потому что Куюрчи развеял его пепел по ветру. Куюрчи сказал себе: «Победил непобедимого. То, что задумал, исполнил!» — и вернулся домой.

Куюрчи надумал украсть вещи Аргачи, лежащие в его шалаше. С этой целью он пошёл в шалаш соседа и увидел у коновязи чёрного иноходца. Седло коня было украшено серебром, уздечка — золотом, вся сбруя блестела и сияла на солнце. Увидев это, Куюрчи удивился и удивлённый вошёл в шалаш. Там он увидел человека, одетого в халат из чёрного шёлка, обутого в чирки из чёрной кожи, в шапке из шкуры чёрного барана.

Куюрчи, не боявшийся, испугался, не удивлявшийся, удивился. Из него дух вышибло.

— Ой! Аргачи! Ты ли это?! Я сжег тебя на огне костра на перекрестке семи дорог.

Откуда ты взялся? — спросил он.

— Э, э... Куюрчи, что правда, то правда! Ты сжёг меня. Когда ты сжёг, я встретился с моим отцом, умершим давно. Он приготовил для меня прекрасного иноходца, шапку из шкуры чёрного барана, чирки из чёрной кожи, халат из чёрного шёлка. Всё это отдал мне. Я взял всё и вернулся домой. Там же я встретился и с твоим отцом. Твой отец приготовил тебе красно-игреневого коня, шелковую шубу, кожаные сапоги, из красного шёлка пояс-кушак. Он ждёт тебя, — сказал Аргачи.

— Дорогой Аргачи! Если я пойду к отцу, то он даст мне шубу, красного иноходца, сапоги из кожи?

— Даст. Он ждёт тебя! — повторил Аргачи.

— Тогда веди меня на перекрёсток семи дорог и сожги меня! — стал просить Куюрчи.

— Что делать? Придётся мне сжечь тебя, коль ты надумал взять то, что принадлежит тебе по наследству, — согласился Аргачи.

Они пошли на перекрёсток семи дорог. Аргачи ехал на своём прекрасном иноходце, а Куюрчи шёл пешком.

На перекрёстке семи дорог Аргачи срубил четыре кола, глубоко вбил в землю, к ним крепко привязал Куюрчи. Сходил в лес, принёс бересту и сухих дров, раздул костёр. Скоро костёр разгорелся пламенем, Куюрчи стал гореть. Тут-то он и заорал:

— Не хочу к отцу! Не надо мне шубы, не надо коня, не жги меня! Потуши огонь!

Аргачи не сказал ни единого слова, подложил в костёр ещё сухих дров. Костёр загорелся сильным пламенем. К нему нельзя было подойти ближе десяти саженьей. Скоро крик и плач Куюрчи прекратились. Дотла он сгорел на пламени костра...

ХИТРЫЙ АРГЫНАК

Э то было раньше нашего поколения, позже первого поколения людей. На берегу белого моря, у подножья высокой горы жил Аргынак. У него не было одежды, чтобы надеть на себя. У него не было еды, чтобы есть. У него не было даже собаки, чтобы ходить на охоту. Губы его жены потрескались, потому что она долго не ела жирной пищи, не ела мяса.

Однажды весной женщина сказала мужу:

— Иди на охоту!

Аргынак подумал: «Как же я буду охотиться, если у меня нет ружья и другого снаряжения?» Но все-таки стал собираться. У порога дома лежал старый топорик. Он взял его. Походил по углам, нашел конские волосы, из них сделал десять силков и направился в горы.

Поднялся на вершину, поставил силки и со всего размаха ударил обухом топора землю. К нему подошел медведь и спросил:

— Зачем ты стучишь по земле?

Аргынак ответил:

— Земля больная. Я ударил, чтобы вышибить хворь. Медведь подумал, подумал и сказал:

— У меня болит живот. Вышиби мою боль, человек!

Аргынак ему в ответ:

— Как я стану бить по твоему животу, не боясь твоих когтей и острых зубов?

Медведь дал совет:

— Сперва забей в землю четыре кола. Заднюю левую мою ногу привяжи к переднему левому колу. Заднюю правую мою ногу привяжи к переднему правому колу. Переднюю левую мою ногу привяжи к заднему левому колу, переднюю правую ногу привяжи к заднему правому колу. И тогда бей мою голову обухом топора. Как только я скажу: «Хватит!», прекрати меня бить.

Аргынак сделал, как советовал ему медведь. Вбил четыре кола на аршин глубиной и привязал к ним лапы тупохвостого, положив его вниз мордой. Потом острием топора ударил медведя по голове. Брызнула кровь. Тупохвостый заорал: «Хватит!» Аргынак добил зверя.

Потом снял шкуру, отрезал куски мяса, положил в мешок и понес домой. По пути проверил силки. Девять из них оказались пустыми, в десятую попала лиса. Аргынак привязал хищницу на веревочку, как щенка, и повел за собой.

Жена, увидев его с добычей, обрадовалась, хотела поцеловать. Аргынак не стал целоваться, потому что у жены потрескались и

кровоточили губы от постной пищи. Он привязал лису к оградке, стал доставать мясо из мешка. Жена отобрала самые жирные куски, нарезала, положила в казан и стала варить. У супругов не было сил дожидаться, когда сварится мясо. Они до отвала наелись полусырого и легли спать.

Сон был коротким. Первой на улицу убежала жена. Потом побежал Аргынак. Потом они бегали по очереди. Если домой забежала жена, то на улицу выскакивал муж. Иногда во двор они выбегали вместе. Так и пробегали всю ночь. Только под утро уснули.

У Аргынака были три свояка. Все они жили богато. Держали много скота и отличались большой скупостью. Их жены захотели свежего мяса дикого зверя. Они послали мужей на охоту в горную тайгу. Три недели свояки бродили по горам. Из носа мыши не пролив кровинки, вернулись домой.

По аалу прошел слух о том, что Аргынак добыл медведя. Свояки узнали об этом и заявили в гости к родственнику, которого не видели много лет.

Дверь открыв, они поздоровались, порог переступив, поприветствовали:

— Эзе, Аргынак! Говорят, ты большого зверя добыл?

— Зверей добываю не я, — ответил Аргынак! — Вы видели у оградки моего когигежима. Он ловит медведей, перехватывает горло зубами, душит и приносит домой.

Аргынак угостил свояков свежатиной. Гости от обильной еды вспотели. Чтобы остыть, они вышли на двор и увидели лису, привязанную к оградке веревочкой.

— Ну и когигежим! Как он прекрасен! — заговорили свояки. Походили вокруг лисы, подергали за хвост, попросили Аргынака:

— Продай!

— Как же я продам своего кормильца! — возмутился хозяин. Свояки стояли на своем:

— Продай, продай!

Торговались, торговались. Наконец Аргынак уступил. Отдал лису за пятьдесят целковых. Свояки повели домой покупку. Аргынак сказал вслед:

— Через три версты накормите когигежима. Если он будет есть, значит пожелал отправиться на промысел. Если откажется от пищи, то это значит, что он и не собирается идти на охоту.

Братья отъехали три версты, дали лисе хлеба. Она отвернулась. Тогда хозяева отпустили когигежима. Лиса убежала в лес без оглядки. Свояки уселись на полянке и стали ждать, когда когигежима принесет в зубах медведя. Они ждали до вечера. Лиса так и не вернулась.

Между тем Аргынак налил кровь в кишки медведя. «Сосуд» привязал к шее жены, которую положил под кровать, и стал наставлять, как вести себя, когда приедут свояки. Я закричу тебе: «Как долго ты спишь? Разве тебе не хватает ночи? Вставай, накрывай на стол, угощай

гостей!» Ты выберешься из-под кровати. Я подойду к тебе, обругаю и ножом слегка задену за кишки. Кровь брызнет и обольет тебя. Ты падай на колени, согнись, растянись на полу и лежи тихо, будто умерла. Я тогда достану брусок и начну точить нож, приговаривая: «Ты убиваешь, мой нож и ты же воскрешаешь!» Как только я проговорю так, ты встанешь, обмоешься, приведешь себя в порядок и накроешь стол едой. Свояки посмотрят на тебя, у них пройдет гнев, они успокоятся.

Так и получилось. Поздно вечером приехали злые от неудачи братья. Не дав им открыть рта, Аргынак закричал жене:

— Вставай, скорей выходи! Спишь ночью, спишь днем, когда только выспишься, лежебока!

Та выскочила из-под кровати. Аргынак подбежал к жене, полоснул ножом по шее. Хлынула кровь.

Жена согнулась, потом растянулась на полу. Три брата, увидев убийство, испугались.

Но Аргынак достал брусок, стал точить нож и приговаривать:

— Ты, мой нож, убиваешь и воскрешаешь!

Только произнес эти слова, жена Аргынака встала, пошла, умылась и стала накрывать стол.

У свояков от изумления язык отнялся. Потом они сели за стол, стали есть мясо и расспрашивать Аргынака:

— Что это за нож у тебя?

— Особенный! — отвечал Аргынак. — Когда им чиркну по шее жены, она делается здоровой, бодрой и доброй, будто обновляется!

— Продай нам свой нож с бруском? — стали просить братья.

— Как я продам? Если продам, как буду лечить жену?

Но братья так настойчиво просили Аргынака, что он не устоял, отдал свой нож и брусок. Гости довольные уехали.

Прошла неделя. Аргынак с женой отправились в гости к своякам. Долго добирались пешком. Наконец поднялись на свистящий горный перевал. Оттуда увидели многочисленные стада. Богатство братьев вызвало чувство восхищения у Аргынака. Он с женой зашел в дом старшего. Тот загнал жену под кровать и закричал:

— Выходи? Чего ты так долго спишь?

Жена выбралась из-под кровати. Муж подбежал к женщине, ударил ножом по шее. Она упала и умерла. Как ни пытался старший брат оживить свою супругу, но не смог.

Аргынак и его жена быстренько ушли. Они заявили к среднему брату. Тот поступил со своей женой, как старший. Аргынак пошел к младшему. Третий брат тоже зарезал свою жену, тоже не смог оживить.

Аргынак с женой вернулись домой, дивясь глупости братьев. Через три дня к ним приехали свояки с кожаным мешком. Они решили туда посадить Аргынака и сжечь на большом костре.

Три брата схватили Аргынака, положили в кожаный мешок, сами пошли за дровами. В это время по дороге проезжал купец на красном скакуне. Конь, увидев мешок, отскочил в сторону и остановился, не идёт дальше.

Седок соскочил с коня, подошел к мешку, потрогал:

— Кто там?

— Я в мешке! — ответил Аргынак.

— Что делаешь? — спросил купец.

— Лечу свои глаза. Полежу немного в мешке, мои больные глаза заживут.

Проезжавший купец оказался одноглазым. Ему захотелось вылечить свой незрячий глаз. Он развязал мешок и предложил поменяться местами. Аргынак согласился.

Купец разделся, забрался в мешок, который крепко завязал Аргынак. Сам переоделся в одежду купца, вскочил на коня и галопом ускакал подальше.

Братья вернулись с дровами, развели костер и сожгли мешок. Когда они отправились домой, навстречу выехал Аргынак на иноходце, спешился и сказал братьям:

— В тридцати верстах отсюда я встретил ваших жен. Они гонят водку и живут на берегу моря, пьют и веселятся. Они дали мне лошадь и послали меня к вам.

Братья обрадовались, захотели увидеть своих жен и стали просить Аргынака показать дорогу к ним. Тот согласился. Отъехав немного, Аргынак сказал:

— Доберемся до кипящего озера. Надо будет через него перепрыгнуть. А там до моря рукой подать.

Доехали до кипящего озера. Остановились возле высокой ели. Аргынак сказал:

— Теперь каждому надо забраться на вершину дерева и оттуда прыгать через озеро. Жены с вином ждут вас.

На ель полез старший брат. Прыгнул, упал в озеро, стал тонуть и поднял одну руку вверх. Увидев это, Аргынак сказал:

— Старший брат машет рукой, зовёт вас!

На дерево взобрался средний брат, прыгнул с высоты, упал в кипящее озеро и тоже поднял руку. Аргынак сказал младшему:

— Видишь, твой брат одной рукой черпает и пьет вино, второй приглашает тебя к себе.

Прыгнул в озеро младший. Все трое утонули. Аргынак вернулся домой и остался жить. Он по сей день живет, богатство наживает.

АЙ-ТАМАШ

Давным-давно в одном аале жила одна женщина. Однажды она пошла по ягоды. Там ей вдруг встретился медведь. Медведь схватил женщину, потащил её с собой и поместил внутри скалы, а вход запер камнем. Не выпуская её оттуда, кормил мясом. Так женщина долго прожила внутри скалы.

Тем временем у них родился сын. Ребёнок получился наполовину покрытым бурой шерстью, наполовину — без шерсти. Питаясь исключительно только мясом, он становился всё сильнее и сильнее.

Мать учила его тому, как выбраться из заточения и дойти до её родных мест, однако не хватало ещё силы, чтобы отвалить камень, запирающий вход в скалу. Мальчик однажды попробовал отвалить тот камень, но — тщетно. На второй год снова попробовал. Опять не получилось. А медведь время от времени всё приходил, приносил мясо, кормил их, а уходя, запирали вход огромным камнем.

И вот мальчик наконец обрёл свою силу. Он спрашивает у своей матери: — Назови моё имя? Мать стала думать, какое имя ему дать. Думала-думала и надумала назвать его Ай-Тамашем. Поскольку мать его так назвала, мальчик подумал: «В таком случае, стану-ка я Ай-Тамашем». Потом Ай-Тамаш говорит: «Я обрёл свою силу, поэтому теперь попробую-ка я отвалить камень.» Первый раз надавил на камень — он лишь чуть-чуть шевельнулся, второй раз надавил — огромный камень немного передвинулся, в третий раз надавил — камень откатился в сторону. И мать с сыном выбрались с той пещеры и побежали в родные места матери.

Медведь пришел и увидел, что пещера пуста. Он погнался за беглецами и вскоре догнал их. Привёл их назад и снова запер в пещере, а сам опять отправился на охоту.

Мать с сыном поели, полежали, отдохнули. Потом Ай-Тамаш встал и снова отодвинул камень. Они вышли наружу и побежали. Вскоре они достигли материнского аала.

Медведь приходит и снова видит, что в берлоге нет его людей. Он сразу же пришел к аалу, но, испугавшись собак и людей, ушёл ни с чем.

Ай-Тамаш со своей матерью в аале прожили около двух лет. Задумал Ай-Тамаш пойти на охоту, сделал себе лук и стрелы. Говорит матери: «Завтра утром до восхода солнца пойду на охоту». Утром он встал и ушёл на охоту. Там ему встретилась косуля. Убил её. Возвращаясь, наткнулся на лося, которого тоже убил. Всю свою добычу принёс домой.

Через семь дней он снова отправился на охоту. Шёл-шёл и увидел, что некий человек поднимает скалу, взваливает себе на плечи, а потом с

плеч ту скалу опускает на прежнее место. И так несколько раз. Ай-Тамаш подходит к нему и спрашивает:

— Ты зачем скалу сначала взваливаешь себе на плечи, а потом опускаешь её на прежнее место?

— Я хочу узнать свою силу,— ответил тот.

— Если я тебя схвачу и брошу, ты умрёшь.

— Не убивай меня. Я тебе ещё пригожусь.

— В таком случае пошли вместе охотиться.

Ай-Тамаш с Поднимающим Скалу пошли вместе. Мало ли, много ли шли, увидели, как некий человек целое озеро быстро выпил, а потом назад вырыгнул. И так несколько раз. Они подходят к нему и спрашивают:

— Ты зачем озеро сначала выпиваешь полностью, а потом его назад вырыгиваешь?

— Учусь выпивать как можно больше воды,— ответил тот. Потом спросил: «Вы куда идёте?»

— Мы вдвоём идём на охоту. А ты с нами пойдёшь или нет?

— Как же мне не идти, конечно, пойду.

Теперь они пошли втроём, прихватив с собой Пьющего Воду. Шли-шли и пришли на одно широкое поле. Увидели, что на том поле пасутся быки, коровы и овцы. Решили там переночевать. Закололи одного быка, сварили, поели и уснули. Утром проснулись, снова поели и решили построить здесь дом. Построили его и зажили.

Ай-Тамаш говорит: «Этих быков, коров и овец мы будем охранять по очереди: первую ночь — один, вторую ночь — второй, затем — третий.» Первым стал пасти Ай-Тамаш. Те двое уснули, а Ай-Тамаш всю ночь глаз не сомкнул, сторожил скот. Сторожит и считает-пересчитывает животных. Утром разбудил их, а сам завалился спать. Перед этим сказал: «Приготовьте поесть.» Эти двое приготовили поесть, разбудили Ай-Тамаша и все вместе пообедали. Теперь Ай-Тамаш говорит: «Ты, Пьющий Воду, останешься здесь, а мы с Поднимающим Скалу пойдём сходим на охоту. Ты же здесь сторожи скот и вещи.»

Ай-Тамаш с Поднимающим Скалу отправились на охоту. Пьющий Воду вдруг видит: с горы идёт к нему великан. Подошёл и сказал: «Э - э - э моя горячая печень, моя горячая пища сама, оказывается, просится в мои руки!» Великан схватил Пьющего Воду, с его ног отрезал длинный кусок мяса, съел и ушёл восвояси. Пьющий Воду с огромным трудом добрался до своего дома и там лёг. Вечером Ай-Тамаш спрашивает у него: «Ты что лежишь, заболел что ли?»

— Громаднейший человек приходил, с моей ноги срезал мясо, съел и ушёл,— ответил Пьющий Воду.

Легли, уснули. На следующее утро Ай-Тамаш оставляет Поднимающего Скалу. Сам с Пьющим Воду отправляется на охоту. Поднимающий Скалу вдруг видит: с горы спускается великан. Подходит к нему и говорит: «Моя горячая печень, моя горячая еда сама здесь,

оказывается!» Великан хватает Поднимающего Скалу, срезает с него боковое мясо, съедает и уходит восвояси.

Вечером, когда Ай-Тамаш и Пьющий Воду возвращаются с охоты, застают своего друга лежащим на полу. Ай-Тамаш снова спрашивает:

— Что случилось?

— Приходил громаднейший человек, с моего бока срезал всё мясо, съел и ушёл,- ответил Поднимающий Скалу.

Поели, легли и уснули. Утром встали, поели, Ай-Тамаш говорит:

— Теперь вы вдвоём идите на охоту, а я останусь здесь.

Поднимающий Скалу и Пьющий Воду ушли на охоту. Ай-Тамаш вышел из дому, походил и вдруг видит: по направлению к нему с горы спускается великан. Великан подходит и говорит:

— Моя горячая печень, моя горячая пища сюда, оказывается, пришла!

— Тебе что здесь надо? - спросил Ай-Тамаш, но великан, ничего не говоря, схватил его. Ай-Тамаш в свою очередь схватил великана, оторвал от земли, понёс и привязал к громадному засохшему кедру. Потом вернулся домой, приготовил поесть и стал ждать возвращения своих друзей. Вечером друзья вернулись, Ай-Тамаш их накормил. Потом Пьющего Воду вызвал на улицу и говорит ему: «Я тут привязал одного человека, не хочешь ли посмотреть на него?»

— Покажи,— ответил Пьющий Воду.

Они вдвоём пошли, Пьющий Воду посмотрел на того человека и сказал: «Это тот, тот самый, который с меня срезал мясо!»

Теперь Ай-Тамаш попросил Пьющего Воду, чтобы тот прислал к нему Поднимающего Скалу.

Поднимающий Скалу пришёл, посмотрел и сказал: «Это тот, тот человек, который съел мясо, срезав его с моего бока!»

Потом три друга вернулись домой, поели и легли спать.

Утром приходят к кедру и видят, что привязанный великан вырвал кедр с корнем и с ним ушёл. Три друга бросились за ним в погоню, скоро догнали. Ай-Тамаш схватил великана так, что веревки разорвались, поднял его вверх и ударил об тот же кедр. Душа великана вышла вон.

Три друга вернулись к себе домой, стали пасти свой скот и радоваться жизни. Они, может быть, живут до сих пор.

**Сказки о животных
и птицах**

КОВАРНЫЕ БАРСУКИ

Как-то лисичка на охоте поймала двух рябчиков, положила их на плечо и зашагала домой. Тут пошёл дождь. Стало лить, как из туча. Лисичка сразу вымокла. Проходя мимо скалы, она увидела чернеющую дыру. Это было жильё барсуков, нечистых на руку. Остановилась лисичка возле норы, задумалась: «А вдруг барсуков в ней окажется много. Отберут мою добычу и отпустят домой с пустыми руками».

Но лисичка так продрогла, так нуждалась в тепле, что решила всё-таки постучаться в дверь норы.

— Эй, соседи, откройте! Погибаю от дождя.

Барсуки пустили к себе гостью. Лисичка рассказала о дожде, о трудностях охоты. Хозяева не особенно внимательно слушали её. Их волновал запах рябчиков. Пошептавшись, они сказали:

— Ложись, лисичка, спать. Мы тоже сегодня, глядя на такую погоду, не пойдём на охоту.

Лисичка положила под голову рябчиков вместо подушки, растянулась на лавке и уснула мёртвым сном.

Утром, когда солнце вышло из-за гор, проснулась она и видит, что рябчиков нет под головой, а барсук и барсучиха ходят вокруг и посмеиваются.

Лисичка сделала вид, что не заметила кражу рябчиков. Поднявшись с лавки, стала расхваливать детишек барсуков. Такие-же они умненькие, такие добрые, потому что родились от правдивых и честных родителей. А потом вдруг спросила:

— Дети, где я вчера положила своих рябчиков?

Растроганная барсучиха принесла и подала рябчиков хитрой лисичке. Та поблагодарила барсуков за гостеприимство и спокойно пошла домой.

НЕНАСЫТНЫЙ БАРАН

Жили-были дед со старухой. У них было три дочери: младшая, средняя, старшая. Семья имела стадо баранов. Вожаком был ненасытный баран.

В первый день пошла пасти стадо старуха. Целый день пасла, а вечером пригнала домой. Пришёл дед с топором и спросил Ненасытного барана:

— Наелся, напился ли ты?

Баран ответил:

— Нет.

И тогда зарубил дед старуху.

На второй день пошла старшая дочь пасти стадо. Целый день пасла, а вечером пригнала домой.

Пришёл дед с топором и спросил Ненасытного барана:

— Наелся, напился ли ты?

Баран ответил:

— Нет!

Тогда дед зарубил старшую дочь.

На третий день пошла средняя дочь пасти стадо. Целый день пасла, а вечером пригнала домой.

Пришёл дед с топором и спросил:

— Наелся, напился ли ты?

Баран ответил:

— Нет!

Тогда зарубил дед среднюю дочь.

На утро пошла пасти стадо младшая дочь. Пригнав стадо на луг, первым делом она стала бить барана, приговаривая:

— Я тебя кормлю и пою, а ты всё равно говоришь деду, что голоден!

К вечеру пригнала стадо домой.

Пришёл дед с топором и спросил у Ненасытного барана:

— Наелся, напился ли ты?

Баран ответил:

— Нет!

Тогда зарубил дед младшую дочь.

На утро пошёл дед сам пасти стадо. Целый день пас, а к вечеру пригнал стадо домой. И спросил у Ненасытного барана:

— Наелся, напился ли ты?

Баран ответил:

— Нет!

Тогда ударил дед барана топором и разрубил пополам. Одна часть осталась лежать у ног деда, а другая убежала в лес и спряталась в норе у лисы.

Пришла лиса и спросила:

— Кто у меня в норе сидит?

— Это я, баран ненасытный! — ответила половина барана.

Лиса убежала в лес и позвала медведя, волка и зайца.

Вот они пришли к лисьей горе, заяц спросил:

— Кто у лисы в норе сидит?

— Это я, баран ненасытный! — ответила половина барана.

Подошел волк к норе и спросил:

— Кто у лисы в норе сидит?

— Это я, баран ненасытный! - ответила половина барана.

Подошёл медведь к норе и спросил:

— Кто у лисы в норе сидит?

— Это я, баран ненасытный! - ответила половина барана.

И тогда волк и медведь разорвали барана.

ЖАДНОСТЬ ЛИСЫ

Жили старик и старуха. Жили очень бедно. У них были петух да собака, больше никого не было. Да и тех они путём не кормили, нечем было.

Однажды собака говорит петуху:

— Мой друг, уйдём в лес. Здесь нас не могут прокормить хозяева.

Собака и петух ушли в лес. В лесу они ходили до позднего вечера и не могли найти места для ночлега. Потом собака залезла в дупло дерева, а петух сел на ветку и устроился на ночь.

Перед рассветом петух запел:

— Ку-ка-ре-ку!

Голос петуха услышала лиса, захотела съесть петуха, поэтому она подошла к дереву и сказала:

— Ай да петух! Я не видела такого петуха! Какие крылья, какой голос, какой гребешок! Спустись ко мне?!

— Зачем спускаться? — спросил петух.

— Пойдём ко мне в гости. Я живу теперь на новом месте, тебе заготовила много зёрен. — сказала лиса.

— Один я не пойду. У меня есть товарищ, позови его.

Лиса подумала: «Вместо одного у меня будут на ужин два петуха». Она спросила:

— Где твой товарищ?

— В дупле дерева.

Лиса заглянула в дупло. Собака поймала её за горло и задавила.

В МУТНОЙ ВОДЕ — САМ ПОПАДЁШЬ

Щука захотела поймать ельца. Она замутила воду грязью. На это место пришли рыбаки. Они закинули сеть. В мутной воде щука не увидела сеть и попалась рыбакам.

ЧТО БЫЛО, ТО ПРОШЛО

В тине озера жила щука. От старости у неё выпали зубы. Ни шевелиться, ни плавать не могла она. Елец плавал, задевая щуку своими плавниками. Щука подумала: «В мои молодые годы если бы ты плавал так, то давно был в моем желудке».

Легенды

ОТЧЕГО БАРСУК ЖИРНЫЙ

Пурун, пурун, полтур, — начала бабушка Орекен. — В дремучей тайге жил-был один медведь. Шибко старым он стал по кедром лазить, шишек добывать уже не мог. И вот он идёт, бредёт по буреломам, обросшей тайге и глядит на кедры, на каждой ветке которых шишки прямо гнёздами сидят. Смотрит на них и слюну глотает, ворчит при этом.

— Ох, жалко, жалко, что старый стал! Сколько в свой век я этих шишек покушал! Пусть бы другие старели, только не я! Ух! Какими высокими стали кедры, лазить моченьки нету. Кто мне поможет шишки достать?

Вдруг, подняв хвостик торчком, навстречу прибежал к нему полосатый бурундук.

— О, бурундучок, бурундучок, лёгкий браток, залезь-ка на кедр, спусти-ка мне шишек да побольше. Я благослаблю тебя, — попросил медведь.

— Цик-цак, цик-цак! На тебе пшик! Мне самому мало шишек! Зима близко, свои закрома заполнять надо! — ответил бурундук и полез на кедр. Рассерженный медведь мохнатой лапой схватил бурундука, царапнул его по спине, а там, где царапнул, от когтей полосками кровь запеклась. От того стал всегда полосатым бурундук. Пошёл медведь дальше.

— Кы-ы-ы-к! Кы-ы-ы-к! — послышалось вверху. Это был крик чёрного дятла. Прилетел он, сел на макушку кедра, острым клювом стал стучать и долбить, шишки добывать. Глянул медведь на птицу и сказал:

— Эзе, чакши птица! Пожалей меня, старика, хоть ты. Спусти-ка шишек да побольше. Накорми меня и сам поешь. Я, хан тайги, благослаблю тебя.

А птица в ответ:

— Крк, крк! Если тебе надо, сам залезь! Сам залезь! Крк, крк!

И полетел. Медведь в след заворчал:

— Кара сайда карара кат! Сарыг сайда саргара кат! Когда шишки тёмно-зелены, до черна высыхай! Когда шишки желты — желтее высыхай. От его проклятия чёрный дятел стал всегда тощим, никогда не жиреет.

Пошёл дальше медведь, встретил барсука и сказал ему:

— Эзе, барсук, безобидное животное! Ты, браток, лёгок, залезь-ка на кедр, спусти побольше шишек, я и ты наедемся вдоволь.

— Эх, дядя медведь, хан тайги! Много шишек на кедрах, мне тоже хочется поесть, но кедры уж очень высоки, залезть моченьки у меня нет,

лазить по ним я не создан. А ты не тужи, мой дядя, мой хан. Вот-вот скоро буйный ветер ворвётся в тайгу, покачнёт верхушки кедров, шишки сами повалятся на землю, ну и покушаем вдоволь мы оба, а пока, сядем вот рядком и подождём ладком.

Сели они рядом и стали ждать ладком. Ждут день, ждут два, а ветра нет. Шишки как сидели на деревьях, так и сидят. На третий день откуда ни возьмись тёмные тучи появились на небе, всё небо заволокли, солнце затенили. Загремел гром, засверкала молния. Буйный ветер, бушуя, ворвался в тайгу. Верхушки кедров, как колыбели, закачались. Полил дождь, как из ведра, а шишки повалились, как град. Подошвы кедров

осыпали, словно камушками. Наелись друзья, напились вдоволь и дождём омылись.

Медведь сказал:

— Какой ты, смекалистый барсук, браток! Спасибо тебе за это!

И вырвал от себя часть сала, подал барсуку. От того, говорят, барсук всегда жирный.

КУКУШКА

Когда-то кукушка была красивой девушкой по имени Какук. Был у неё брат Пасюк. Дружно жили сестра и брат. Пришло время, брат женился. Соседи говорили:

— Хорошая у тебя жена.

Не успеет утром Пасюк посмотреть на солнышко, как жена уже на стол талкан с мёдом ставит. Потом ичиги и халат подносит. Когда он соберётся на охоту, продукты даст, дверь откроет. Днём всё в окно глядит, ждёт мужа. Если он задержится, жена вся изведётся и вздыхает, как больная.

Однажды Пасюк не вернулся с охоты. Погоревала жена три дня и три ночи, потом грустить перестала.

А Какук от горя похудела, только о Пасюке говорила:

— Вот здесь он сидел, огонь добывал, ударяя огнивом о камень. Нож у него был такой острый, что мог срезать кедр.

— Апу! — удивлялась вдова. — Ты, Какук, ничего об охотниках не знаешь. У них на каждом шагу опасность. Если зверь не задрал, то со скалы сорвался или заболел в тайге.

Услышав это, Какук заплакала, а вдова ещё говорит:

— Смерть по пятам за охотником ходит, ничего удивительного в том, что она настигла Пасюка.

Заболела девушка, слегла в постель. Невестка стала перед зеркалом крутиться, прихорашиваться, на парней из окна поглядывать.

Между тем солнышко на небе поднималось выше и выше, жарко становилось. Больная попросила воды. Невестка сказала:

— Подожди, брови подведу.

Какук не могла ждать. Она превратилась в птицу и заметалась по комнате, пытаясь вылететь через окно в тайгу на поиски брата.

Невестка схватила её за ногу. Но птица вырвалась, оставив на руках невестки перья. Вот почему одна нога у кукушки голая. Поёт она грустно о себе, о брате.

Ка-кук — это я сама.

Па-сюк, Па-сюк — это брат мой.

Какук ищет брата, зовёт его, свое гнездо не строит. Нет у неё детей. Ведь она была девушкой.

МРАС-СУ и КАРА-ТОМ

Было это очень давно, когда, нагромождаясь, выросли горы и между ними, разливаясь, потекли большие и малые реки. Там, где на утренней стороне к восходу солнца стояли плечом к плечу Абаканские горы, выросла и похорошела скала Кабусь. Днём она белела, как кандык, а ночью сверкала ярче серебра.

Однажды красавица Кабусь, изумив родных и знакомых, от жарких лучей солнца родила дочь. За синие глазки и спокойный нрав ей дали имя Мара-зас, что значит кроткая. А люди стали называть её ласково Мрас-Су.

Новая речка росла смирной, её плача никто не слышал, её капризов не видел. Она текла без волнения, тихо напевая:

У меня бессмертный дед Пус-Таг.

У меня славная бабушка гора Огудун.

Шли годы. Мрас-Су стала взрослой. В третью весну она услышала в стороне, где восходит солнце, сильный и могучий голос Кара-Тома.

Любимая страна моя!

Вы, голубые горы!

Дайте дорогу к реке Мрас-Су.

Я хочу слышать и видеть её.

— Рада бы к тебе, Кара-Том, но, послушай, о чём шумят и гудят мои братья Абаканские горы, — говорила Мрас-Су.

— Куда ты рвешься, сестрица? — гудели братья. — Теки на восход, по степи Олен-чазы, где живёт племя Аба. От столицы Аба-хана уйдёшь прямо в объятия к седому старику Хему. Он, увидев тебя, молодую и красивую, запляшет от радости на одной ноге. Хем-труженник. У него будешь жить в достатке и в губы не дуть.

— Не ходи к Хему! — грозно молвил Пус-Таг. — Что может быть общего у молодой девушки со старым? Теки, внучка, лучше к стройному Бию на запад. Он — делец. У него спокойная натура. Ты, внучка, тоже спокойная. У вас жизнь будет течь ладно.

— О, не ходи к Бию! — зашумела бабушка Огудун. — Он такой медлительный, на ходу спит. Век с ним длинным покажется. Лучше ступай к Кара-Тому. Где любовь, там и свет.

— Я знаю, куда мне податься, — сказала Мрас-Су и весело погнала свои волны. Кто бы ни глядел на молоденькую речку, тот замечал, какие у неё спокойные и длинные волосы. На каменистых перекатах не слышно большого шума. Течет она, нежно поблескивая на солнце, как подобает скромной девушке.

И вот однажды ясным днём вдова Манак-гора разлеглась перед Мрас-Су, чтобы пошептаться с Шаман-горою.

Воды Мрас-Су разлились, затопили узкие ущелья и широкие долины, согнали тысячи зверей и птиц.

Мрас-Су заволновалась, стала просить Манак-гору дать ей дорогу. Но вдова и слушать не хотела. Она прижималась к щеке Шаман-горы и ласковыми словами называла его.

Время летело. Мрас-Су билась в западне, огороженная каменными стенами Манак-горы. Девичья грудь высоко поднималась от волнения. Мрас-Су не хотелось жить ни одного дня без движения, без дела. Синие волны её шумели, катились, забирались к самым вершинам гор.

Волнение Мрас-Су слышал Кара-Том. Он не терпел тех, кто стеснял чью-то свободу. Беспощадно разрушал берега, швырял огромные камни, опрокидывал скалы.

— Перебирайся ко мне! — закричал Кара-Том. — Вместе потечем к деду Пус-Тагу, вершине земли. Вдвоем будем сильнее. Ни одна гора не загородит нам путь.

Мрас-Су, услышав Кара-Тома, осмелела и впервые в жизни завела спор с Манак-горою.

— Дай мне дорогу! — потребовала она.

Вдова спросила:

— Куда ты, девушка, рвешься? Я не позволю тебе ласкать Шаман-гору. Ты еще молодая и не знаешь, что любовью никто не делится.

— Не нужен мне твой старый Шаман, — рассердилась Мрас-Су. — Дай путь к сильному и молодому Тому.

— Фу! — махнула рукой Манак. — Что хорошего ты нашла в этом Кара-Томе. Он ничего не понимает в прелестях женщин. Катись лучше к старому Хему. Он обласкает тебя в тридцать раз крепче, чем молодой Кара-Том.

— Нет! — сердито повторяла Мрас-Су. — Не нужна мне любовь дряхлого старика.

Ещё долго бы длился спор между девушкой и вдовой, если бы не человек. Он разобрал камни Манак-горы и, обращаясь к томившейся в неволе красавице, сказал:

— Иди к своему любимому!

Мрас-Су встрепелась, заходила, забушевала, сильнее налетела на Манак-гору. Покатились огромные камни, обрушились утёсы. В этом месте появился большой порог. Люди называли его Убу, что значит бурный.

А Мрас-Су быстрее бегуна погналась к милому Кара-Тому. Они встретились ниже Альчуковского мыса. Дальше текут рядом Мрас-Су и Кара-Том, прижавшись друг другу, неразлучные навеки, весело поблескивая в лучах яркого солнца.

ПУС-ТАГ

Было это, когда горы в наших краях не такие высокие и большие стояли, как сейчас. Одна только гора в верховьях реки Бель-Су поднялась выше других на три головы. Киндик-каан звалась, каан этого края.

В те времена Киндик-каан ни на одну гору не обижался, ни на близкую, ни на дальнюю, все горы смиренные были, между собой ладно

жили, рекам к большой родне бежать не мешали. Никого Киндик-каан не тревожил, стоял он невозмутимый и сонный.

Однажды до Киндик-каана слух дошел, что в верховья реки Кондомы родилась новая гора Пус-Таг.

— Ну, чакши! — сказал Киндик-каан. — Пусть живет ещё одна гора. От этого тесно другим не будет.

— Эзе! Эзе! — закивали головой горы. — Свет большой, всем хватит земли для жизни.

Пус-Таг стал расти. Шаловливый рос. Одного соседа щелкнет, другого щипнет... Услышал об этом Киндик-каан, улыбнулся:

— Какой спрос с Пус-Тага? — говорил он. — Мал он ещё, потому-то и балованный. Вырастет большой, ума прибавится, спокойный, как камень, тогда будет.

Много-много лет прошло, даже и для гор много. Пус-Таг вырос большой и высокий. Стало ему тесно. Он то одного соседа пнёт, то другого. Постепенно всех растолкал. Дошло это до ушей Киндик-каана. Засмеялся Киндик-каан:

— Э, зачем обижаться. Всё это от того, что Пус-Таг молодой ещё, скучно ему. В такие годы все бывают горячими. Жените его — всю дурь, как рукой, снимет.

Послушались горы, в верховьях Абакана девицу-гору высватали, к Пус-Тагу привели, вскоре свадьбу сыграли.

Не успокоился Пус-Таг. Рассердились горы и опять пошли к Киндик-каану, жаловаться стали:

— Надо как-то унять Пус-Тага. Нам совсем от него покоя не стало. Женили его, а он все такой же, как шайтан. Однако скоро и тебя, Киндик-каан, начнет задевать.

Киндик-каан так захохотал, что с его груди даже камни посыпались.

— Ну, потешные же вы! Все забавляете меня. Поймите вы, малодушные, скоро у Пус-Тага дети будут. Тогда он никого больше не затронет, громкого слова никому не скажет. Ничего не надо делать. Помешкайте еще.

Горы только пожали плечами. В душе они не согласны были с Киндик-кааном, но на словах не сумели возразить. Разошлись по своим местам.

Через несколько лун родились у Пус-Тага дочь Манак и сын Огудун. Пока дети маленькие были, Пус-Таг со всеми в мире жил. А годы захватывались в клубок времени.

Дочка Пус-Тага в отца своенравной росла. Когда большая стала, ни с того, ни с сего поперек реки Мрас-Су вдруг легла. Вода с трудом под ее каменным поясом пробивалась.

— Почто так делаешь, Манак? — шумела Мрас-Су. — Мне надо скорей к братьям и сестрам бежать. Меня дед Талай ждет. Ты сама видишь,

что твой отец меня и так стеснил. А теперь еще ты поперек легла. Пропусти меня.

Но Манак даже слушать не хотела Мрас-Су. Мрас-Су напрягла все силы, чтобы пробиться. Но все было напрасно. Манак только смеялась. Наконец это заметил отец Пус-Таг.

— Что это ты делаешь, дочь Манак? Зачем реке дорогу загородила? — спросил он и сверкнул глазами.

Ничего не ответила отцу Манак, ещё дальше поперек реки протянулась.

— А, так тебе и отец не указ?! — закричал Пус-Таг, в гневе вытащил кривую саблю, размахнулся и перерубил свою дочь пополам там, где билась и ревела Мрас-Су.

От этого удара на реке Мрас-Су до сих пор большой порог остался. Отвернулся от дочери Пус-Таг, на сына Огудуна глянул. А Огудун спиной к отцу стоял...

— Что всё на восход глядишь? — спросил Пус-Таг. — Не задумал ли ты к Киндик-каану уйти?

Огудун не пошевелился, ни слова в ответ отцу.

— С тобой я говорю, сын! — громко крикнул Пус-Таг.

Огудун молчал.

Совсем рассердился Пус-Таг и саблей ударил сына по шее. Загремели камни, голова Огудуна скатилась на землю.

Вот почему Огудун и теперь с тупой вершиной стоит. А голова его — большая гора Кара-Таг стала называться. Услышав про это, встревожился Киндик-каан: «Зря я, наверное, столько воли Пус-Тагу давал... Однако никто с ним теперь не справится».

Стал вытягиваться Киндик-каан, глядеть через горы на Пус-Тага. Заметил это Пус-Таг и в большую голову Киндик-каана чугунной стрелой прицелился.

— Ах, — подумал Киндик-каан, — врасплох захватил меня Пус-Таг. Знал бы я раньше, не допустил бы этого.

Тут крылатая стрела Пус-Тага прилетела со свистом и разбила голову Киндик-каана пополам.

— Какой же ты каан, если со мной сладить не мог. Пусть отныне имя твоё будет просто Поднебесный Зуб, — сказал Пус-Таг и железный лук опустил. Потом оглянулся и увидел — один остался. Дочь перерубил, сын без головы, жена с горя обратно на Абакан убежала.

— Э-э! Что же я наделал!.. — схватился за голову Пус-Таг и впервые, наверное, в своей жизни задумался. Так тяжело думал, что голова его совсем белой стала.

Посмотрите, и ныне гора Поднебесный Зуб с раздвоенной вершиной стоит, а Пус-Таг — горячая голова — зимой и летом белую шапку из толстого льда не снимает, охлаждает себя, чтобы новых бед не натворить...

ЖЕЛЕЗНЫЙ СТОЛБ ПОСРЕДИ ЗЕМЛИ

Давным-давно это было. С наших краёв в сагайские степи шли два богатыря. В пути спорили.

Один из них говорит:

— Я подниму землю и удержу её.

Второй хвалится:

— От моего удара закачается небо.

Так они шли и спорили, кто из них сильнее. Вдруг они встретились с одним седым стариком там, где лежала переметная сумка, что кладётся по обе стороны седла.

Старик, обращаясь к этим двум богатырям, сказал:

— Вы помогите мне поднять эту сумку, положить на спину моего коня, тогда я узнаю, кто из нас действительно сильный.

Первый богатырь хотел поднять сумку и положить на спину коня, но не смог. Второй богатырь поднял сумку и положил на спину коня старика.

Старик сказал этому богатырю:

— Ты родился слишком рано. Истинно сильным богатырём являешься ты. Здесь я превращу тебя в железный столб и воткну в самую середину земли. Когда столб превратится в ржавчину, тогда ты родишься вновь, это будет твоё время.

Старик превратил богатыря в железный столб и глубоко воткнул его в землю.

С тех пор этот столб там и стоит, обозначает середину земли. Стоит на горе Абыган.

КАК ЧЕЛОВЕК ХОЗЯИНОМ ЗЕМЛИ СТАЛ

Давным-давно, когда и людей-то на земле было мало, в реке жил сильный да страшный хозяин воды. Часто он наверх выплывал, хватал всех с берега и уносил к себе в глубокие омуты. Люди боялись хозяина воды: в речку подарки бросали. Думали, добрее станет, да не тут-то было. Лютовал он по-прежнему.

И вот однажды смелый рыбак нашёлся:

— Хватит терпеть, нужно хозяина воды победить.

Рыбак кинул в воду большую сеть. Хозяин воды вылез и спросил:

— Что это ты делаешь, мужик?

— Хочу своей сетью всю рыбу выловить.

Закричал хозяин воды:

— Не дам я тебе ни одной даже самой малюсенькой рыбки!

— Да я тебя и самого на берег вытяну сетями, — сказал рыбак.

— Так нечестно! Давай бороться. Тот, кто победит, хозяином воды будет! — кричал хозяин воды.

Стали они бороться. Долго боролись, силы у обоих были уже на исходе. Рыбак возьми да и подставь подножку, повалил хозяина воды. Да только тот не сдаётся, говорит:

— Будем бороться до трёх раз. Приходи завтра.

— Ладно, пришлю к тебе своего меньшего брата, — согласился рыбак.

А младшим братом рыбака был сам медведь. Вечером они обо всём договорились.

Утром, когда и солнце ещё не встало, пришёл медведь на берег реки, увидел там сладкую травку, стал себе жевать. Хозяин воды смотрит: склонил голову младший брат. Как крикнет водяной, испугать хотел. Да

только медведь-то не испугался. Поднимается он на задние лапы, схватились они. Долго-долго боролись. На том месте, где боролись, болото образовалось. К вечеру, к заходу солнца, победил медведь хозяина воды.

Ночью хозяин воды в глубоком омуте отдыхал, а утром снова к рыбаку выплыл. Сказал ему:

— Теперь давай, кто дальше бросит.

Рыбак согласился. Хозяин схватил свой водяной кнут и забрасывает далеко-далеко, на самое облако. Забросил и похвалился:

— Видал, как я! Сейчас дёрну, гром грянет, дождь польётся.

И правда, гром загредел, молния засверкала, кнут хозяина воды вместе с дождём в реку упал. А рыбак только посмеялся

— Я-то подальше, чем ты, заброшу.

Схватил он небольшой куст вербочки, что растёт на берегу, вырвал да с размаху бросил себе за плечо. Хозяин воды глядел, глядел на небо, ничего там не увидел. Вечер уже наступил, луна из-за гор показалась.

— Вон, видишь, моя вербочка упала туда! — показал рыбак на Луну.

Хозяин воды посмотрел на луну, увидел тёмное пятнышко.

Как было по уговору, победил рыбак три раза. Делать нечего хозяину воды, сказал:

— Вы, люди, сильнее всех на земле. Ловите мою рыбу, только меня не трогайте!

И нырнул в самый глубокий омут. Там он заполз под огромный камень. Людям с тех пор не показывается и плохое делать боится.

Так и стал человек на земле Хозяином!

ТЕМИР-ТАШ — ЖЕЛЕЗНЫЙ КАМЕНЬ

Прежде большая гора-тайга была. Зверей и птиц в той тайге было много. Белку, соболя, а также других зверей много убивали.

Семь человек охотились. Как только из балагана выходили, много разных зверей убивали. Только один из охотников не имел удачи. Он стал горевать. Обрато к балагану рано спустился, большой огонь развёл и с тоски стал играть на комусе. В это время к нему подошёл один человек. Тот человек сел у огня и сказал: «Ты играй, рассказывай сказку. Я посижу, послушаю!» Охотник хотя испугался, но сказку до конца рассказал. Гость немного посидел, послушал, потом сказал:

— Зверья-птицу ты не смог убить, оттого печалишься! Пойдём ко мне — богатым будешь!

Охотник взял ружьё и пошёл за пришельцем. Они дошли до горы, взошли на вершину и увидели, что двери горы были открыты. Оба вошли вовнутрь. Там было, как в доме, просторно и красиво. На одной половине развешаны звериные шкуры. На второй лежали большие сверкающие камни, посередине стоял чёрный котёл. В этом котле перегоняли водку. Хозяин горы набрал горячей водки и угостил охотника с добрыми пожеланиями. Угостив, охотнику в мешок насыпал сверкающие камни.

— Этот мой подарок пусть даст тебе благополучие и славу! — сказал.

Охотник взглянул на звериные шкуры и подумал: «Чем эти камни предлагать, лучше бы пушнину дал, вот тогда бы я разбогател».

Хозяин горы взял второй мешок и протянул охотнику:

— Этот шерстистый скот пусть будет твоим. Набей мешок им и носи в своё стойбище.

Охотник сколько ни напихивал в мешок звериных шкур, пушнина не убавлялась. Когда, наконец, мешок до верху набил всё-таки и завязал, то хозяин спросил:

— Сможешь ли ты унести всё? Не тяжелы ли мешки?

— Ведь я же мужчина! Эти два мешка как не смогу унести? Унесу! — ответил охотник и про себя подумал: «Только бы донести пушнину до моей земли! На что мне камни? В тайге камней много! От камней человек не богатеет! Как только из горы выйду на дорогу, мешок с камнями брошу. Звериные шкуры продам, денег выручу, богатеть стану!»

В свою землю возвратился охотник, пушнину употребил. Жизнь, хозяйство его стали улучшаться, торговать стал. Про камни, брошенные на дороге, никому не сказал... Те камни — рождавшими железо камнями были. Хозяин горы, рассердившись на неблагодарного охотника, обратно камни запрятал в гору.

Один бедный человек жил. Ходил, охотясь, по тайге и нашёл эти камни. Домой принёс, показал кругом живущему народу. Они узнали, что это камни, дающие железо. После того пошли и стали рыть гору. Рыть трудно было. Тот хозяин горы запрятал камни на большую глубину и ветром сдувал людей с горы вниз. Разрывая-разрывая гору, люди всё-таки нашли железо. Жить легче стало, но богаче не стало. Что же касается хозяина горы, сердится он или не сердится — я этого не знаю. Здесь его нет, наверное. Мы теперь в Хозяина горы не верим. Моление духу его не устраиваем.

А гора эта называется Темир-тау...

СМЕРТЬ И КУЗНЕЦ

В древние времена Смерть открыто ходила среди людей. Её голые кости белели там, где свадьба была, бега или праздник. Бродила она молча, в костлявой руке держала чёрную книгу. Кому было время умирать, смерть подходила к нему и говорила:

— Погостил на земле и хватит. Пора убираться...

Однажды, когда Смерть говорила так одному старику, подошёл кузнец Челей и обратился к ней:

— Скажи-ка, голая кость, скоро ли мне убираться с земли?

Смерть открыла свою чёрную книгу, посмотрела:

— Да, да, — сказала она. — Ешь и пей всё, что есть у тебя. Осталось тебе жить-то всего три года.

— А немножко больше нельзя? — спросил Челей.

— Ни одного денька, — буркнула Смерть и, захлопнув книгу, пошла дальше.

— Нельзя, так нельзя! — сказал Челей и продолжал жить так же спокойно, как и прежде. Не гулял, не пьянствовал, трудился как всегда.

Третий год к концу пошёл, Челей начал строить на вершине горы железный гроб с девятью замками. Он уходил утром, возвращался вечером. Домой шёл всегда вперёд пятками.

В указанный срок Смерть пришла к нему во двор. А Челей в это время спрятался от неё.

Видит Смерть, что следы Челея только в гору идут, а обратных следов на дороге нет... Начала Челея искать. Целую ночь искала, никак не могла найти. От злобы кости у неё стали ещё белее.

— Вот мне от хозяина моего, Чаячи, теперь будет!.. — бормотала Смерть. — И за то, что Челей не умрёт, меня Бог станет песком тереть.

На другой день Смерть всё ж подкараулила Челея.

— Что же ты меня путаешь? — спросила она кузнеца.

— Неужто ты, костлявая, не видишь, что я давно себе гроб подготовил? Ты не приходишь, а я причём?

— Ты путаешь свои следы, — сказала Смерть.

Кузнец привёл Смерть на гору, показал на железный гроб.

— Ты в похоронных делах хорошо разбираешься, ложись, примерься, ладно ли будет мне лежать. Может ещё что надо сделать?

Смерть посмотрела на гроб, легла в него и обрадовалась.

— Какой хороший гроб, — стала хвалить она. — Крепко и удобно сделано. Прямо не встала бы...

— Ну и не вставай! — сказал кузнец и запер Смерть на девять замков, а сам домой ушёл.

Прошло с тех пор много-много лет. Чаячи на землю с облаков смотрит и всё удивляется: растёт на земле много умных людей и никто не умирает.

Наконец ему самому боязно стало, как бы люди до него, Чаячи, не добрались. А костлявой нигде не видно. Долго смотрел Чаячи, наконец, увидел: на горе в железном гробу Смерть, обманутая кузнецом, лежит.

— Вот дура, сама попалась! - рассердился Чаячи, но спуститься на землю побоялся, велел помощнику Смерть из гроба освободить.

С тех пор Чаячи сделал Смерть невидимой, боится, как бы люди её не перехитрили и не погубили.

Только в чёрной книге Смерти стало несколько исправлений и продолжений сроков, что записи у неё никак не сходятся. Чем дальше, тем больше люди путают Смерть. Вот такими умными они стали.

Из героических сказаний

КЕСТЭЙ

Когда Кестэй был маленьким, умер его отец. Перед смертью он сказал сыну:
— Девушка, которую ты возьмёшь в жёны, дочь Члгаяка. Поедешь в её край, привезёшь оттуда, женишься на ней. Она — твоя суженая невеста.

Кестэй вырос до возраста жениха, сел на своего коня Ак-кулуна. Мать сказала ему:

— Мой сын, зачем в такую даль ехать за женой? В нашем аале, в нашем народе я найду тебе невесту...

— Нет, энэ! Раньше тебя о моей суженой сказал отец. Он говорил, что мне в жёны предназначена дочь Члгаяка. На ней надо жениться. Так он говорил мне.

Мать осталась со слезами на крыльце. Кестэй поскакал вперёд. Его конь Ак-кулун, доскакав до места Кошун, остановился перед круглым озером. Здесь он говорит:

— Эх, Кестэй, я не успел попить молока из двух сосков моей матери. У меня не хватит силы доскакать до края Члгаяка. Вернусь домой.

Кестэй остался на берегу круглого озера. Ак-кулун ускакал назад, чтобы попить молока своей матери, набраться силы. На крыльце дома стояла мать Кестэя и плакала. Из двух глаз двумя ручейками лились слезы.

Ак-кулун пососал молоко своей матери, вернулся назад к берегу круглого озера, туда, где остался Кестэй. Тот спросил его:

— Скажи, что ты видел, что нового узнал на нашей земле?

— Какие могут быть новости на нашей земле? Твоя мать как стояла на крыльце, провожая тебя в далёкий путь, так стоит там до сих пор, плачет, слезы ее льются из двух глаз, двумя ручьями текут, — ответил конь.

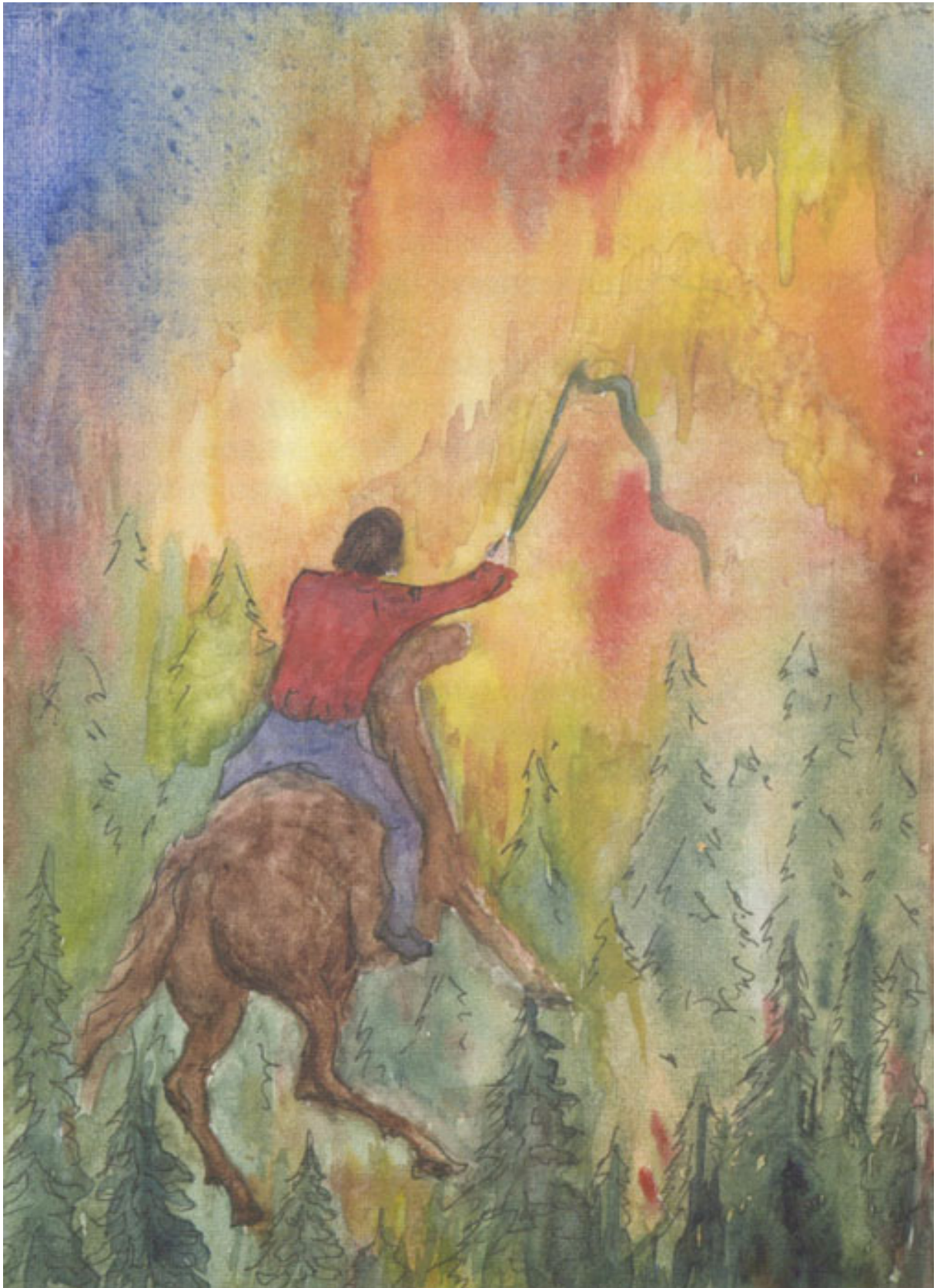
Кестэй сел на своего Ак-кулуна и поскакал дальше. В пути конь сказал Кестэю:

— Впереди нас ждут тяжёлые испытания. Нам предстоит преодолеть три препятствия.

Они ехали, ехали, долго ехали, доехали до того места, где растёт густой лес на высокой горе, которую птица, имеющая крылья, не сможет перелететь. А ехать только можно через эту высокую гору. Здесь Ак-кулун приказал хозяину:

— Держись за меня покрепче!

Конь с разбега как прыгнул, так и влетел в чащу леса на вершине горы. Выбились всадник и конь из чащи леса с большим трудом, долго

*После долгого пути перед ними показалась высокая гора, на которой
вдоль всего хребта горел огонь...*

(Сказание «Кестэй».
Рис. Л. Тупиковой.)

выбирались, наконец, выбрались. Всю одежду изодрали, почти голыми остались.

— Впереди ещё два препятствия предстоит нам преодолеть, — сказал Ак-кулун.

Ехали они, ехали, ещё одна гора возвышается перед ними. А дорога лежит только по этой горе. На ней росли колючие кустарники. Ак-кулун прыгнул с разбега, долетел до середины горы. Дальше они стали подниматься вверх с большим трудом. Поднимались, поднимались, наконец, поднялись до вершины. Когда они выбрались, тогда только увидели, что из их кожи всюду сочится кровь — все тело исцарапано колючими кустарниками.

— Второе препятствие одолели, — молвил Ак-кулун, — а как одолеем третье?

После долгого пути перед ними показалась высокая гора, на которой вдоль всего хребта горел огонь.

— Нам надо перескочить это пламя! — тяжело вздохнул Ак-кулун.

Он разбежался, прыгнул. Всадника и коня охватил огонь, оба стали гореть, но всё-таки успели проскочить, обуглившееся сбросили с себя.

— Теперь, Кестэй, поедem в край Члгаяка, — сказал Ак-кулун. — Мы преодолели все три препятствия.

Снова они ехали, ехали, до края Члгаяка доехали, остановились перед дворцом с золотыми воротами, открыли золотые ворота. К ним навстречу вышел сам Члгаяк. Выйдя, спросил:

— Откуда такой богатырь приехал, наделённый великим умом, чтобы, открыв мои золотые ворота, войти в мой золотой дворец?

Кестэй назвал своё имя и имя своего коня. Члгаяк спросил:

— Какие дела привели тебя в мои края?

— Дела молодого человека. За будущей женой приехал, — ответил Кестэй.

Гостя пригласили во дворец и вывели трёх девиц, держа их за руку...

Члгаяк спросил:

— Какая из трёх красавиц нравится? Какую ты полюбил?

— Средняя из трех красавиц мне понравилась, — ответил Кестэй.

Здесь и соединили две головы. Той устроили, попиrowали. Отец невесты спросил, обращаясь к Кестэю:

— Как ты увезёшь отсюда свою жену? — И тут же сам посоветовал. — Преврати её в золотое кольцо.

Кестэй превратил красавицу в золотое кольцо, надел на палец и, собравшись, уехал. Вокруг гор не объезжая, как стрела, прямо на свою землю он вернулся. Увидел мать там, где её оставил — на крыльце дома. Она стояла, из глаз двумя ручьями текли слезы. Кестэй подъехал к матери.

— Я, твой сын, привёз жену, — сказал.

Ослепшая от горя мать взглянула на него и ответила:

— Если ты мой сын, то моё молоко из моих двух сосцов коснётся твоих губ.

После этих слов она оставила Кестэя у порога, а сама отошла в почётный угол, вынула свои груди, надавила на сосцы. Молоко струёй брызнуло и коснулось губ Кестэя. Кестэй напился молока матери. Мать признала своего сына.

Он ударил об пол золотое кольцо, красавица-жена предстала перед ним, она понравилась матери. Девушку одели в праздничную одежду, вывели в народ. Она понравилась и народу. Устроили большой той. На нём играли, пели, ели, состязались силачи, были конские скачки. Когда пир кончился, народ разъехался. Кестэй стал трудиться. Трудясь, счастливо зажил со своей женой.

ЗОЛОТАЯ БЕРЁЗА

У подножия Чёрной горной тайги с семьюдесятью перевалами, на берегу чёрного моря с семьюдесятью поворотами разноязыкий народ расселился, разномастный скот пасется. На шести столбах золотой дворец стоит. Верх его тремя бахромами украшен. Золотой дворец, словно весенний лёд сияет, как осенний лёд блестит. Перед золотым дворцом золотая коновязь стоит, вбитая до тридцатого слоя земли. Ни один богатырский конь ее не выдернет.

У коновязи на привязи черногривый, чёрной масти конь стоит. Из двух его ноздрей пар клубится, два его глаза, словно огонь, горят. Как мельница вертится, как веретено крутится.

В золотом дворце богатырь Каан Перген живёт с женой Алтын Арыг. Каан Перген сидит за золотым столом, ест и пьёт. Алтын Арыг кормит мужа и говорит:

— Эзе, Каан Перген, ты основательно забыл моего отца, Сарыг Каана, живущего у подножия жёлтой горной тайги с восьмьюдесятью перевалами, на берегу жёлтого моря, с восьмьюдесятью поворотами, своего тестя, едущего на коне жёлтой масти, ты позабыл. Он живёт на пути, ведущем к войне, на опасном пути. К тому же давно, наверное, он состарился, силы его иссякли, дух его на исходе.

Это выслушав, Каан Перген встал и вышел из-за стола. Едой свои силы подкрепив, он сказал:

— Это правда, Алтын Арыг, жена моя! Сарыг Каана, тестя моего, я позабыл.

Каан Перген взял свои боевые многослойные доспехи, надел их на себя, подошёл к Алтын Арыг. Прощаясь с ней, сказал:

— Я не буду долго ездить. Вернусь через девять дней.

Чтобы не скучать друг о друге, попрощались. Чтобы не тосковать, обменялись приветствиями.

Каан Перген вышел из золотого дворца, подошёл к золотой коновязи, отвязал коня своего черногривого Кара-Кула-коня. Встав на стремена, сел верхом; проехал по селу от края до края, по пастбищу среди табунов лошадей; выехал на большой горный перевал и поскакал по вершине горного хребта.

Черногривый Кара-Кул-конь скачет, словно птица летит, словно ветер шумит, стука копыт не слышно, реки без счёту перескакивает, за пределы девятого царства проехал, девять миров миновал, на великий хребет жёлтой горы с восьмьюдесятью перевалами выехал. Родовую гору тестя Каан Перген увидел. Затем он поднялся на свистящий перевал и на пологую гору, словно углубление седла, спустился. Остановился, осмотрелся. Всю окрестность оглядел, весь небесный свод окинул взором. Край Сарыг Каана как раньше мирно стоял, так и теперь мирно стоит, без перемен. Мирно пасутся стада, резвятся стригуны, бегают жеребята. У коновязи жёлтой масти конь стоит, боевой конь Сарыг Каана, тестя Каан Пергена. У коня нижняя губа на шесть вершков вытянулась, верхняя губа на три вершка опустилась.

Глазом моргнуть не успели бы, произнести слова не смогли бы, Каан Перген, как летучая мышь, примчался, как птица с крыльями, прилетел, у основания золотой коновязи спешился. Конь его, как вкопанный, стал.

Каан Перген соскочил с коня, привязал черногривого Кара-Кула-коня к коновязи, пошёл к золотому дворцу, по сорока лестницам его поднялся, дверь открыв, поздоровался; порог перешагнув, приветствовал.

На его приветствие Сарыг Каан приветствием ответил:

— Зять мой, Каан Перген, приехал к нам! — говоря так, Сарыг Каан подвёл гостя к столу и посадил на почётное место.

Жена Сарыг Каана по имени Сарыг Сабак угощает зятя едой. Пёструю чашу вином наполнив, подаёт Каану Пергену.

Каан Перген питьём жажду утоляет, едой утоляет голод, исхудавшее тело силой укрепляет, опавший желудок едой наполняет. Выпив вина полную чашку, лёгкое похмелье почувствовал...

— Эзе, Каан Перген, зять мой, далеко ли ты путь держишь? — спросил Сарыг Каан.

— Не далеко, до земли Сарыг Каана, моего тестя, я приехал в гости, — сказал Каан Перген.

— Если так, то слушай слова мои, — сказал Сарыг Каан. — Отсюда дальше есть золотая гора с девятьюдесятью перевалами. На вершине её растёт ветвистая берёза с золотыми листьями. Я дожил до седин, три поколения жизни я прожил, но не смог доехать до этой берёзы с золотыми листьями, чтобы её листьями утолить голод, чтобы досыта поесть. Если ты привезёшь мне листья этой берёзы, накормишь ими меня, то слава твоя по

всей Вселенной пройдёт, по всему миру пройдёт. До вершины золотой горы ни один конь, имеющий четыре ноги, не поднимался, ни один богатырь, имеющий великий ум, не достигал. Ни одна птица, имеющая крылья, чтобы летать, не сидела на её вершине.

Это услышав, Каан Перген встал с того места, где он сидел, стал ходить по полу золотого дворца взад и вперёд...

— Я привезу золотые листья берёзы, растущей на вершине золотой горы с девяностю перевалами, коль ты всю свою долгую жизнь хотел поесть золотые листья ветвистой березы.

Чтобы не скучать, Каан Перген попрощался, чтобы не тосковать друг о друге, добрые пожелания он оставил, из золотого дворца он вышел, развязал поводья узды черногривого Кара-Кула-коня, словно летучая мышь на круп коня вскочил, с места коня бичом погнал.

Чёрный бич до сорокового голубого неба он поднял, с размаху коня ударил. Черногривый Кара-Кула-конь с места галопом поскакал. Там, где он ногами о землю опирался, у золотой коновязи, земля оголилась так, что на этом месте сорок лет трава не будет расти. От боли черногривый Кара-Кула-конь зубами скрежещет, свои задние ноги зубами хватая, скачет. На какую землю ноги опускает, сам конь не чувствует. Крылатые птицы не могут рядом лететь, лучшие из зверей не могут близко подойти к нему. Словно тонкая нить натянулся конь. Кружась, земля остаётся позади, отцовский край из сознания выходит, материнский край за спиной уходит.

В чёрные неведомые края Каан Перген скачет. Без счёта реки переходит, без числа горы переваливает. На краю земли, на дне вселенной вершина золотой горы, как белое облако, показалась. Каан Перген выехал на большую дорогу.

Все следы шли в одну сторону, туда, назад ни один след не указывает. Из тех, кто уехал, ни один не вернулся.

Когда Каан Перген стал приближаться к золотой горе, великий ветер подул, могучий богатырь на жёлтом, лучшем из лучших коней мимо его проскакал. Лучший из богатырей, ударил лучшего из лучших жёлтой масти коня. Словно искра из-под молота конь сверкнул, на золотую гору с девяностю перевалами поскакал. До семидесятого перевала богатырь добрался. На семидесятом перевале конь остановился, ухватившись зубами за одну из вершин золотой горы — повис, дальше не в силах двинуться.

Седок богатырского сложения крикнул:

— Кто из живых останется, передайте отцу моему по имени Сарыг Картыга! Лучший из мужчин по имени Сарыг Салгын — его сын погиб, добравшись до вершины семидесятого перевала золотой горы, скатившись к подножью золотой горы, кости сложил.

Шесть дней и ночей держался конь Сарыг Салгына. На седьмой разжал челюсть. Богатырь вместе с конём, словно россыпи камней, грохнулся вниз.

Это увидев, Каан Перген не боявшийся утрашился, не пугавшийся испугался. «Выстрелянная пуля не летит назад, выехавший в путь богатырь не возвращается назад, бессмертным я не родился,» — подумал он.

Каан Перген поднял свой бич до сорока небес, от ручки бича вода закапала, со всего размаха ударил Кара-Кула-коня. Кара-Кул-конь заржал от боли, с места в галоп пустился.

Каан Перген лишился сознания, данного ему великим творцом. Когда очнулся, то увидел — передние ноги черногривого Кара-Кула-коня достигли вершины золотой горы с девятыюдесятью перевалами, задние ноги остались по эту сторону горы. Конь повис, держась зубами за грани золотой горы.

Каан Перген огляделся вокруг. Внизу увидел черную бездонную пропасть. Если его Кара-Кул-конь сорвётся, то вместе со своим конём и он улетит в чёрную черноту, как чёрные россыпи камней с шумом и грохотом. Каан Перген осторожно вынул ступни из стремян, приподнявшись, прыгнул на вершину золотой горы и допрыгнул. Потом схватил Кара-Кула-коня за оба уха и стал вытаскивать. Кара-Кул-конь зубами и ногами подтягивался, конь помог Каан Пергену вытащить себя...

На вершине золотой горы растущие деревья не вянут, травы растущие — не блекнут. Каан Перген сел верхом на Кара-Кула-коня, поехал по вершине золотой горы. Оглядевшись вокруг, он заметил, что здесь ни один конь, имеющий широкие копыта, не прошёл, ни один богатырь, наделённый великим умом, не проехал. Растущая здесь трава стоит ни кем не тронутая, верхушки трав никем не помяты. Вдали Каан Перген увидел золотой дворец. Лучи восходящего солнца его освещают. Рядом с золотым дворцом нет коновязи.

Каан Перген подъехал к золотому дворцу, коня отпустил на свободу, сам вошёл в золотой дворец. Открыв дверь, он поздоровался, порог перешагнув, поприветствовал. За золотым столом сидит богатырь в золотых доспехах, читает книгу, написанную золотыми буквами. На приветствие Каан Пергена богатырь ответил приветствием. Каан Перген увидел на другой стороне от стола золотую кровать. У изголовья золотой кровати растёт ветвистая берёза с золотыми листьями.

— Эзе, богатырь, с золотыми доспехами, позволь мне нарвать золотые листья с этой ветвистой берёзы, — сказал Каан Перген.

Это услышав, богатырь говорит:

— Эзе, Каан Перген, я являюсь Великим Часовым у этой берёзы. Меня поставил сам Великий Творец. Если ты привезёшь разрешение от самого Бога, то я дам тебе листья ветвистой берёзы.

Каан Перген подумал: «Когда же мне подниматься до Великого Творца?» И говорит:

— Богатырь, посмотри в окно, что там делается?

Пока Великий Часовой глядел в окно, Каан Перген протянул руки к листьям берёзы, чтобы нарвать их.

Богатырь встал на ноги, поймал руки Каан Пергена.

— Пока не будет разрешения от самого Великого Творца, я не дам золотые листья ветвистой берёзы, — сказал самим Великим Творцом поставленный Великий Часовой.

Два богатыря, Каан Перген и Великий Часовой, сказав слово, за плечи схватились, сказав два слова, за руки ухватились. Волоча друг друга из золотого дворца, вывалились. На вершине золотой горы битва началась. Когда два богатыря вступили в поединок, трава, растущая на вершине золотой горы, с корнем стала вырываться.

Девять дней бились богатыри. Через девять дней их плечи к плечам подошли, руки — к рукам. Думали, что девять дней миновало: девять лет, оказывается, прошло. Через девять лет, бледнея, будто луна упала, сияя, солнце будто померкло. Это место будто о медное царство стукнулось. Из чёрного тумана Каан Перген вышел.

Он бросил золотого богатыря-часового на вершину Золотой горы. Великий золотой богатырь упал поперёк горного перевала, его стан не сломался, глаза широко открыты, душа его через рот выскочила. Так богатырь погиб.

Каан Перген бегом вбежал в золотой дворец. Нарвал золотые листья, набил ими карманы полные, к спине черногривого Кара-Кула-коня, словно летучая мышь прильнул, назад ускакал.

Оглянувшись, увидел, что вершина золотой горы верх дном перевернулась. Это увидев, Каан Перген, не пугавшийся, испугался и подумал: «Как бы не проклял меня истинный Творец». Подумав так, Каан Перген ударил бичом своего коня.

Черногривый Кара-Кул-конь скачет, словно живая пуля летит, словно стрела свистит. Там, где Каан Перген тратил целые месяцы на путь, за день одолевает. Там, где год ехал, за семь дней проезжает. Минуя повороты рек, напрямик скачет. Кружась, земля уходит назад. Скачет его конь, вытянувшись на всю длину свою.

Мало ли, много ли скачет конь. Показалась вершина жёлтой горы Сарыг Каана, тестя Каан Пергена родовой горы. Каан Перген прискакал на свистящую вершину, в углубление горы спустился. Спешился. Огляделся. Мирно пасутся стада, мирно живёт народ. Ничего не изменилось. Как было, так всё и осталось.

Каан Перген подъехал к коновязи, поставил Кара-Кула-коня рядом с конём жёлтой масти, привязал к коновязи, вошёл в золотой дворец. Дверь открыв, поздоровался, руку подняв, поприветствовал.

Сарыг Каан, тесть Каан Пергена, ответил приветствием, зятя за руку взял, на почётное место за столом усадил, стал кормить лучшей из еды едой и лучшим из вин вином угощать. Сарыг Каан спрашивает:

— Какую новую неведомую нам вещь ты привёз?

Каан Перген выложил на стол золотые листья ветвистой берёзы. Это увидев, Сарыг Сабак, жена Сарыг Каана, подбежала к столу, собрала все золотые листья ветвистой берёзы в подол платья, вошла в сороковую комнату, стала их есть.

Сарыг Каан схватил бич, поднял его, чтобы ударить жену. Сарыг Сабак побежала вокруг стола, не давая себя ударить. Пока бегала вокруг стола, успела съесть все золотые листья. Сарыг каан кричит:

— Не для тебя привезены эти золотые листья ветвистой берёзы! Они доставлены для меня! Мне надо их съесть!

Когда он увидел, что все листья до одного съедены, старый Сарыг Каан плюхнулся на пол и горько зарыдал. Потом он говорит:

— Каан Перген, мой зять, если бы я не был сердит, то не сказал бы того, о чём я хочу сказать тебе. После твоего отъезда твоя жена родила одного мальчика и одну девочку. Имя твоего сына Кара Картыга. Он будет ездить на коне чёрной масти Кара-Калтар. Имя твоей дочери Алтын Каракчын, будет ездить на белом коне Ак-Кыр. Длина спины коня сорок саженой будет. На земле она сильнейшая из самых сильных будет, сильнейшая из небожителей. Ты, Каан Перген, бесславный путь совершил, из плохой поездки вернулся. Не надо было вступать в поединок с Великим Часовым, хранителем ветвистой берёзы. Надо было подняться к Великому Творцу и привезти разрешение от него. Ты погубил Великого Часового, бог покарал тебя. Твоя дочь стала носителем зла. Такой её сотворил сам истинный Бог. Она будет творить зло. Великий Творец сердит на тебя. Твой род погибнет, иссякнет, иссохнет..

Каан Перген, выслушав Сарыг Каана, попрощался, сел на черногривого Кара-Кула-коня, поехал домой. Наверное, до сих пор едет...

П Р И М Е Ч А Н И Я

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ПОДУР ПАКЕН

Эту сказку рассказала Мария Ермолаевна Токмагашева, 1907 года рождения, в селе Казас, расположенном на левом берегу реки Мрас-Су в 10 км от города Мыски. Записал на магнитную ленту А. И. Чудояков летом 1986 года.

Мария Ермолаевна обладала сильнейшей памятью, знала десятки шорских народных поэм и песен. В молодости она прекрасно их исполняла, выступая перед жителями Горной Шории, в основном в 30-е годы. В то время она работала пропагандистом в избе-читальне после окончания рабфака в г. Томске.

В конце 60-х, начале 70-х годов Мария Ермолаевна еще пела. В эти годы А. И. Чудояков записал на магнитную ленту шорские народные песни, которые она исполняла, и сказки, в том числе «Подур Пакен». Кроме произведений народного эпоса Мария Ермолаевна знала много народных примет и запретов. Например, запрет на рассказывание сказок раньше первого снега, точнее, пока скот не будет переведен на зимнее стойловое содержание. На просьбу А.И. Чудоякова рассказать алыптыгнывак (богатырскую сказку) в июле 1986 года, она сказала: «Эрте, мал суланга киргелек. Малга пичен четпеен парар», что означало в переводе: «Рано, скот не стоит в стойле. Скоту не хватит корма».

В Казасе односельчане Марию Ермолаевну звали «Алтын Маня» (золотая Маня) за общительный характер, отзывчивость, словом, за человечность.

Данная сказка публикуется впервые на русском языке.

АБЫШКА — СТАРЫЙ ОХОТНИК

Эту сказку в 1939 году рассказал Николай Александрович Напазаков, по прозвищу кайчи Морошка. Записал учитель Г. Н. Чульжанов, перевел на русский язык шорский писатель Федор Степанович Чиспияков. В 1940 году сказка была опубликована (на шорском языке) в книге Г. Ф. Бабушкина «Шор набыктары» (Новосибирск, 1940). В 1948 году сказка опубликована в сборнике «Ай-Толай», литературно переведена на русский язык поэтом А. И. Смердовым.

Н. А. Напазаков родился в 1870 году, умер в 1942 году. Он был самым выдающимся кайчи всей Горной Шории первой половины XX века.

Охотник Абышка - характерный образец шорской сказки, где

сплетаются мотивы бытовые, реалистические с фантастикой, где отчетливо выступают специфические особенности национального, бытового, экономического, хозяйственного уклада.

Во-первых, герой ныбак - не богатырь, а простой охотник, живущий обыкновенной жизнью и волей случая попадающий в фантастические обстоятельства.

Во-вторых, в сказке большое место занимает природа, в окружении которой живет охотник.

В-третьих, в ныбак отчетливо отражены верования, предрассудки, мировоззрения шорцев. В сказке фигурирует дух лесов, человек-медведь. Этот образ - отражение культа медведя, лесной полуязыческой религии шорцев. Существует масса легенд, сказок о полувере-получеловеке, родившемся от связи женщины и медведя. В «Охотнике Абышке» мы имеем дело с превращением ребенка в медвежонка и обратным превращением его в человека.

НАСТОЯЩАЯ ЖЕНА

Сказка была рассказана Марией Ермолаевной Токмагашевой. Она слышала ее от своего отца. Записал на магнитную ленту А. И. Чудояков в июле 1986 года в Казасе. Публикуется впервые на русском языке.

НЕСЧАСТЛИВЕЦ НЕККЕР

Запись Г. Ф. Бабушкина (от неизвестного сказителя). Перевод Ф. С. Чиспиякова. Сказка впервые опубликована (на шорском языке) в 1940 году в книге Г. Ф. Бабушкина «Шор набыктары». В 1948 году сказка опубликована в сборнике «Ай-Толай», литературно переведена на русский язык поэтом А. И. Смердовым.

ЧАГЫС - ОДИНОКИЙ ПАРЕНЬ

Запись и подстрочник Н. П. Дыренковой. Улус Усть-Анзасс, на реке Анзасс. 1926-30 гг. Сказка «Чагыс»-ныбак, типично фантастического содержания, но и здесь отражается быт шорца, охотника и рыбака. «Три человека ловили рыбу. Одну только щуку поймали». Чагыс выменял щуку на единственную овцу. В Шории овец было мало, они представляли большую ценность.

В сказке выступает мифический Хозяин воды (Эзи-суг). Шорцы представляли этих «хозяев» духами то в образе человека, то рыбы (в виде щуки выступает здесь сын Хозяина воды), то в виде животного (собачка превращается в девушку-волшебницу). «Хозяев» этих шорец творил по

своему образу и подобию, наделяя их своими страстями и слабостями, своими симпатиями и антипатиями, своими мыслями и чувствами, приписывая им свой образ жизни и поведение, свои имущественные и социальные отношения. (Н. П. Дыренкова «Шорский фольклор», том. I).

Данная сказка впервые опубликована (на шорском языке) в книге Н. П. Дыренковой «Шорский фольклор» (М.-Л., 1940).

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Сказка была записана и переведена на русский язык Степаном Семеновичем Торбоковым. Отпечатана на пишущей машинке в 1954 году.

Публикуется впервые на русском языке.

АЛЫГ АНЧИ

Сказка рассказана Д. Н. Толтаевым в 1968 году в Карае, записана А. И. Чудояковым под диктовку.

Д. Н. Толтаев обладал редчайшей памятью, знал десятки сказок, преданий, легенд, а также героических поэм. Он любил рассказывать произведения фольклора родного народа...

Сказка публикуется впервые на русском языке.

УШ КАРАК

В 1974 году А. И. Чудояков записал эту сказку на магнитную ленту в селе Парагол Усть-Кабырзинского сельсовета Таштагольского района со слов Григория Ивановича Шулбаева, неграмотного шорца, которому тогда было 93 года. В родном Парлаголе сказитель прожил всю жизнь. По его словам, он слушал сказки от односельчан и от приезжих. Он не помнил, от кого какую сказку услышал, но знал их очень много самого разного содержания.

Село Парлагол находится на берегу реки Кабырза, впадающей в Мрас-Су в верхнем ее течении. Население этого края Шории в разговорной речи пользуется особым говором, который отличается от мрасского и кондомского диалектов, поэтому в лексике Г. И. Шулбаева встречаются не только интонации, но и слова, которых нет в лексике мрасского диалекта, например, «арт», или редко употребляемое «эгер», или сильно измененных слогов в словах мрасского диалекта - пьага, пьагы...

АРТ - напиток шорских охотников. Северные шорцы называют его абырткой. **ЭГЕР** - собака, **ПЬЯЛА** - только что, **ПЬЯГЫ** - тот. Собака шорцами называется тремя словами - эгер, адай, ит. В речи северных шорцев чаще всего употребляется слово «адай», мысковские шорцы

слово «пьягы» произносят «пайагы», а «пьяла» - «пайала».

В более сокращенном варианте сказка «Уш Карак» была рассказана Алексеем Васильевичем Никитиным, 1929 года рождения, в селе Чувашка (входит в черту города Мыски).

Сказка публикуется впервые на русском языке.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Сказка рассказана Григорием Ивановичем Шулбаевым, записана на магнитную ленту А. И. Чудояковым летом 1973 года в селе Парлагол, где жил сказитель, при присутствии большого количества слушателей, причем, в основном из числа молодых людей. Сказка была прослушана с очень большим вниманием. Население Парлагола до сих пор продолжает заниматься выращиванием ячменя. Еще сохранились небольшие участки земли, обрабатываемые абылом (мотыгой). После упразднения колхозов, начиная с 1958 года, вновь воскресла старая шорская земледельческая культура, чтобы опять уйти в прошлое, на этот раз навсегда.

Данная сказка публикуется впервые (на русском языке).

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

ОЙЛА И МУКАЛАЙ

Записал, перевел на русский язык шорский писатель Федор Степанович Чиспияков. Высмеивается в сказке беспомощность мужчин. Сказка впервые опубликована (только на шорском языке) в Книге «Улгер» (Кемерово, 1995).

ЧАШТАН И КОПЧЕТ

МУСТАГ - одна из горных вершин Горной Шории, покрытая вечным снегом, отсюда и название: **МУС** - лед, **ТАГ** - гора - Ледяная гора.

НАУЧИ МЕНЯ ПЕТЬ

Запись и литературная обработка А. И. Чудоякова.

БЕГЛАЯ ДЕВУШКА

Эта сказка написана С. С. Тотышем по мотивам шорского фольклора. Передана А. И. Чудоякову сыном писателя Александром Софроновичем Тотышем. Публикуется впервые.

ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ

Запись А.И. Чудоякова. Сказка публикуется впервые на русском языке.

ОБИДЧИВЫЙ ВОР

Эта сказка записана А. И. Чудояковым в 1969 году со слов Николая Ивановича Карачакова, 1895 года рождения, выходца из рода шор, прожившего в селе Верхний Тооз всю свою жизнь, за исключением периода Великой Отечественной войны, участником которой он был. Верхний Тооз расположен на берегу реки Мрас-Су, примерно в 20 км от устья, относится к северной части Горной Шории, где жители говорят на мрасском диалекте шорского языка. Род шор живет и в Таштагольском районе. Н. И. Карачаков говорил на мрасском диалекте. Он знал много мифов, легенд и преданий, к сожалению, от него записано очень мало. Это был единственный человек, который знал поэму «Мурат-Пи». В 1969 году она была рассказана А. И. Чудоякову, но не была записана.

Данная сказка публикуется впервые на русском языке.

АРГАЧИ И КУЙУРЧИ

Запись А.И. Чудоякова. Сказка публикуется впервые на русском языке.

ХИТРЫЙ АРГЫНАК

Эту сказку, известную как «Аргынак», рассказал Илья Александрович Акуляков в селе Усть-Кабырза Таштагольского района, в южной Шории, где он проработал учителем с 1924 по 1963 год. В южную Шорию он приехал из низовьев реки Мрас-Су, из села Красный Яр (ныне улица города Мыски) в 1924 году. В 1964 году, когда была записан «Аргынак» А. И. Чудояковым, И. А. Акуляков был на пенсии первый год.

Он был человеком любознательным и аккуратным, много знал легенд, преданий и сказок, изучил южный край Шории, называемый

северными шорцами «Чыштар». Народный термин «чыштар» на русский язык переводится словами «жители черновых лесов» (слово «чыш» означает густой лес, или черневый лес). Но термин нуждается в научной этимологизации, потому что за «чыштарами» явно проглядывается название этнонима.

Сказку «Аргынак» И. А. Акуляков слышал от своего брата Федора, сам рассказывал другим слушателям, хорошо запомнил. Алыптыг ныбак (богатырские сказки) он не рассказывал, но знал несколько поэм. А. И. Чудоякову тогда же он передал содержание эпической поэмы «Алтын Тайчи» весьма архаического содержания, но представляющего большой научный интерес, главным образом, тем, что в ней отражены представления о Чайачы (Творце), а также повествование о походах героя, имеющего 40 ивовых камусов (щипковых музыкальных инструментов).

Тогда же И. А. Акуляков рассказал А. И. Чудоякову о том, что в районе бывшего села Шодрово (по р. Мрас-Су) когда-то давно жил народ шодура, который грабил как чыштаров, так низовских шорцев, когда они проплывали на лодках вверх или вниз по реке мимо их селения. Чыштары вынуждены были подниматься по речке Отузас, притоку Мрас-Су, огибать село Шодрово, потом через горный перевал перетаскивать груз и лодки.

По словам И. А. Акулякова до недавнего прошлого чыштары жили по чоонам (племенам). От села Усть-Анзас вверх по Мрас-Су до села Шорттайга жило племя Карга-чоон, в районе сел Порушка, средний Челей - племя челей-чоон, от устья речки Пузас до устья реки Кобырза - племя кызай-чоон, от села Парлагол по реке Кобырза до ее самого истока - племя кабый-чоон, в районе Кезас, Кара-гол - племя таяш-чоон. Это очень важные сведения для этнографов, изучающих современных шорцев.

Данная сказка публикуется впервые на русском языке.

АЙ-ТАМАШ

Записал на магнитофонную пленку А. И. Чудояков. Перевел с шорского языка и литературно обработал Г. В. Косточаков.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

КОВАРНЫЕ БАРСУКИ

Сказка С. С. Тотыша.

НЕНАСЫТНЫЙ БАРАН

Запись А. И. Чудоякова.

ЖАДНОСТЬ ЛИСЫ

Запись А. И. Чудоякова.

В МУТНОЙ ВОДЕ САМ ПОПАДЕШЬ ЧТО БЫЛО, ТО ПРОШЛО

Сказки, записанные А. И. Чудояковым.

ЛЕГЕНДЫ

ОТЧЕГО БАРСУК ЖИРНЫЙ

Повествование сказки, записанной поэтом С. С. Торбоковым, ведется от имени старухи Орикен. Скорее всего, это вымышленное имя. Сказка впервые опубликована (только на шорском языке) в Книге «Улгер» (Кемерово, 1995). Литературная обработка А. И. Чудоякова.

КУКУШКА

Легенда С. С. Тотыша.

МРАС-СУ И КАРА-ТОМ

Легенда С. С. Тотыша. Публикуется впервые.

ПУС-ТАГ

Легенда С. С. Тотыша. Впервые опубликована в сборнике "Сказки Шапкая» (г. Кемерово, Кемеровское книжное издательство).

ЖЕЛЕЗНЫЙ СТОЛЬ ПОСРЕДИ ЗЕМЛИ

Запись и литературная обработка А. И. Чудоякова.

КАК ЧЕЛОВЕК СТАЛ ХОЗЯИНОМ ЗЕМЛИ

Легенда С. С. Тотыша.

СМЕРТЬ И КУЗНЕЦ

Легенда С. С. Тотыша.

ИЗ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

КЕСТЭЙ

Фрагмент героического сказания записан на магнитную ленту Верой Михайловной Чиспияковой в Абагуре (поселок входит в черту города Новокузнецка) со слов Василисы Ильиничны Чебучаковой, 1920 года рождения, образование 4 класса. А. И. Чудояков переписал сказку на бумагу и перевел на русский язык.

В. И. Чебучакова родилась в селе Сыркаши (по-шорски «Орвун»), расположенного на берегу верхнего течения Томи, в семье крестьянина Ильи Майтакова. В Абагуре она прожила 32 года среди абаларов (отцов). Майтаковы относятся к роду челей.

Эта запись является небольшим фрагментом известной и широко распространенной (30-е годы) в северной Шории романтической поэмы «Ко-стейке», к сожалению, ныне забытой. По-алтайски она называется «Козуйке» /Алтай батырлар, Горно-Алтайск, 1960/. По содержанию поэма относится к типу шорских поэм «Казыр-Тоо», «Алтын-Сом», «Алтын Тайчи» и «Алтын Танг», которые Александром Смердовым, сибирским поэтом, переводчиком и составителем сборника произведений шорского фольклора «Ай-Толай», изданного в Новосибирске в 1948 году, были названы поэмами о любви и верности. Публикуется впервые на русском языке.

ЗОЛОТАЯ БЕРЁЗА

Это фрагмент эпической поэмы «Каан Перген», рассказанный Д. Н. Толтаевым в селе Карай, где тогда жил сказитель, по просьбе А. И. Чудоякова, записанный им на бумагу под диктовку.

После знакомства с известным трудом Фрезера «Золотая ветвь»,

А. И. Чудояков спросил у Д. Н. Толтаева: «В шорском фольклоре есть мотив, отражающий мифические представления далеких предков современных шорцев, об охране часовым какого-нибудь родового дерева?» Ответ был положительный. Тогда же, в 1962 году, Д. Н. Толтаев рассказал мотив поэмы «Каан Перген» - об охране часовым золотой березы и о краже богатырем ее золотых листьев.

Эта запись была предпринята в надежде на то, что впоследствии поэма будет записана полностью, но замысел остался не осуществленным. Фрагмент представляет большой научный интерес, публикуется в том виде, в каком он был продиктован и записан.

СЛОВНИК ШОРСКИХ СЛОВ И ИМЕН, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ТЕКСТАХ СКАЗОК, ЛЕГЕНД

- аал** — селение, поселок, деревня
- аббо** — междометие, возглас радости, неожиданности и удивления
- абыртка** — напиток из талкана и закваски
- Ак** — белый, светлый, относящийся к Верхнему миру
- Алтын** — золотой, относящийся к Верхнему миру
- Алтын-Казын** — Золотая береза, священное дерево Ульгена
- Алтын-Тарак** — Золотой Гребень
- алыг** — глупый, глупец
- алып** — богатырь
- анчи, Анчи** — охотник
- Аргачи, Аргынак** — крепкий, основательный, надежный, стойкий
(от арга — спина, хребет)
- арака** — спиртной напиток, водка
- арыг** — чистый
- ичиги** — кожаные сапоги (женские)
- каан, Каан** — царь, правитель, хан
- кайларить** — петь горлом, исполнять героическое сказание
- казан** — котел
- Кара, Каратты** — черный, относящийся к Нижнему миру
- кижи** — человек
- киндик** — пуп, пуповина,
- когигежим** — гончая, охотничья собака
- комус** — музыкальный инструмент наподобие балалайки
- коче** — каша из ячменной муки
- куюрчи** — изменчивый, нестойкий, извивающийся (от куйу —
виться, извиваться)
- Мукалай** — Николай
- неккер** — товарищ, друг (традиционное шорское имя)
- озагат (азагат, азагот)** — потнишная трава, использовалась вместо
портянок
- Ойла** — Ольга
- оолак, Оолак** — мальчик, паренек
- Панюгеш, Панюк** — Иван
- Пус-Тас (Мустаг)** — Ледяная гора
- Сот (Сот)** — какое-то мифическое дерево
- сарыг** — желтый, светловолосый

сураз — внебрачный ребенок
Таг-ээзи — Дух тайги, покровитель охотников, хозяин диких зверей
тайга — высокая гора
талкан — перемолотые жареные зерна ячменя, пища охотника, компонент приготовления абыртки
талым, тал — ива
таскыл — гора, хребет
Темир-тау — Железная гора
тескин-кыс — беглая девушка
той — пир, свадьба
уш-карак — три глаза
чагыс — одинокий, единственный
чакши — хорошо
чаштан — умудренный жизнью (от чашта — жить, прожить)
че — ладно, хорошо
шабур — холщовая верхняя одежда
шор-кижи — шорец
ырызы чок — несчастливый
эзе — да, ну
эль — родная земля и народ, на ней живущий
энэ (эне) — мама, мать

Литературно-художественное издание
ШОРСКИЕ СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ
Составитель А. И. Чудояков.

Издатель Ю. С. Тотыш.
Художники: Л. Тупикова, К. Галкина.
Компьютерная верстка О. Сальникова.
Набор А. Потапова

Подписано в печать 21.11.02 г. Формат 60 x 84 1/16.
Печ. л. 13,0. Тираж 500 экз. Заказ № 1045.
Отпечатано в ГУП РПО СО РАСХН
630500, Новосибирская обл., пос. Краснообск.

Создание электронной версии книги: Руслан Топаков

E-mail: rumirov@ya.ru

Web-сайт: gor-shor.ru